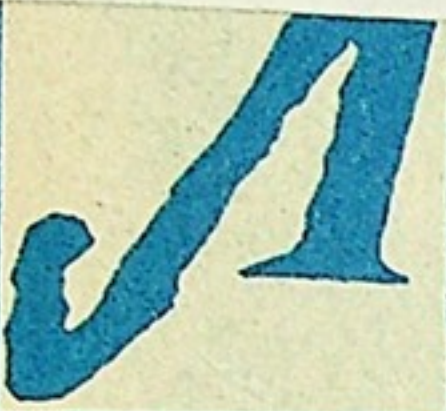

10335
1990 / 3

ISSN 0130-3600

ქართული
ლიტერატურა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

1990

10.335 ლიტერატურა

1990 / 3

და რა არის ის, რაც არის ან არის მისი მნიშვნელობა.
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა -
 დამსახურება მისთვის მისი მნიშვნელობა
 დამსახურება მისთვის მისი მნიშვნელობა!
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის -
 ვინაიდან ყველა მისთვის მისი მნიშვნელობა,
 ვინაიდან ყველა მისთვის მისი მნიშვნელობა?
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის?
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის?

და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის?
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის?
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის?
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის,
 და რა არის ის, რაც არის მისი მნიშვნელობა მისთვის?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Мартовский петух. Роман.
Продолжение. Перевод Элисбара Ана-
ниашвили 3
- ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ. Стихи. Переводы
Ильи Фонякова, Ирэны Серге-
вой 52
- МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Поиски богов. Гла-
вы из романа 55
- ТЕЙМУРАЗ ДЖАНГУЛАШВИЛИ. Пламене-
ют девять роз. Стихи. Перевод Олега
Боброва 110
- ШАДИМАН ШАМАНАДЗЕ. Стихи. Переводы
Татьяны Муллер, Юрия Оболен-
цева 111
- АРКАДИЙ РОВНЕР. Посмертие. Рассказ . 113

ПУБЛИЦИСТИКА

- ИРАКЛИЙ ГОЦИРИДЗЕ. Частное расследова-
ние, или Я заглядываю в сейфы власти . 119

5

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

МИХАИЛ БУЯНОВ. Неоконченный разговор . 171

ИСКУССТВО

ЛЕИЛА НАДАРЕЙШВИЛИ. Танец — его
стихия 178

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ДАВИД КАКАБАДЗЕ. Статьи об искусстве.
Перевод Нодара Тархнишвили . 191

КОНТАКТЫ

ЛУИДЖИ МАГАРОТТО. Портрет в живописи
Н. Пиросманашвили 211

РЕЦЕНЗИИ

ВИКТОРИЯ ПЕРАДЗЕ. Без должной серьез-
ности 216

НАМ ПИШУТ

ПРИДОН ГОДЗИАШВИЛИ. Продается... Гру-
зия? 221

Книжные новинки 224

* На 1-ой стр. обложки фрагмент стихотворения Иосифа Гришашвили «Изменнице».

МАРТОВСКИЙ ПЕТУХ

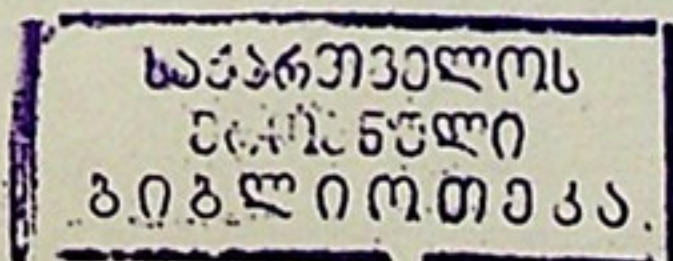
РОМАН

3.

Последним, в хвосте, шагает Гогия. На плече у него висит охотничья двустволка, он ведет на поводу старую кобылу с вздутым брюхом. Не долгий уже век впереди у этой кобылы. Стоит ей разок-другой споткнуться — и заведут в яму, влепят пулю в лоб. Так вот в прошлом году прикончили одного мерина под вербную субботу. Нико и Вало Бадалашвили рвали на склоне пониже базара сухие стебли для костров. Чем-то он болен, сказал Несва, еще заразит других лошадей. Чуял (не Несва, а мерин), что его ждет, тревожился, пока рыли ему могилу. Принюхивался к земле и снова вздергивал голову, застывая ненадолго, наставив уши, словно прислушивался к стуку лопаты — осталось ли ему еще немного времени или лопата уже кончила свое дело? На шею лошади была наброшена петля, растрепанный конец веревки волочился по земле. Наступив на него ногой, Несва щелкал затвором винтовки — то открывал, то закрывал его.

Другие еще не спешили, едут на лошадях, а Гогия, видимо, боится спускаться верхом с горы и плетется поэтому в хвосте пешком. И кобыла тащится едва-едва, задние ноги у нее то и дело подгибаются, а хвост она подняла, а из-под хвоста вырываются такие звуки, что едущие впереди невольно натягивают поводья, медлят в душных испарениях своих лошадей, да и своих собственных, усиленно скрипят блестящей черной кожей седел и потной сбруи и, вывернув шеи,

Продолжение. Начало см. в № 4.

через плечо оглядываются на Гогия и на его кобылу: что это там с ними, очень уж расшумелись.

А лейтенант спешит, волнуется, лицо у него белое, как полотно. Жестом показывает остальным, чтобы молчали и торопились. Лейтенанта разбирает страх, но и другим не лучше, от страха их вымученное веселье, от страха все их шуточки и смешки — точно они торопятся на свадьбу столетней старухи. Все боятся, кроме Гогия, потому что Гогия надеется на них, а им не на кого надеяться. Гогия горд тем, что причтен к их компании, а им не с чего гордиться. Они обыкновенные люди, служат, содержат семьи, вмешиваются в жизнь, хотя от их существования ничего к жизни не прибавляется и не убавляется, потому что они сами — жизнь, они то, что они есть, не больше и не меньше, они не актерствуют для развлечения других и не наблюдают сами чужую игру через «поблескивающие лорнеты». Пришла их пора — и живут, как могут. Наподобие того качретского крестьянина — вытягивают ноги в постели, насколько хватает одеяла. Вчера их еще не было, завтра их уже не будет. Проходят бесконечной чередой жизни, с времен Адама — как и вообще, так и сейчас; да, и сейчас тоже они выстроились в очередь: за лейтенантом — Грдзело, за Грдзело — Араминдара, за Араминдарой — Несва, а за Несва — Георгий Упарашвили, самый пожилой милицейский не только в Сигнахи, но и во всей Кахети и, может быть, даже во всей Грузии. Только его сын не милиционер, но во всем этом маленьком отряде наверно этому юнцу больше, чем кому бы то ни было другому, нравится милицейское дело, возможно и потому, что тот человек, к которому он испытывал почтительный страх и который казался ему примером для подражания, его родной дядя, брат его матери, всю жизнь прятался от милиции. «У милиционера больше и возможностей и прав», — по-своему просвещал тот молокососа-племянника, по-своему растолковывал ему законы и обычаи преступного мира — до тех пор, пока, обезумев от вечного страха и ожидания, не оставил последнее свое пристанище (дом Упарашвили) и не явился сам, по своей воле, с повинной в милицию. А его племянник, заправив обе штанины в старые отцовские, перекошенные и перекореженные сапоги,

подпоясавшись поверх пальто солдатским ремнем с медной пряжкой, надвинув, как шлем, на лоб шапку-ушанку и перевесив через плечо двухстволку, ведет на поводу лошадь. Воображает себя мужчиной — идущим по мужскому делу.

Внезапно лейтенант поднимает руку и все останавливаются. Кобыла ткнулась мордой в затылок Гогия. Толчок так силен, что Гогия с трудом удерживается на ногах, повиснув на уздечке. Раздосадованный, он сердито глядит на лошадь, хочет свалить на нее эту нечаянную незадачу. Но лошадь отворачивает морду, глядит в сторону печально и безучастно. Ей хватает своих забот: боль в раздутом брюхе, старость, впереди — черная пасть ямы-могилы. Желтой пленкой затянута ее гноящиеся глаза. Гогия, одумавшись, подлезивается к ней, пытается погладить ее по лбу, приручить, подружиться с нею, но ласка не получается, мешает ружье, висящее на плече, да и лошадь отворачивает огромную, неуклюжую голову, словно вырубленную из коряги тупым топором.

«Не оставить ли тут лошадей?» — спрашивает лейтенант Георгия Упарашвили. Тот пожимает плечами — дескать, что ты меня спрашиваешь, ты ведь тут старший (разумеется, по чину). «Чем гнать сюда этих коняг, забрали бы уж с собой духовой оркестр», — смеется Араминдара. «Смотрите, ускользнут бандиты — всех вместе с лошадьми запру в кутузку!» — выходит из себя лейтенант. «Сколько их тут, однако, что сказал Наскида?» — спрашивает Грдзело. А Нико с трудом сдерживается, чтобы не закричать из кустов: «Один он, никого с ним нет», — словно если тот там один, так ничего худого ему не сделают, скажут, что об одного и рук марать не стоит, и повернут назад, уйдут восвояси. «Что это ты, испугался?» — задирает лейтенант Грдзело. А Грдзело оборачивается к Георгию Упарашвили: «Ежели мы воевать сюда собирались, дай Бог тебе здоровья, так надо было и побольше людей привести». Только людей, напротив, было больше, чем надо, затесались среди них лишние, случайные, и именно эти лишние и случайные все погубили. «Больше всех ты должен остерегаться, — обращается Араминдара к Грдзело. — То, что нас обойдет, тебя не минует». Он приподнимается в стременах

и пропускает между взопревшими ляжками ветер, несущий запах горелой резины. «Будь спокоен, если пуля у него что оторвет, он возьмет с Наскида», — вместо Грдзело отвечает Несва. «А если оторвет что-нибудь такое, чего нету у Наскида?» — смеется Арамндара. Все хохочут. «Ладно, ладно, не время сейчас шутить да смеяться, — унимает их лейтенант. — Дело серьезное, сколько там ни есть бандитов в этой старой церкви, один или все десять». — «Хоть бы ни одного не оказалось», — говорит со вздохом Грдзело. «Нет, нет, кто-нибудь да должен оказаться, нельзя иначе», — почему-то приходит в волнение лейтенант. Никто не отвечает ему. Все молчат. На мгновение каждый отдается своим мыслям. У всех внезапно меняется настроение. Они опускают взгляд, смотрят в землю. Под копытами лошадей струится мутный, дымящийся ручей, несет сухие листья и хвою. Запах свежего, теплого помета примешивается к горьковатому запаху паленой резины. Ветерок пронизан теперь двойным запахом. Кто бы подумал, что через несколько минут они убьют человека!

Потом они спешили, поручили лошадей Гогия и незаметно, бесшумно окружили полуразрушенную церковь. Над провалившейся крышей церкви поднималась тонкая клочковатая струя дыма. Ветер тут же рвал дым на части, не давал ему подняться столбом, крошил и разносил клочья по своей прихоти в разные стороны. Гогия сжимал в горсти поводья шести лошадей и в нетерпении, охваченный волнением и, наверно, страхом, напряженно всматривался в старую церковь. Между прочим, так же как Нико. Только видел Нико при этом много чего и другого — хотя бы того же Гогия, который себя со стороны, разумеется, не мог видеть. Нико видел все: и Гогия, и переминавшихся за его спиной лошадей, и милицейских в засаде вокруг церкви, и дым, поднимавшийся над церковью... А его самого никто не видел. Он был и всевидящим, и незримым. Но вот одна из лошадей мотнула головой, наверно, чтобы отогнать слепня, и фыркнула. Лейтенант строго глянул на Гогия поверх зажатого в поднятой руке револьвера. А Гогия в самом деле заслуживал выговора — как только его оставили одного с лошадьми, он тотчас же забыл о своей причастности к мили-

ции и вообразил себя одним из сообщников своего дяди: как будто он не ловил тут, у старой церкви, вместе с милицией какого-то базарного вора или (одичавшего) дезертира, а дожидался в цицамурской роще появления коляски Ильи Чавчавадзе, — «затаившись» и «напрягшись», как рассказывал ему в детстве дядя. «Мы уже потеряли было надежду, и как раз услышали звон бубенцов». До Гогия словно донесся тот легкий звон, но тут фыркнула одна из лошадей, и он почувствовал на себе строгий, суровый взгляд лейтенанта. Растерянный и испуганный, он не знал, как быть с лошадьми, — как их успокоить — строгостью или лаской. Как искупить свою невольную вину. Он был между двух огней: ружье оттягивало ему плечо с одной стороны, а с другой тянули за поводья шесть прижавшихся друг к другу, взволнованных животным инстинктом — предчувствием, лошадей.

«Сдавайтесь, вы окружены, сопротивление бесполезно!» — крикнул лейтенант и всадил пулю в стену старой церкви.

Звук выстрела разнесся вместе со свистом пули по притихшему ущелью. Шесть лошадей одновременно вскинули головы и чуть не оторвали руку у Гогия. (Ах, если бы... если бы!) Ружье сползло у него с плеча и теперь наполовину волочилось по земле; он удерживал его рукой за ремень — одной рукой вцепился в ремень волочащегося ружья, другой в поводья шести испуганных лошадей, и растягиваемый, распяленный между этими двумя привязями, едва удерживался на месте — так, словно земля вдруг обледенела под его ногами. Как испорченная кукла, он то подавался в сторону ружья, то перекачивался, куда тянули лошади. Чтобы стать прямо, он должен был выпустить либо ремень ружья, либо поводья. От одного взгляда на него у Нико закружилась голова и зарябило в глазах. На мгновение он даже забыл, что в развалинах старой церкви укрывается его разбойник, что все эти люди собираются схватить его, для этого приехали сюда и для этого все их старания. Звук выстрела все еще стоял у него в ушах, все еще роилась в воздухе пыль, поднятая пулей, ударившейся в старинную кладку, когда лейтенант крикнул — «Не стрелять! Не стрелять!» — и Нико снова увидел все вокруг себя: Гогия

стоял теперь на коленях, лошадей не было видно, кто-то несся бегом в сторону Гогия. Знал ведь Нико, кто скрывался в развалинах, видел его своими глазами и даже разговаривал с ним — и все-таки удивился его появлению, словно тот возник из сказки, был в самом деле сказочным героем, чуть ли не сыном самого Амрани, ожившим в его, Нико, воображении, и поэтому для других не существующим — или, по крайней мере, невидимым, даже невообразимым. А тот, без шапки, в распахнутом пальто, несся бегом в сторону Гогия, и все его видели. «Не стрелять! Не стрелять!» — кричал лейтенант. Потом все перепуталось. Выстрела Нико на этот раз не слышал, но всем своим существом почувствовал, как ударила пуля в его разбойника. Тот, словно наткнувшись на протянутую перед ним проволоку, откинулся назад, и в ту же секунду Нико откатнулся вместе с ним, как когда-то в Батуми, когда, увлеченный игрой, он забыл на мгновение, что газон огорожен колючей проволокой. Целый месяц после того держали над ним на весу его одеяло, — чтобы оно не коснулось изодранной груди — двоюродные сестры; словно ангелы сидели они около его постели — Дада, Додо и Тату с одной стороны, Ния, Мия и Натули — с другой. Разбойник, как тогда Нико, попытался удержаться на одной ноге, и руки его сами собой раскинулись, как крылья, в пространстве, внезапно и коварно опустевшем. Но это не помогло, он не смог взлететь и так, с раскинутыми руками, с поднятой ногой, словно собираясь через что-то перешагнуть, привязанный к незримым крыльям, он грохнулся на землю ничком. «Ты, я вижу, паренек что надо, вспоминай меня иногда» — это были его последние слова, сказанные другому человеку. И этим другим человеком оказался именно Нико. Возможно, тот, в церкви, в самом деле заслуживал того, что получил, но будь он разбойником, разве не должен был он услышать шаги Нико? Не должен был испугаться или хотя бы удивиться при виде Нико? А он, этот якобы разбойник, сразу подозвал Нико к огню, так, словно даже ждал его, словно нарочно заранее разжег огонь, чтобы дать согреться гостю — если, конечно, сам не грелся у огня, разожженного другими. По правде говоря, Нико ничего подозрительного в нем не заметил и не подумал — уж не разбойник

ли, случайно, перед ним, — зато увидел в нем почему-то сходство со своим отцом, даже вообразил на мгновение, что видит отца, но впрочем тут же понял, как глупо и бессмысленно его предположение. Нет в природе такой силы, которая могла бы в одно мгновение перенести сюда в такую даль человека, прикованного где-то за тридевять земель к постели. И мама ведь писала совершенно ясно в последнем письме: еще вопрос, выкарабкается ли он, выздоровеет ли вообще. А этому человеку на вид вовсе не от чего было выздоравливать. Когда Нико заглянул в старую церковь, он стоял у огня и сухим прутом ворошил жар. Костер он (или кто-то другой до него) разжег из обрывков старой резины. Запах горелой резины бросился в нос Нико еще до того, как он завидел издали старую церковь и поднимающийся над проваленной ее крышей дым — завидел и обрадовался, что сможет хоть немного отогреться. Он так озяб, что готов был взвыть от муки. Ему не терпелось добраться до дому, притулиться к жарко натопленной, докрасна раскаленной печке. И поэтому несколько не удивительно, что в старой церкви внимание его приковал прежде всего огонь, а не человек у огня. Но потом, понемногу, ему стало как-то не по себе, неприятно, тревожно. Правда, мысль о разбойниках не пришла ему в голову, но когда он немного отогрелся и присмотрелся ко всему окружающему, этот укрывшийся в брошенной церкви человек показался ему не совсем обыкновенным. Какая-то странная, необычная была у него стать, и весь его облик рождал представление о чем-то старинном, прочном, крепком, но в то же время и вселял некую, как будто совершенно беспричинную, печаль. Он казался человеком во всем отчаявшимся, по всему истосковавшимся. Словом, хотите смейтесь, хотите нет, он походил на ожившего мертвеца. Впрочем, нет, не на ожившего — а был мертв и лишь походил на живого. А еще проще — был и живым и мертвым одновременно. Опухшая, посиневшая плоть у него местами растрескалась (возможно, что это полутьма в старой церкви и дым сожженной резины создавали такое впечатление), но он твердо стоял на ногах, ходил, смотрел и видел, разговаривал, понимал, что ему говорят; быть может, он когда-нибудь и занимался раз-

боем, но нельзя было уверенно сказать: этот человек — без сомнения разбойник. Скорее вспоминался царевич из сказки, лежащий в гробу в церкви и по временам оживающий. Видимо, он догадался о мыслях Нико, почувствовал его тревогу и улыбнулся успокоительно. Потом снова уставился на огонь, поворошил жар концом сухого прута и сказал — скорее огню, чем гостю: «Да, правда твоя, в сказке я был, из сказки пришел».

Так что, с первого взгляда никто не мог бы установить, кто же он такой; разумеется, не могла и милиция. А между тем он уже стал одним из самых близких Нико людей, хотя бы потому, что предложил ему, замерзшему, место около огня, и оба они некоторое время вместе грелись у одного и того же костра, а главное, как мы уже сказали, именно Нико оказался тем человеком, с которым он разговаривал в последний раз — то ли доверяя ему до конца, то ли нет. А теперь он валялся ничком на промерзшей земле, и было безразлично, кто что скажет или кто что подумает о нем. Обувь свалилась у него с одной ноги, на белом шерстяном носке виднелась почерневшая пятка, и от этого распластанное ничком его тело казалось особенно жалким, неприкаянным, и в то же время жуткое это зрелище леденило душу.

Знал он, что так окончит свою жизнь. Знал, что умрет сегодня. С утра угнетало его (с утра?) тягостное ожидание. До прихода Нико и после его ухода. И эта старая, загаженная развалина еще усиливала в нем недоброе предчувствие. Но почему же именно здесь, в этой полуразрушенной церкви искал он пристанища? Быть может, это тот самый прекрасный юноша, который должен был появиться в Сигнахи и спросить у тети — именно у нее и ни у кого больше — «Где в этом городе гостиница, будь он неладен?» Что ж он эту брошенную церковь выбрал в качестве последней своей обители? Ничего лучшего не смог найти? Полуцерковь, полунужник. И то, и другое вместе, смотря по тому, кто за чем зайдет. Вон, кто-то наделал под стеной! А на стене приклеены кривые огарки восковых свечей. Может, он нарочно пришел сюда? Может, именно такое место искал он — и нашел наконец — чтобы раз навсегда увериться в

том, что не о чем в этой жизни жалеть и не из-за чего сокрушаться; там, где под одной крышей соседствуют церковная свеча и смрадные испражнения, не стоит жить. Но за что он наказал Нико? Теперь ведь Нико уже никогда, ни здесь, ни в стране душ, перед потусторонними судьями, не сумеет доказать, что нисколько, ни в малой степени не повинен в его смерти, что он просто родился под несчастливой звездой, и что если бы даже он не испугался, не спрятался как заяц в кустах, то все равно не успел бы предупредить этого бедолагу. Но главное все-таки то, что все случилось на глазах у Нико, и как бы он ни оправдывался, как бы ни успокаивал его даже сам призрак убитого: «Ты тут ни при чем, меня все равно убили бы рано или поздно», — Нико никогда уже не будет таким, каким хотел быть: чистым перед Богом, бесстрашным перед лицом людей. Бесстрашным! Потому что страх, трусость — хуже всего, трусливый человек умирает трижды в день. Как говорит Ваночка-учитель, совсем не обязательно, чтобы именно Гитлер превратил тебя в «ипсилон», ты сам можешь стать ипсилоном без чьей бы то ни было помощи: сегодня поддашься страху, завтра похоронишь истину, послезавтра донесешь на незнакомого человека, еще через день разорвешь тетрадь со стихами ученика — и готово, вот ты уже и ипсилон, это и значит им быть. Но кто слушает Нико, кого он вообще интересуется? Ребенок — не ребенок. Мужчина — не мужчина. Только возраст и остался ребяческий. Впрочем, вернее будет сказать — еще даже по возрасту не мужчина. Силой заставили разорвать оковы детства — а эти оковы, если не разлетятся сами собой, в назначенное время, то так и не спадают никогда. Дали ему ускользнуть из тюрьмы, что зовется детством, но он так и остался пленником в этой тюрьме, потому что кусок не вовремя разорванной цепи все висит у него на ноге, и куда бы он ни подался, следует за ним с рычанием и лаем злобного пса.

А Гогия все еще стоял на коленях. Руки и лицо у него были в крови, но не разбойника, а своей, — видно, второпях не успел прочно упереть приклад в плечо и курок содрал у него кожу на руке. Араминдара сыпал ему табак на ссадину. Отец Гогия и Несва

Иосебе не сделает, во всяком случае, он от нее не умрет.

Двенадцать лет ему было, когда случилась эта история. Впервые сел он один, без отца, на подводу, и в первый же день судьба, «страхолюдина», как он сам ее называет, назначила ему быть перевозчиком мертвого тела. Отец его в тот день был болен и доверил подводу Иосебе. — «Я ведь еще был ребенком, — говорит Иосеба. — Потому на меня это так подействовало». Какие-то почтенные люди, купец и священник, наняли его, сказали, что хотят увезти свое имущество из монастыря, и это «имущество» оказалось покойником. И добро бы мертвец был закутан в саван, тогда все это еще можно было бы перенести, — но нет, он был одет в полковничий, а то и генеральский мундир, с орденами и медалями. И в довершение всего один глаз у покойника был раскрыт, и этот выпученный глаз придавал ему совсем страшный вид. — «Тот день стал моим проклятьем, с того дня я словно все время таскаю мертвеца на своей подводе, все как будто тот покойник с выпученным глазом распластан у меня за спиной», — говорит Иосеба. О чем только ни думает человек в дальней дороге, всякое приходит в голову, пока доберется до места, но так все об одном да одном — врагу не пожелаю: какой бы ты ни был крепкий парень, в конце концов сломишься, сойдешь с ума, остервенеешь; так что порой Иосебу разбирает страх до такой степени, что он соскакивает с подводы и бежит прочь без оглядки. На подводе у него иной раз — мельничный жернов, иной раз — глыба каменной соли, а то — мешки с пшеницей, ячменем, овсом, но ему все чудится мертвец в мундире с орденами и медалями, и он бежит, бежит без оглядки, ругая на чем свет стоит и подводу, и мертвеца. Но куда он уйдет? Далеко ли сможет убежать? Подвода ему нужна — как он без нее жить будет? И на водку ведь надо заработать! Не трудясь, и пьяницей не сделаешься. И Иосеба, повесив нос, возвращается к своей подводе, спокойно, безропотно дожидаясь своего ветрогонного хозяина. — «Ничего не могу поделать, — говорит Иосеба, — сижу на козлах и все прислушиваюсь, что у меня за спиной, все думаю, вот он сейчас стук-

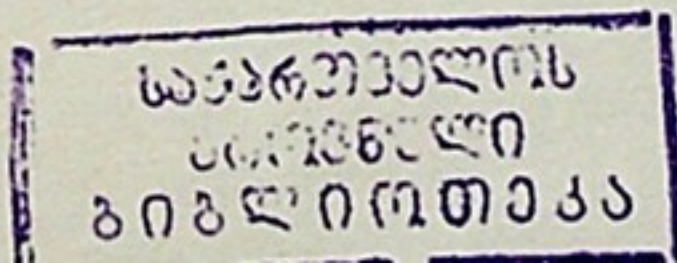
нется сзади головой о мое сиденье, чтоб его ничком похоронили». В тот раз, когда он вез мертвое тело из монастыря, труп в самом деле именно так все и бился о сиденье при каждом толчке. Подастся вперед и — бряк головой о козлы. — «Подложите ему что-нибудь под голову», — говорил Иосеба сопровождающим, но они и в ус не дули, смотрели молча в разные стороны, словно были в ссоре — как друг с другом, так и с мертвецом. Чихать им было, видимо, на то, что покойник — да еще какой покойник, имперский полковник, если не генерал, ползает по подводе взад-вперед. Тогда Иосеба остановил лошадей, снял с себя отцовский полушубок (отправив его в первый раз одного возницей, отец одолжил ему и свой полушубок — чтобы казался старше) и, сложив, запихал между головой покойника и своим сиденьем. Но и тогда двое провожающих не проронили ни звука, не спросили даже, зачем остановка, если вообще заметили ее. Сидели нахохлясь, справа и слева от покойника, вздернув плечи, — казалось, над мертвым телом слетелись стервятники. Хоть они и везли покойника, но какие-то были у них другие, видимо, более важные заботы, и мысли их были далеко. И когда доехали до места, тоже не очень-то хлопотали — стояли безучастно в сторонке, отряхивая одежду. Иосеба чуть ли не один втащил одеревенелый труп на второй этаж. Какая-то женщина пожалела его и подсобила немного. Крупная была женщина, полная, с накрашенными губами и с большой грудью. — «Когда мы тащили труп по лестнице, рука моя нечаянно то и дело цеплялась за ее грудь», — смеется Иосеба. Двенадцатилетние мальчишки уже прекрасно во всем разбираются. С того самого дня плохо пошли дела Иосебы, пристало к нему невезенье. — «Весь мир развалился и поднялся из развалин, дурак ума набрался, лысый кудри отрастил — а я как был возчиком, так им и остался, — распалается он. — И все таскаю этот труп — нет, не труп, а вся мертвая империя свалена ко мне на подводу, со всеми своими полковниками и генералами, и так оно и должно быть, потому что никак уму-разуму не научусь, как был безмозглым. так безмозглым и в могилу сойду, и образов у меня нет — помолиться, чтобы просветили меня; солнце

говорят, разок и в преисподнюю заглянет, а вот в мою конюшню — никогда; пока империя была жива, я ей хочешь, не хочешь все «вашеблагородие» да «вашеблагородие», а померла, так опять я ее таскай...» Чем больше одолевает его хмель, тем словоохотливей он становится, слетает к нему муза, как говорится, и чего только не наплетет его язык — болтает, болтает, лишь бы был хоть один слушатель; и Нико он тысячу раз рассказывает одно и то же, одно и то же, но и Нико не надоедает слушать все те же истории, сидя на старом, потрескавшемся кожаном седле в сырой конюшне, в полутьме, насыщенной запахами лошадиной мочи и навоза. Язык у Иосебы — дай Боже! — если понадобится, Иосеба спину себе языком почешет.

Не успел он скрыться за поворотом, — еще доносился грохот его подводы — как показались слепцы. Они шли гуськом. Во главе процессии, разумеется, шагал дядя Сандро. Сандро, Фидо, Абэ, Ноэ. Ноэ, Абэ, Фидо, Сандро. Иосеба говорит: Маргарита размножает Сандро, как цветы, что растут у нее в горшках: отрежет от него кусочек, посадит в землю — и вырастает еще один новый Сандро. А впрочем, они в самом деле все похожи, наверно, из-за общей их слепоты. Одинаково не видят и поэтому одинаково выглядят. Даже разговаривают они одинаково. Никогда не спорят, а соглашаются друг с другом, на четыре голоса говорят одно и то же.

Слепые остановились и, подняв незрячий взор к небу, довольно долго (и одинаково) моргали. Они ничего не сказали тем, кого встретили здесь, — как и те им. Милицейским было не до них, раздосадованные, они еще прислушивались к грохоту подводы ускользнувшего Иосебы. Слепые же, видимо, почуяли, что здесь творится что-то неладное, стояли в напряжении, и им было одинаково трудно как оставаться, так и уйти. Возможно, они почувствовали, им представилось в их вечном мраке нечто гораздо большее, чем то, что увидели бы они, будь у них зрение, и то, что они почувствовали, ошеломило их и заставило застыть на месте. Они стояли и смотрели вверх, на небо. Потом дядя Сандро снял шапку и прижал ее обеими руками к груди. Тотчас же и остальные

сняли шапки. Так они стояли с обнаженными головами и по-прежнему часто, все, как один, моргали. А ветер смешно трепал их волосы — по-разному у каж- дого. Видимо, они возвращались с базара, из Бодбисхеви, снесли, наверно, веревки на продажу — веревка ведь всем нужна, без веревки человеку никак не обойтись, столько чего надо привязать, обмотать, подвесить, сцепить... Вот они и снесли на базар свитые ими веревки, продали товар, освободились и пошли домой вить новые веревки. Вот и вся их жизнь, повседневный их путь: станок — базар — станок. Иногда они дают Нико покрутить ручку станка. Нико любит бывать у них не меньше, чем в конюшне у Иосебы — только лучше летом, когда они выносят станок из душного помещения, где в воздухе носятся волоски, щетина, на двор и устанавливают его в тени под балконом. Они работают, а Нико глядит, развлекается. Жаркий, пыльный день (Бог весть, доведется ли Нико пережить еще одно лето), воздух полон жужжания. При- тулясь к стене, валяется бродячая собака, лижет ушибленную лапу. Кто-то, наверно, попал в нее кам- нем, и она укрылась здесь, у слепых. Все в нее швы- ряют камнями, все гонят ее, никому она не нужна. Вот и бродит повсюду, бездомная, беспризорная. Ку- да ни подашься, всюду наткнешься на нее. Лижет свою подбитую лапу и думает: что я сделала людям, что они имеют против меня, как мне убедить их в своей любви; вот пройдет боль, выбегу на улицу и первому же встречному стану руки лизать — пусть он хоть убивает меня. Вся земля во дворе в темных пятнах, так густо устлана осыпающимися с дерева ягодами черной туты. В дальнем конце двора жмутся под забо- ром истомленные жарой куры. Из конюшни Иосебы выглядывает лошадь — как бы и не лошадь, а кар- тина, изображение лошади, вставленное Иосебой в рамку. Глядит, не моргая — наверно, никак не может решить, оставаться в стойле или выйти во двор. И хочется пройтись на воле, и боязно выбираться в зной из сырой прохлады конюшни. Вот и стоит, не шелохнется. Дай-ка подскочу к ней, выгоню на двор — думает бездомная собака. Никак не возьмет в толк, что не служит никому, нет у нее хозяина, и что бес- полезно все ее усердие, не зачтется ей оно ни в заслугу,

ни в заботу. Впрочем, ей лень подниматься с места, да и поврежденная лапа еще глухо болит, так что лучше ей еще полежать здесь, а то заметят, что она прихрамывает и совсем затуркают. Вдруг на самый нос ей садится бабочка. Собака замирает, затаивается, хитро щуря глаза — как бы не спугнуть бабочку, авось попадет на зубы. Но бабочке неприятно сидеть на холодном собачьем носу, она сразу взлетает — с озябшими лапками. Собака вскакивает, гонится за нею, рассерженная так, как будто бабочка была уже ее добычей и не имела права улетать. Она уже не помнит ни о боли, ни об обиде и ушибленной лапой пытается достать порхающую бабочку. Но та всякий раз в последнее мгновение уклоняется, меняет направление полета, когда уже вот-вот ее настигнут. Да она, кажется, насмехается надо мной, все пуще сердится бродячая собака. С рычанием взвивается она, устремляясь за бабочкой, но та взлетает еще выше, так, что ее нельзя достать, нахально порхает несколько мгновений над головой у собаки и, наконец, перелетает через забор. Собака тотчас примиряется со своей неудачей, обежав вокруг ствола тутового дерева, обнюхивает его подножье, поднимает лапу — и тут в поле зрения ее попадают прижавшиеся под забором, разомлевшие от жары куры. Ну, эти-то от меня не уйдут, обрадованно думает собака, этих-то я погоняю всласть, — но тут вспоминает, как в нее швырнули камнем и приходит в волнение, мечется тревожно: а вдруг тот, кто швырял, подумает, что она обиделась, и еще больше невзлюбит ее. Наконец, пыхтя и сопя, она убегает с высунутым языком на улицу.

«Как это вы добираетесь до базара без поводья?» — спрашивает Нико дядю Сандро, спрашивает вскользь, между прочим, чтобы тот не думал, что он, Нико, приходит сюда только для того, чтобы покрутить ручку станка, а сам дядя Сандро с товарищами вовсе его не интересуют. У дяди Сандро на коленях стоит маленькая оловянная мисочка с водой. Дядя Сандро размачивает в ней черствый хлеб. Двор недавно поливали — он пахнет мокрой землей. Мокрой землей и пылью, висящей в воздухе. К столбу галереи, рядом с кувшином, прислонен чиянури

(друг слепых, поверенный их тайн, утолитель их скорбей и печалей. Играют на нем по ночам. Сидят в темноте, пронизанной запахом лип и жасмина, и исторгают хватаящие за душу, рыдающие звуки из струн. И Нико хочется плакать, хоть он и не знает, почему, не видит причин для слез. Упершись подбородком в перила своего балкона, он всматривается в пронизанную запахом лип и жасмина темноту и перед глазами у него неотступно стоят неподвижные глазные белки под часто мигающими веками, похожие на каменные яйца). Дядя Сандро не отвечает ему, спокойно, как и остальные его товарищи, жует размоченный в воде хлеб. Бысокий, выше Нико, открытый мешок полон свиной щетины. Возле станка, на земле, валяется свежензготовленная, колючая, мохнатая веревка, похожая на подрезанную у основания девичью косу. На кипарисе временами поднимается щебет — птицы, охваченные любовью, вырываются парами из темной зелени, отчаянно хлопая крыльями, с трудом удерживают друг друга на лету в воздухе и вновь исчезают в зеленой тьме. Дядя Сандро отвечает, когда уже Нико перестает ждать ответа: «Что Сигнахи, что Бодбисхеви, для нас всюду одинаково темно». — «Верно», — согласился Фидо. — «Это вам трудно найти дорогу в незнакомом месте», — присоединяется Ноэ. Абэ только кивает в знак согласия, ему лень говорить, жарко, да к тому же так ли необходимо четыре раза говорить одно и то же, разве трех раз недостаточно? Понятливый поймет.

Но это давнее воспоминание, оставшееся от минувших лет. А сейчас слепцы стоят на ветру с обнаженными головами и им одинаково трудно как уйти, так и оставаться. Вдруг Араминдара обернулся к ним и закричал: «Что вы тут стоите, ступайте себе своей дорогой!» Дядя Сандро (и остальные) тотчас же надел (надели) шапку (шапки), словно Араминдара сказал им, чтобы они не застудили головы на ветру. Теперь все смотрели на слепых, а слепые смотрели на небеса.

Ветер развевал полу пальто валявшегося ничком разбойника и трепал волосы на его голове.

«С утра до вечера веревки вьешь, а собственную жену привязать не сумел!» — зарычал снова Арамин-

дара. От долгого и почти непосильного напряжения он сейчас чувствовал какое-то неясное раздражение и не вдумывался в то, что говорил; он не задирался, не рвался на ссору — он просто еще не пришел в себя, никак не мог избавиться от пустоты в душе, оставшейся после пережитого страха. Недаром говорит дедушка Нико — незрячий разум хуже слепых глаз. «Перестань», — рассердился на Араминдара лейтенант. — «Не обижайся, дядя Сандро», — сказал он слепцу. — «А чего они уставились на нас», — вскинул голову Араминдара, дескать, я за вас, а вы против меня. Слепцы повернулись и пошли по дороге, вскинув головы, по-прежнему в ряд, один за другим. Последний в ряду, Абэ, нес под мышкой пустые, скатанные в плотный сверток мешки. Араминдара распалился еще больше и искал в своем опустошенном сердце какие-то особенно язвительные, обидные слова. И сам себе удивлялся — чего он хотел от этого почтенного человека, зачем к нему приставал? И в то же время именно нерушимое спокойствие слепого выводило его из равновесия. — «Иосеба тебя опередил, не удивляйся, если найдешь дверь запертой», — крикнул он вслед слепым будто бы в шутку, будто бы без злости, как бы предлагая мировую, но голос его звучал хрипловато и насильственная улыбка неприятно искривила его лицо. Никто не улыбнулся, слепые не замедлили шага, словно ничего не слышали, и шли, спокойно, гордо поднося головы, поднимались на гору, к Сигнахи — словно держали путь в небеса, к Богу.

Больше задерживаться было невозможно. Убитого разбойника перекинули, как переметную суму, через спину Гогииной кобылы (навьючили именно на кобылу Гогия — отстрелянная дичь ведь принадлежит охотнику, а он уж сам знает, поделится ли с другими) и двинулись. Мертвец раскачивался, перевешенный через седло опять-таки ничком, бессильная, окровавленная его рука билась о бок лошади, словно торопя, понукая ее, чтобы она поскорее одолела долгий подъем и достигла назначенного места. Казалось, необычному всаднику до смерти стыдно выглядеть таким жалким, таким беспомощным, висеть мертвым выюком на лошадиной спине. Кровь убитого быстро залила и окра-

сила бок лошади. Гогия опять шел в хвосте, хотя «последним» его уже нельзя было назвать: он был победителем, он выделялся среди товарищей. Ружье он нес под мышкой левой руки, а наскоро перевязанную правую руку то и дело подносил ко рту, дул, дышал на нее, как будто она замерзла и он хотел ее согреть. Должно быть, посыпанная табаком царапина действительно горела, но, конечно, не так уж мучила его. Он просто красовался, играл, ровнял себя в душе со своим дядей, убийцей Ильи Чавчавадзе, соперничал с ним, то ли глупо щеголял своей пустяшной ссадиной — смотрите, мол, какой я молодец — то ли прибеднялся, чтобы его пожалели — дескать, убить-то я бандита убил, но и самому, видите, пришлось несладко. Кобыла плелась с прогнувшейся спиной, смешно виляя задом, словно передразнивала чью-то походку. А убитый бил ее бессильной, окровавленной рукой по боку, словно и в самом деле торопил ее, словно теперь уже не все равно было, увидит или не увидит его, скажем, возлюбленная висящим вот так, наподобие переметной сумы, поперек седла старой кобылы. А возлюбленная (если не венчанная жена) у него, по-видимому, в самом деле имелась, поскольку на пальце у него было надето обручальное кольцо, вспыхивавшее время от времени золотистым огнем в студеном, прозрачном воздухе. Вдруг Гогия, решив, по-видимому, сорвать кольцо с пальца убитого, ускорил шаг, догнал кобылу и неловко, придерживая зажатое под мышкой ружье, потянулся к свисающей с седла, раскачивающейся мертвой руке. Но тут уже Нико не выдержал — вскочил, высунулся из кустов, весь исцарапанный, и закричал: «Гогия, убийца! Гогия, убийца!»

Гогия рванулся, словно ужаленный змеей, обернулся на крик — перепуганные, безумные глаза его, казалось, сейчас вывалятся из орбит. Долго тряся Нико от страха в кустах — словно держался рукой за оборванный электрический провод — но лишь в эту минуту, увидев эти полные ужаса глаза, понял по-настоящему, что такое страх. Что было дальше, Нико не помнит, помнит только, что ждал, когда раздастся за спиной у него выстрел. Он бежал, бежал и чувствовал всем телом, как целится в него сзади Гогия. Бежал и удивлялся — отчего медлит, отчего не стреляет Го-

гия. Он нисколько не сомневался, что Гогия убьет его, должен убить его. Да он и заслуживал смерти /от руки Гогия — ведь он один знал то, что больше чем совершенное перед его глазами убийство свидетельствовало: Гогия преступник, убийца — в душе и в сердце своем. И не было у Нико никакого сомнения, что Гогия погонится за ним, что нет у Гогия иного пути, ибо Нико единственный, кому известна его, Гогия, самая большая тайна, и Гогия один это знает, и то опять-таки по вине самого Нико, потому что Нико сам выдал себя, сам же сказал Гогия: «Ты не просто лишил сегодня жизни человека — нечаянно, по неопытности или из трусости, нет, ты убийца по своей природе!» Разумеется, после этого Гогия не может успокоиться, не может считать себя в безопасности, пока не отыщет Нико и не прикончит его, как того разбойника — если, конечно, в самом деле был разбойником тот несчастный. По глубокому убеждению Нико, Гогия был не только понуждаем всем случившимся, а даже обязан убить его, если собирался жить дальше и если не хотел с самого начала обесценить в чужих глазах свое особое свойство или свою склонность, если не хотел, чтобы говорили о нем: «Ну, этот убьет за просто, задаром». К тому же, если для убийства можно выискать тысячу разных причин, ограбление убитого имеет всегда одно-единственное объяснение. Но, так оно или нет, в ту минуту Нико не мог думать иначе, не мог представить себе ничего иного: конечно, думал он, Гогия обязан с этой минуты все время искать меня, а я должен все время прятаться от Гогия, убежать от Гогия... И он убегал, убегал, бежал без оглядки, как некогда его дедушка. Сердце, казалось, вот-вот выскочит у него из груди, подобно тому, как преследуемая большой рыбой в море малая рыбешка выскакивает порой внезапно из воды. И однако он все бежал, и перед глазами у него, к его удивлению, стоял никогда до тех пор не вспоминавшийся дом предполагаемой свекрови его тетки — мрачный, пустой, темный дом, который почему-то казался ему сейчас самым надежным убежищем — хоть и лишенный сам всякой защиты, затерянный где-то чуть ли не на краю света, всеми (кроме него) забытый, оглушаемый кваканьем лягушек, окруженный целым лесом тростника и ма-

зутными лужами. Еще немного, и у него пресеклось бы дыхание, но он все бежал, бежал, потому что не мог остановиться, потому что жил, существовал — лишь пока бежал — и он стремился вперед, чтобы жить, существовать. Никогда не жаждал он жизни так остро, так яростно, так осознанно, так неодолимо, и это всеподавляющее желание, эта страстная потребность жизни захлестывала его целиком, он был затерян под нею, как под огромным стогом сена — нагруженная им арба вместе с быками и возницей. И он бежал, задыхаясь под этим грузом своего желания, своей жажды, весь затерянный в нем. Удивительно то, что он не сломал себе шею, что в этих непролазных зарослях тернии не выкололи ему глаза. Он не то что бежал, а летел — так, словно Гогия в самом деле гнался за ним по пятам с заряженным ружьем. Бежал — и сам не сознавал, что бежит, не знал, куда бежит (где этот мрачный, неожиданно вспомнившийся ему дом), не знал, сколько ему еще бежать, чем завершится, и исчезнет ли когда-нибудь эта смешанная со страхом, порожденная страхом страстная потребность, жажда бежать, убежать, исчезнуть, раствориться в пространстве... Ему казалось, что он переплыл девять морей и перевалил через девять гор — а между тем автобус подобрал его у моста (хорошо, что водитель узнал его в этой тьме). На ногах у него, казалось, висели жернова, каждый вздох чуть ли не разрывал ему легкие, он терял сознание от боли, но тут же приходил в себя, потому что даже в эти бессознательные мгновения не покидал его страх — все оскверняющий, все отрицающий, все под собою погребаящий...

4.

Первым ушел доктор. «Врачу, исцелися сам», — пропел он себе под нос и подставил спину бабушке, которая ожидала у двери, держа в обеих руках его пальто с меховым воротником — подставил спину, слегка пригнувшись, чтобы бабушке, едва дотягивавшейся до его плеч, легче было накинуть на него пальто.

Когда доктор поднялся, чтобы уйти, все вздохнули с облегчением, как те, что собрались вокруг больного, так и он сам. Все понимали, что раз врач ушел, зна-

чит, опасность миновала, иначе он ни за что не покинул бы больного, несмотря на свой почтенный возраст; что же касается самого Нико, то он почувствовал сразу после ухода врача самое обыкновенное физическое облегчение, так как тот, пока сидел около его постели, так немилосердно скрипел стулом, так надоедно хвалил целительные свойства сна, что, кажется, навсегда отпугнул сон от его глаз. И стул он словно нарочно выбрал самый скрипучий, потряс его хорошенько, прежде чем усесться, проверил, — так, словно разыскивал свой, потерянный, и только для этого пришел сюда; а когда стул заскрипел, обрадовался, как ребенок, нашедший свою игрушку: вот, мол, моя лошадка. А потом уж никто, разумеется, не осмелился бы предложить ему пересесть на другой стул — так он сидел и скрипел, вернее, не сидел, а громоздился на стуле, рыхлый, неуклюжий, как стог. «Врачу, исцелися сам», — временами неожиданно напевает он себе под нос среди разговора. А то принимается пыхтеть, хрипеть, можно подумать, что сейчас задохнется — но нет, через минуту снова, как ни в чем не бывало, с детской радостью и детским упрямством исследует, устанавливает, уточняет что-нибудь такое, что никому, ни больному, ни здоровому, в данную минуту не нужно, скажем, чью-нибудь девическую фамилию или год смерти чьего-то первого мужа. Всего удивительнее, однако, что слушатели все с большим терпением ждут, когда он в очередной раз переведет дух, в очередной раз справится с пыхтением и хрипом и исторгнет из своей растревоженной, трепещущей груди столь же трепетно-сбивчивое, едва понятное слушателям слово. А стул все скрипит и катит, скрипя, нагруженную однообразно изящными, однообразно красивыми, однообразно медоточивыми, проникновенными, обнадеживающими, убаюкивающими, но тем не менее пустыми, ничего не говорящими словами коляску по бесконечно гладкой дороге благоприличной беседы. Что ж, хотят, чтоб скрипел и катил — он и катит. Что еще ему остается? Не может же он выскользнуть из-под сидящего, всеобщей надежды, гордости всего города, который может хоть целый час, если не больше, говорить об одном и том же — какое решающее значение имеет для больного сон. — «Да, да, сон — лекарство от всех недугов, — доктор

ткнул пальцем в потолок. — И от страха, и от безумия, — добавил он, вновь запыхтев и заскрипев. Сон — малая смерть, побеждающая большую», — закончил он значительно: но ни разу не спросил себя (или других), не утомил ли долгими разговорами больного, не отогнал ли совсем сон от его глаз.

Поверх ботинка на одной ноге у него надета гамаша — другую, должно быть второпях, он то ли забыл, то ли поленился надеть (разумеется, если вообще у него имелась другая); пальто он не одел в рукава, а накинул (накинула бабушка) — «Только и знай, надевай пальто, снимай пальто, надоело до смерти», — пожаловался он и ушел, закутавшись в пальто — как поэт в плаще. Бабушка сложила на животе освободившиеся руки, с сожалением покачала головой за широкой спиной доктора и пошла его провожать.

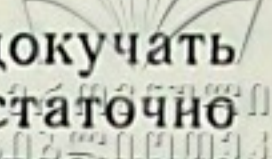
На столе около лампы стояли стайкой опрокинутые лечебные банки. В каждой из них был заключен комочек света — как бы желтый пушистый цыпленок — трепетавший, трепыхавшийся, словно даже попискивавший, но тщетно бившийся о стеклянные стенки. На банках лежала кривая, обмотанная с одного конца черной опаленной ватой, короткая палочка. С блюдечка свисал еще непросохший кусочек марли. От него распространялся по комнате смешанный запах уксуса и спирта.

В комнате ненадолго наступило молчание; но стоило бабушке закрыть за собой дверь, как собравшиеся сразу позабыли распоряжения врача, его слова о том, что сон и покой самое лучшее лекарство для больного, и все вместе заговорили, перебивая друг друга, хотя, собственно, всем хотелось сказать одно и то же, и у всех было одно желание — успокоить остальных, направить их мысли в другую сторону, чтобы как-нибудь, хоть немного разрядить общее, для всех одинаково тягостное напряжение. — «Я же говорила с самого начала, что мальчик просто напуган, и больше ничего», — щебетала Маргарита. — «Я так себя больно ущипнула давеча, что до сих пор горит», — смеялась тетя. — «Какого черта, — я им говорю, — грузите, что хотите, и накладывайте, сколько поместится, но хоть куда угодно меня вызывайте, мертвеца на свою подводу положить не дам», — рассказывал Иосеба. — «Может, хоть

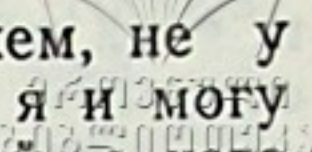
этот отыщет моего отца на том свете», — сказал, воображая, что шутит, Кола-полоумный (а ведь Нико, когда он вступил на путь смерти, в самом деле привиделся одинокий, заброшенный гроб, нескончаемо носившийся по беспредельному океану ничтожества, небытия, и он сразу вспомнил об отце Колы-полоумного. даже подумал, что наверно это и есть тот пропавший покойник). Слепые улыбались, все, как один, закинув головы и часто, одинаково моргая. Отсвет, отбрасываемый печкой, переливался, как спелая нива, на полу, у их ног. — «Пусть забирают и подводу и лошадей, а я измениться не могу, не стану, хоть меня озолоти. Все, и довольно с меня, так и так твою...» — разошелся, разговорился Иосеба. — «Как же, как же! Стоит тебе сказать! — отозвалась Маргарита насмешливо, язвительно. — Так по твоему слову все и сделают!» — «Не верите мне, так подите, спросите, — нахохлился Иосеба. Похоже было, что он слегка подвыпил на ночь, перед сном. — Как же, как же, — передразнил он Маргариту. — А почему бы и не быть по моему слову? Что, мое слово вовсе не имеет цены? Совсем меня ни во что не ставите?» — внезапно рассердился он. — «Ну, понесло тебя! Придержи немного, Иосеба!» — засмеялась Маргарита. — «Перестаньте, хватит, ведь ребенок вас слышит», — сказал спокойно дядя Сандро, все так же улыбаясь, подняв к потолку незрячий взгляд. — «Какой ребенок? — удивился Иосеба, словно не понял, кого разумеет дядя Сандро; а вернее, просто предпочел притвориться дурачком, нежели прекратиться с Маргаритой. — Я тут никакого ребенка не вижу», — и, глупо осклабясь, широко развел руками.

Бабушка вернулась, озябшая, поеживаясь от холода, и сказала: — «Подите после этого не верьте приметам, у меня сегодня с утра подергивалось веко». — «С чего это ты пошла на двор с непокрытой головой?» — бросила ей тетя. Но бабушка не обратила внимания на ее слова, может, даже не слышала их. Руки у бабушки были по-прежнему прижаты к животу, как если бы он у нее болел. Между прочим, так оно и было — достаточно ей понервничать по какому-нибудь поводу, как у нее разбалливается живот. Она еще не успела до конца успокоиться, ледяное дыхание промчавшегося (?) вихря еще обжигало ее, но она изо всех

сил скрывала волнение и страх, старалась не докучать своими неприятностями и без того уже достаточно взбудораженным соседям, но подавленные, затаенные страх и волнение не отпускали ее, сковывали, путали ее мысли и она невольно делала и говорила не то, что хотела делать и что считала нужным сказать, а то, что по ее глубокому убеждению лучше помогло бы ей замаскировать этот страх и это волнение, уже едва переносимые для посторонних. Так, например, в другое время она ни за что не стала бы ходить при гостях с прижатыми к животу руками. И не позволила бы себе в присутствии посторонних сказать Иосебе то, что прежде наедине, без свидетелей не раз смело говорила ему — но это всякий раз было ее и его дело и больше никого не касалось. А сейчас она остановилась прямо перед ним, нахохлясь, как наседка, с руками, прижатыми к животу и, растерянно улыбаясь, дрожащим голосом проговорила: — «Хоть один день обойдись без вина! Или хочешь один выпить все вино, какое есть на свете?» — Нанесла оскорбление соседу, тогда как этот сосед заслуживал от нее лишь благодарности, хотя бы потому что оказался именно там и именно тогда, где и когда оказался — рядом, бок о бок, с знаменем сочувствия и взаимопомощи; и кому какое дело, каждый день он напивается или через день? Ведь на свои пьет, не на чужие, в конце концов! И не врывается же ни к кому в дом! Самое большее — проорет песню в своей замызганной, зловонной конюшне перед тем как, не расстегнув даже пуговиц на рубахе, завалиться спать на охапке сырого сена, чтобы наутро, на рассвете, снова пуститься в свой нескончаемый путь, съезжившись на козлах громыхающей подводы, с чувством жестокого, хмурого, безнадежного отрезвления, в горьком сознании своей заброшенности и одинокости. Разве это — не достаточное наказание для бедняги Иосебы? А бабушка осрамила его перед соседями, хотя, ведает Бог, ничего похожего заранее не замышляла, хотела одного, а получилось другое, потому что глубоко затаенные, якобы уже изжитые страх и волнение по-прежнему держали ее в плену, она не вполне владела собой, или, как сама говорила, не знала, с какой стороны у нее приделана голова — и вот, спокойно, не колеблясь, выбрала соседа, пришедшего,

чтобы помочь ей, быть рядом с нею в трудную минуту, как будто не гораздо меньшим злом было вырвать из рук Иосебы чарку с вином, хотя бы на один единственный день. Впрочем, Иосеба, по счастью, догадался, что все сказанное говорилось для его же добра, и поднял руки перед бабушкой: — «Все! Больше не буду, конечно, клянусь могилой матери». Но бабушка уже горько раскаивалась в своей невольной суровости, жалея о своей непозволительной несдержанности и, не зная, как искупить свой невольный грех, впала в другую, еще худший, попыталась угостить Иосебу водкой, хотя Иосеба решительно отказывался от угощения, отмахивался обеими руками и почему-то прятал глаза от бабушки, которая уже, чуть ли не по пояс внедрившись в стенной шкаф, искала на полках нужную посудину, но пока лишь звенела пустыми бутылками и оттуда, из затхлой, темной глубины шкафа продолжала спорить с Иосебой: «Как это так, не хочешь? Мы все должны осушить чарку за здоровье моего мальчика!» — «Да ну, что вы, я каждую минуту жду вызова в милицию, — не сдавался Иосеба. — Небось мои лошади думают, что я давно уже там, пойду, проведу их, а то они без меня и не заснут». — «Куда она запропастилась, эта проклятая бутылка!» — сердилась бабушка, шаря по полкам. — «Неужели была и у Иосебы мать? Не верю!» — смеялась Маргарита. Время от времени и тетя заливалась смехом, как-то вымученно, неестественно, словно лишь для того, чтобы рассеять дремоту Нико — как бы он в самом деле не ускользнул невзначай, не отошел во сне. Дядя Сандро и остальные слепцы стояли молча кучкой, прислушивались к разговору, закинув головы и одинаково, согласно улыбаясь. И при этом так же одинаково, согласно моргали, часто и непрерывно, словно состязались в этой быстрой пляске век, или словно не веками шевелили, а посадили себе на глаза дрессированных бабочек, чтобы развлечь больного. Казалось, они одни, именно благодаря своей слепоте, понимали, что больной не спит и всем своим существом жадно впитывает все, что происходит вокруг него в эти минуты. «Зачем мне было ложиться, если сразу опять пришлось бы вставать, — рассказывал Иосеба. — Ну, я и тянул время, сколько мог. И лошадям не дал покоя, не позволил им заснуть,

но ведь мне и перемолвиться больше не с кем, не у кого больше спросить совета. Только с ними я и могу поделиться своими горестями. Ложись, слушай, с чего это тебя станут вызывать, ты ни в чем не провинился, подвода твоя, что хочешь, то на нее и грузишь, — говорила мне старшая. А младшая дразнила, распаляла меня: вызовут и хорошо сделают, так тебе и надо, может, хоть они отучат тебя сосась бутылку. Слышите, тетушка Даро? В один голос с вами. Противно, говорит, когда от тебя водкой разит. Напрасно ищете, право, поверьте, в рот не возьму, хоть превратись она в золото. Я было подумал: что мне слушать глупую кобылку, ведь у лошадей, как у людей, кто старше, тот умней, родители больше понимают, чем дети, — но теперь все стало наоборот. Ну так вот, только я задул коптилку, повалился в сено, распустил пояс — и как раз Маргарита зовет: Скорей, иди сюда, мальчику стало плохо». — «Ладно, хватит, дадим людям спать», — сказала Маргарита. Она уже приготовилась уйти, аккуратно сложенный холщовый мешок висел у нее на руке, как какая-нибудь теплая вещь у дачницы, вышедшей погулять прохладным вечером. Так она прибежала по первому зову на помощь к соседям, второпях накинув на себя что попало под руку — некогда ей было наряжаться. Прибежала она раньше всех, как только забили тревогу, сунув жарко разогретые у огня ноги в стоптанные чувяки дяди Сандро и накинув на голову, чтобы закрыться от ветра, холщовый мешок. Но и мешок и чувяки были ей к лицу. Потому все вокруг нее и вьются. И, однако, опередил всех слепец. Он первым заметил Маргариту. Вернее, все ее выкинули с мусором, а слепец различил ее среди сора. И ее снова заметили, на этот раз потому, что пожалели для слепца: зачем, мол, ему такая краса, все равно, не видит; впрочем, по-видимому, случается раз в сто лет, что и слепой становится зрячим. Пример дяди Сандро может служить доказательством, — но надо признать, что Бог, видимо, любит дядю Сандро, раз открыл ему на мгновение глаза именно тогда, когда тот мог увидеть Маргариту. Дядя Сандро смеется; «Тогда-то, говорит, я и ослеп навсегда». А Маргарита клянется: он и тогда видел лучше меня, и теперь лучше меня видит; с тех пор, как я с ним повстречалась,

и я на весь свет его глазами смотрю; он меня научил отличать черное от белого, хорошее от дурного. Так она говорит, когда бывает в хорошем настроении (а разве она бывает в дурном?), когда шутливо рассказывает давние истории из своей жизни, вспоминает фотографа с длинными ногтями и адвоката под каблучком у своей жены, но иногда она с таким заразительным волнением, с такой потрясающей убежденностью говорит о дяде Сандро: «Он действительно меня видит» — что поневоле веришь ей, веришь, что слепой может видеть тебя не хуже, чем ты его. Но вероятно все же не совсем так обстоит дело. Возможно, что Маргарита может сделаться видимой только для дяди Сандро, а не вообще для любого слепца. Это — их личная, обоюдная тайна, и едва ли годится в качестве примера, но раз существует слепота, не может не существовать и особый, принадлежащий слепому мир. А если так, значит, слепой может видеть только то, что для зрячего вообще не существует — чего, конечно, нельзя сказать о Маргарите, поскольку Маргарита не только существует для любого зрячего человека, скажем, для Нико, но и оказывает определенное воздействие на его настроение и занимает определенное место в его мыслях, в его воображении. Вот какова Маргарита. Такой была она, когда прибежала этим вечером — надежда в беде, всеобщая заботница, обнаженный меч, пылающая свеча. Иногда, летней порой, когда все вместе собираются на балконе за вечерним чаем, бабушка говорит ей стихами: «Ты нашей жизни яшма, топаз, яхонт, гранат, сапфир и алмаз, изумруд, хризолит и жемчуг-маргарит», — и чтобы придать больше значения «своим» стихам, добавляет гордо: «Это стихи католикоса». — «Ты что это придумал, женщин перепугал, неслух!» — притворно рассердилась она на Нико, войдя в комнату, и в доме сразу стало светло, все вдруг засияло вокруг, и не только Нико, но и все поняли, что спасутся от беды.

Впрочем, никакая беда Нико и не угрожала. Во всяком случае, так ему самому казалось. Никогда он себя не чувствовал лучше. Вот только глаза не мог открыть. А может быть, не открывал их нарочно, сознательно, потому что ему было приятно лежать с закрытыми глазами. Он был слепой. Или — как

слепой. Он не видел мира, не слышал его голоса. «Помогите! Помогите! Помогите!» — ах, как они перепугались, бедняжки! Бабушка была похожа на колдунью в своем съехавшем набок платке. Тетя наливала лекарство в рюмку и громко, как бы во всеуслышание, считала капли. Половину она пролила на грудь Нико, но как ни странно, лекарство помогло — то есть именно пролитое, а не выпитое — и Нико пришел в себя. От неожиданного прикосновения влаги. Впрочем, как уже сказано, не от чего было ему приходиться в себя, никакой опасности не было. Ему было хорошо — лучше, чем кому бы то ни было около него. Он чувствовал приятную легкость во всем теле. Нет, он вообще не чувствовал своего тела. Впрочем, он видел (а может, слышал?) себя лежащим в постели со скрещенными руками. Он раздвоился, он был и видящий, и тот, кого видел. От радости у него щекотало в горле. От одного глубокого вздоха он мог вообще исчезнуть, рассеяться в воздухе, как запах погасшей свечи или пыльца с крыльев бабочки. Но в том-то и дело, что глубоко вздохнуть он не мог. Он был весь как-то уж очень легкий, почти воздушный. И в то же время он как будто куда-то стремился, куда-то торопился, и ему не терпелось «где-то» как можно скорее оказаться. Он словно опять несся на велосипеде Лео под гору, к кожевенному заводу, только на этот раз заранее знал, что с ним случится, знал, что ему расставили ловушку Гогия и его дружок-подружка Лео, сегодня — мальчик, завтра — девочка. В детстве мать одевала его — или ее — через день то в платице, то в штанишки. Так что он и мальчик, и девочка. Вернее, ни мальчик, ни девочка. Есть у него — или у нее — и то, и другое. Однажды Вало Бадалашвили назначил ей — или ему — свидание. Лео не обиделся, не рассердился, а отбрил: «Да что ты мелешь, на что годишься!» Наученный Гогия, он протянул веревку на пути Нико чуть ниже кожевенного завода, но и самому пришлось несладко: не успел вовремя выпустить бечевку и вывихнул себе плечо. Все это Нико уже пережил однажды, и все же сейчас с зажмуренными глазами, задыхаясь от блаженства, мчится на велосипеде. Он не боится, нет, он ждет с нетерпением, когда наконец оторвется от земли и полетит как пти-

ца. Вот он и в самом деле словно летит. Нет, не летит, а плывет под водой, ощущая удивительную легкость и невыразимый покой. Вернее, не плывет, а постепенно уходит все глубже под воду. Вода мерцает, искрится, сменяются, переливаясь и дрожа, цвета радуги. Блестящие, как елочные игрушки, рыбки проносятся то и дело перед его глазами. Вдруг вдали показалось что-то черное, большое. Наверно, крупная рыба, — подумал Нико беспечно, нисколько не испугавшись. Ничего он не боится, ничто его не заботит. Сперва показалось ему, что это акула, но в Черном море акулы не водятся, самое большее, наткнешься на катрана, а это рыба величиной с сома, да и похожа на сома. Небо у нее усеяно мелкими, гибкими зубами, так что пасть ее похожа на терку. Таковую рыбу принес однажды в Батуми его дядя, сказал, что получил в подарок от знакомого рыбака — и радовался ей, гордился так, словно сам поймал ее. И все дома обрадовались рыбе — она была длиной с самого Нико, а в Батуми голодали, люди с утра до вечера стояли в очередях перед магазинами и возвращались домой с пустыми руками. Нико и его двоюродные братья и сестры жевали дикий чеснок, который рвали перед военным госпиталем — десны у всех семерых были густозелеными от травяного сока. И вот в эту самую пору всплыла в неглубокие воды их мечтаний огромная рыба. Она не помещалась на кухонном столе, упиралась в стену согнутым хвостом. Была она черная, клейкая. Все в доме оказалось замызганным, все пропахло насквозь: кастрюли, ножи, вилки, стол, стулья. Целую неделю скребли и оттирали посуду песком, и все же не могли избавиться от противного запаха. Долго еще их тошнило при одном упоминании о рыбе. А между тем за забором, в соседнем дворе мать Еленицы с утра до вечера жарила рыбу. — «Разве тебе что-нибудь стоящее подарят? — ворчала на мужа тетя. — Бог еще миловал нас, что мы живы остались, небось, вовсе несъедобно это чудовище». Несъедобно — однако едят. Неопасно для здоровья — только невкусно. А темный предмет все приближался. — «Что же это такое?» — дивился Нико и стремился навстречу, полный никогда еще не испытанного, переворачивающего душу блаженства, охваченный ожиданием чего-то необычайного, неотвратимого и прекрасного.

Он принимал незнакомый предмет то за германскую мину, то за невзорвавшуюся торпеду — но тот оказался в конце концов гробом. «Время нас разлучило, время нас соединит», — было написано на нем крупными кривыми буквами. — «Да это же отец Кола-полоумного», — сразу узнал Нико гроб, казалось, бесследно и бесповоротно потерянного, как бы навеки в гневе отвернувшегося от своего безутешного сына, покойника. И даже подумал, как порадует рассказом об этом Кола-полоумного.

Но самым приятным во всем этом необычайном странствии событием была встреча с дочкой Вано-учителя. Тем более, что до тех пор он даже не мог сказать с уверенностью — надо ли считать девочку умершей или живой. Но едва успел он миновать гроб с отцом Кола-полоумного, как увидел ее — и, что самое главное, сразу узнал, хотя никогда не видел в действительности, а только не раз, даже очень часто представлял ее себе, восстанавливал ее лицо в своем воображении по рассказам и описаниям Вано-учителя. Она была одета в точности так, как последний раз в больнице, перед тем, как исчезнуть вместе с матерью навсегда, пропасть бесследно, так же, как гроб с отцом Кола-полоумного.

На синей, заросшей васильками поляне ангел учил креститься умерших некрещенных детей. Множество людей собралось вокруг — все со спокойным любопытством наблюдали за происходящим, мирно развлекались поистине занятным зрелищем детских стараний; а детям с трудом удавалось крестное знамение — они постоянно забывали куда и в каком порядке надо приложить сложенные вместе три пальца. Зато они ловко, четким движением вскидывали к виску чуть скошенную, расправленную ладонь и, вытянувшись в струнку, звонко выкрикивали: «Готов к труду и учебе!» Ангел смеялся, смеялись все. Мирное, ничем не омраченное веселье царило на поляне, заросшей васильками.

Еще удивительнее было то, что и дочка Вано-учителя узнала Нико и крикнула ему издали: «Как там лимон, моя замена?». Она имела в виду лимонное дерево, разумеется. Нико сразу это понял, потому что как-то он и сам задал такой же вопрос отцу

этой девочки, своему самому любимому другу и учителю: «Как поживает лимон, замена вашей дочери?»; спросил в то самое утро, когда приехавшая всего на три дня из Батуми его мать, недовольная им, тайком уехала назад в Батуми — так что он не простился с нею — просто однажды утром, проснувшись, уже не нашел ее. А началось все с того, что бабушка и тетя обо всем неверно ей написали — будто бы Нико завел дружбу с Вало Бадалашвили и под влиянием того перестал учиться, а потом вообще бежал, подался в разбойники. А вот о разорванной тетради стихов ничего не написали, ни словом не обмолвились о том, что Евгения Дугладзе разорвала на клочки перед всем классом его стихи. Мама так ничего и не узнала об этой истории. Вот почему, приехав всего на три дня, она, вместо приветствия, треснула его рукой в перстнях прямо по губам. Если бы она знала всю правду, то, конечно, не стала бы так сурово наказывать сына. Но откуда ей было знать, где зарыта собака? Впрочем, по-видимому, все же почуяла сердцем мама, что поступила не совсем справедливо, заблуждалась в чем-то и совершила какую-то непоправимую ошибку — и сразу прижала к лицу руку, которой ударила Нико, словно не ему сделала больно, а сама ушибла пальцы о его губы. Нико хотел было сказать ей, что не заслужил от нее такого обращения, но огромным усилием воли удержался, промолчал, потому что правду каждый человек — даже мама — должен узнать сам, без чьей-либо помощи. Ничего не было нужно в ту минуту Нико — не жаждал он ни выяснения истины, ни примирения с матерью. Но тут мама вдруг заплакала — так естественно, так красиво, что он сразу забыл и боль, и обиду. Перед глазами у него встал Батуми. Плачущая мама была похожа на притихший под дождем далекий город — вместе с папой и мамой, тетей и дядей, двоюродными сестрами, Еленицей, парходами, прямыми, как струна, словно выровненными Божьей рукой улицами (в существование которых, пожалуй, даже трудно поверить в этом неровном, кривом и горбатом, как верблюд, Сигнахи), вместе с птицей, опустившейся на мокрую проволоку (такой необычайно пестрой, такой пушистой птицы никогда не встречал Нико) — и разве мама не была подобной же, при-

летающей из далеких стран птицей, на миг присевшей на проволоке его одиночества — чуждой, безымянной, необычайной... Она отличалась ото всех, не была похожа ни на кого, ни на бабушку, ни на тетю, ни на Маргариту — зачем же Нико должен был просить прощения у этой чуждой женщины? Поверила рассказам, удовлетворилась правдой других, посторонних людей — пусть своей матери или своей сестры, но все же посторонних, потому что настоящая правда известна была одному Нико, и уж правду своего сына, его правоту она должна была понять без слов, почувствовать, воспринять какими-то пока еще неизвестными Нико путями, заразиться ею, как заражалась от Нико насморком прежде, в лучшие времена. И вот почему Нико заупрямился, уперся по-ослиному, хотя ему до смерти хотелось погладить маму по голове, поправить наполовину вывалившуюся из прически шпильку. Уперся-то он уперся, однако ни на минуту не выходил из комнаты матери, все ему хотелось крутиться рядом, беспрестанно дышать веявшим от нее удивительно, необычайно волнующим ароматом. То он будто бы учил уроки, то для виду ворошил огонь в печке, а то ничего не делал — сидел насупясь, с надутыми губами, и любовался ее красотой. И эта, обретенная хитростью и своеволием близость мучила его — и наполняла его в то же время счастьем. Но и матери его было, по-видимому, не легче, и если взгляды их случайно скрещивались, в этом, ограниченном стенами комнаты, грозном пространстве, пронизанном молниями самого высокого, самого справедливого, самого благородного гнева, то она смущалась, как влюбленная девочка, и застывала в неестественном напряжении и настороженности. Вот она сидит возле печки, разговаривает с матерью и сестрой, рассказывает им мирно, спокойно о чем-то, то есть не о чем-то, а о своем несчастье, и вдруг, словно услышав некий тайный голос, замирает с поднятой головой, бессмысленно вглядываясь в пустоту. Вот она стоит перед зеркалом, оглядывает себя, улыбаясь, поднимает свою красивую, благоуханную руку, подносит ее к узлу волос на затылке и опять! вдруг застывает, словно прислушивается к тому же тайному голосу. А у Нико разрывалось сердце от ревности, от сомнений, от обиды, от любви... И наверно он очень

удивился бы, скажи ему кто-нибудь в такую минуту, что это и называется счастьем. Но наутро, когда он, проснувшись, раскрыл глаза, мамы уже не было. Впрочем, еще до того, как проснуться, он всем своим существом почувствовал, что уже не увидит мамы. Сердце у него сжалось, он почувствовал себя совсем потерянным и, ничего лучшего не придумав, спозаранок, даже не умывшись, явился к учителю — узнать, как живет его приемышу, лимонному дереву, что заменил ему погибшую дочку (захотелось вдруг посмотреть на лимонное дерево, связанное наверно в его мыслях с Батуми). — «Почему ты спрашиваешь?» — изумился Вано-учитель, но, видимо, что-то понял и пропустил его в комнату. Лимонное дерево, точно ребенок, спрятавшийся в углу, засмеялось ему навстречу. — «Я видел дурной сон о вашем лимоне и не вытерпел, пришел посмотреть, что с ним», — солгал Нико, но солгал лишь наполовину, так как в самом деле однажды видел в дурном сне лимонное дерево учителя Вано, только это было немного раньше, до последнего приезда мамы. Впрочем, нет, гораздо раньше, еще в те дни, когда весь город говорил о поминках по одному здешнему ребенку. Вернее, о скандале, разыгравшемся на этих поминках — скандале, который будто бы затеял сам Вано-учитель, всеми от мала до велика одинаково почитаемый, мирный, кроткий, как агнец, человек, на которого весь Сигнахи вот уже сколько времени взирает с переросшим в сочувствие и жалость любопытством. Благодаря его странной участи, столь явственно и столь сильно отличающей его ото всех; конечно, в Сигнахи и до его появления не так уж трудно было сыскать обездоленного человека или несчастливую семью — но беды Вано-учителя обращают на себя внимание не только своей тяжестью (на войне и другие побывали, семьи и другие лишились), но и своей необычностью, странностью — он вернулся с того света, вырос, как дерево, из собственной могилы, но, как говорят люди, самое странное, самое необычное в его судьбе то, что он не просто потерял жену и ребенка, но и не мог их похоронить, даже не видел их мертвыми, они ускользнули тайком — не только от него, но вообще из этого мира; его жена увезла умирающую дочь из больницы, чтобы избавить его, и без того так много претерпевшего, от

зрелища смерти единственного ребенка — исчезла вместе с дочкой, не оставила следа на свете, дескать, пусть ищет нас, пусть думает, что мы живы, обманывает себя — все же какая-то надежда, какое ни есть утешение. Словом, случилось все так, как и в сказке не бывает, и потому наверно он нынче к любому горю причастен, ничьи похороны не пропустит, ни в Сигнахи, ни в окрестных деревнях, кого бы ни предавали земле, знакомого или незнакомого, мужчину или женщину, старого или молодого — а уж если умрет у кого ребенок, то скорбь его так искренна, боль так неповторима, что убитые горем родители ставят его рядом с собой у гроба. Разумеется, он остается и на поминках, до конца исполняет обязательный для всех долг, но никогда не вставал он из-за траурного стола ни хмельным, ни сытым. Сигнахские сплетники и злословы, разумеется, не раз пытались по своему обычаю принизить, высмеять эту действительно странную, необычную, почти болезненную потребность участия в чужом горе — будто бы оставшись одиноким и не надеясь ничем поживиться в доме Упарашвили, он и ходит кормиться по поминкам — но всякий раз всасывали назад уже блестящую на кончике языка капельку яда, потому что и ложь с клеветой, видимо, должны все же иметь в основе хоть какое-нибудь подобие, хоть самое малое зернышко правды, чтобы прорасти из него, выколоситься, распуститься.

Как рассказывают иные, Ваню-учитель на этих нашумевших поминках силой поднял из-за стола и увел Гогия раньше, чем стали расходиться гости. И даже не увел, а уволок. Что правда, то правда, так оно и было, но почему не добавляют, что Гогия давно уже пора было уволочь, что у него уже мысли путались и едва ворочался язык, да только никому до него не было дела, один Ваню-учитель о нем подумал — дескать, ты еще сосунок, не место тебе в этой компании — и вытащил парня оттуда. Да, да, уволок — или скорее, как зубоскалят иные, погнал перед собой, как потерянного осленка. Он и обязан был так поступить — и как воспитатель, и, если угодно, как жилец его родителей. Но почему из этого выводят, будто бы Ваню-учитель «ко всему столу выказал непочтение», «наплевал на дедовские обычаи» — трудно понять. Неужто и Серго Цалтвинашвили угощался лангетами и толмой на поминках своей бабуш-

ки? Не думаю. Но это уже дела минувшие, и не будем на них останавливаться. Нам хотелось бы выяснить только одно: почему приснилось Нико лимонное дерево Ваню-учителя — и притом, в дурном сне? Да потому, что когда Ваню силком увел упарашвилевского Гогия с поминок, тот вместо того, чтобы сказать спасибо, полез с ним драться, дескать, кто ты такой, и кто тебе дал право путаться в мои дела, но Ваню-учитель так крепко его держал, что Гогия, вырываясь из его рук и бессмысленно барахтаясь, в конце концов сам оказался избитым, подобно угодившему ногой в капкан зверю, которого обостренный животный инстинкт заставляет судорожно стремиться к свободе, но которому слабый, ограниченный, не развитый разум не указывает пути к избавлению. Зато теперь он, Гогия, вместо бездомной городской собаки, лаял не переставая всю ночь напролет — а бездомная собака, забившись под чью-то лестницу, изумленная и испуганная, слушала его и не могла, должно быть, поверить, что из человеческих уст может извергаться подобная мерзость, хотя сама она никогда от человека не слышала ничего, кроме ругани и сквернословия. А Гогия всю ночь, до тех пор, пока не выветрился хмель, стоял перед домом и поносил своего жильца последними словами. Вся округа от стыда притворялась спящей, никто даже не отдернул занавеску на окошке, не выглянул одним глазом на двор, хотя, наверно, не так-то легко было победить любопытство. Разве что время от времени выглядывала мать Гогия и для виду цыкала на него: «Довольно, уйми свой язык, чтоб тебе было вовсе не родиться!» — и притом хихикала, прикрыв рукой рот; но если Гогия в самом деле переставал браниться, то даже подстегивала его насмешкой: «Только и всего? Что ж ты по пустякам заставил меня вскочить с постели?» А Гогия сразу сызнава распался — как гаснущий огонь, когда в него подливают керосину — и еще худшие гадости сыпались у него изо рта: это, мол, и не учитель на самом деле, а германский агент; сбежал из Нюрнберга, от суда, и прячется тут у нас (на нюрнбергском процессе Ваню-учитель действительно присутствовал, но только его там ни в чем не обвиняли — напротив, он сам был в числе обвинителей: дважды убежал из лагеря военнопленных, а один раз, чудом не настигнутый пулей, выбрался из общей моги-

лы после расстрела). — «Откуда ты еще Нюрнберг приплел, не в добрый час рожденный!» — насмехалась, махала на него рукой, стоя в дверях, его мать. А Гогия переходил от ругани к угрозам — мешал брань с угрозами, как это свойственно вообще трусливым от природы, неуверенным в себе людям во хмелю, когда они злобятся на кого-нибудь, а одолеть не надеются. — «Если завтра же не съедет с квартиры, пусть пеняет на себя!» — кричал Гогия, распаленный дразнящей близостью и насмешливым сочувствием матери. В те дни ни один человек в городе не решался посмотреть Вану-учителю в глаза — все почему-то чувствовали себя виноватыми, хотя, если толком рассудить, никто, положа руку на сердце, не мог бы сказать о себе — чем собственно лично он провинился перед жильцом Упарашвили.

Именно в те дни приснился Нико тот странный, но в высшей степени «жизненный» сон. Собственно, сновидение, так же, как сплетня или ложь, всегда ведь обусловлено действительностью, порождается ею, как дым — огнем, но является не непосредственным плодом, плотью от плоти ее, и не прямым ее следствием, а скорее видоизменением, разновидностью ее, иным ее лицом. Сновидение, возможно, есть мыслимая, допустимая действительность, то, чего не было, но что вполне могло бы быть. В самом деле, разве не могло бы в действительности случиться то, что произошло в сновидении Нико? В этом сне Гогия облил керосином лимонное дерево учителя Вану и поджег его. А сам, вскинув неразлучное свое ружье (наконец-то оно ему пригодилось!), с выкаченными глазами бегал вокруг пылающего дерева. Удивительно еще, что он столь долго терпел под своей крышей такую благодать, такую красоту. Дерево полыхало, рассыпало с треском искры, волновалось, задыхалось, а Гогия, потрясая ружьем, бегал вокруг него и выкрикивал: «Кто говорит, что нельзя на поминках наедаться и напиваться?» А дерево изнемогало, взмахивая пламенеющими ветвями, как крыльями, словно старалось высвободиться, взлететь над своей кадкой — и вот, действительно, кадка вдруг с грохотом распалась на части, рассыпалась щепками по всей комнате, а освобожденное дерево с комьями земли на корнях и искореженными огнем листьями пробило верхушкой потолок и с гулом и шелестом, рассыпая искры и цветы,

устремилось к небесам, к лучшему миру — казалось, вылетела из подземного царства птица фаскунджи.

Разумеется, мыслимо, что и в действительности случилось нечто подобное — если Гогия в самом деле хочет уязвить своего жильца и если у него хватит на это запала, если он осмелится на такую дерзость по отношению к учителю, то лучшего он ничего не сможет придумать, потому что если у Вано-учителя и есть еще что-нибудь драгоценное, береженое, лелеемое — так это именно то самое лимонное дерево. Недаром же он трясется над ним, как над живым своим отпрыском — и очень даже возможно, как шутят все те же зубоскалы, что оно и в самом деле есть его порождение — то ли он выломал его из своего лба, то ли вырубил из своей груди, так как никто не видел, как и когда он внес в дом Упарашвили это сказочное, волшебное растение, смело и вольно вознесшееся над деревянной кадкой. Конечно, оно не дожидалось его в доме, и не хозяева раздобыли его для жильца. — «Оно у меня — как замена родной дочери» — так представляет он гостям сияюще-зеленое дерево. А оно и в самом деле волшебное — стоит сорвать с него плод, как тотчас же на его месте вырастает другой. И потому Вано-учитель не отказывает никому, все уносят из его дома лимоны. А на дереве плодов не убывает: на одних ветвях они зреют, на других завязываются, а третьи покрыты цветами. Говорят, кахетинец принял за лимон соловья и выжал его себе в чай — но это было раньше, а теперь по милости упарашвилевского жильца лимоны стали никому не в диковинку. Мало того, что раздает их жилец — еще больше их срывает домохозяйка: стоит жильцу уйти из дома, как она обирает догола белоцветущее, обвешанное золотистыми плодами, сверкающе-зеленое дерево, несколько не боящееся воров, потому что не успеет вор дойти до базара, как оно уже вновь, еще изобильнее, еще щедрее покрывается плодами.

«Живо, здорово, счастливо лимонное дерево, твоя замена», — ответил с волнением Нико дочке учителя и невольно шагнул вперед, вступил в лиловое море цветущих колокольчиков. «А ты умеешь креститься?» — услышал он голос ангела и обрадовался, что здесь, в этом незнакомом странном месте ему задали вопрос,

на который так легко было ответить, — и он просто, не говоря ни слова, так, чтобы видно было ангелу, осенил себя крестным знаменем: сдерживая улыбку, переполненный гордостью, он сложил вместе три пальца, большой, указательный и средний, и медленно, истово приложил их ко лбу, к груди, к правому, а потом к левому плечу... И вдруг все вокруг озарилось ярким, мощным сиянием — сладостным, отрадным. Где-то звонили колокола. Гулко отдавалось под водой колобельное гудение — и в эту самую минуту вырвало его из сна пролитое на его лицо лекарство. Он открыл глаза и увидел Маргариту: на босых, разогретых до румянца у огня ногах у нее болтались старые, со стоптанными задниками полуботинки дяди Сандро, на плечи был накинут холщовый мешок. — «Ах, вы, трусишки, да разве так можно!» — выговаривала она бабушке и тете.

Наконец все один за другим потянулись к дверям — и чем меньше оставалось в комнате людей, тем громче отстукивали время часы, тем яростнее лаял бродячий пес в чьем-то дворе, тем беспомощнее дрожали и бились заключенные в опрокинутых медицинских банках птенцы света. Тетя еще раз окликнула его: «Не лежи так, сложив руки, словно мертвец!» — и ушла, заперлась в своей комнате. Но пока Нико вдумывался в смысл ее слов и удивлялся, как она ухитрилась увидеть под одеялом его руки, тетя, наверно, уже успела заснуть — или, во всяком случае, уже лежала в постели и, в полудреме, неспешно листала сборник стихов Галактиона Табидзе, ища по своему обыкновению стихи, подходящие к ее сегодняшним переживаниям: «Несли вдоль улиц черный гроб...» или «Сегодня осенью убитую хоронят регию...» А бабушка о чем-то беседовала с иконой. Собственно, она глядела на икону, не разжимая губ. А говорила в душе, чтобы никто случайно не услышал. Впрочем, если бы кто-нибудь и услышал, то ничего не смог бы понять, потому что для бесед с Богом у каждого есть свой собственный, особый, тайный язык — простой как жизнь, необходимый как хлеб, всеисчерпывающий как смерть и бесхитростный как любовь. Простоволосая, без платка, в ночной рубашке с короткими рукавами, она показалась ему вдруг удивительно похожей на девочку.

Седые, редкие волосы были у нее заплетены на затылке в тоненькую, как хвостик, косичку, глядеть на которую было почему-то жалостно до слез. В комнате был разлит тусклый, местами как бы в темных пятнах, желтоватый свет приспущенной лампы — но вскоре все вокруг снова исчезло, растворилось бесследно во мраке — то ли сознание опять покинуло Нико, то ли услышана была молитва его бабушки и он уснул. Но, к сожалению, мрак не замедлил возвратить похищенный им мир вместе с самим Нико — изрыгнул их, как дракон не пошедшую ему впрок, неперевавленную пищу. Только, естественно, изрыгнул не совсем в том же виде, в каком поглотил: все изменило свой облик в большей или меньшей мере, все было измазано слюной дракона, его слизью. Твердые, прочные доньше предметы размягчились, утратили четкие очертания и без толку носятся в пузырьчато-пенистом воздухе, безмолвно, без вреда для себя, с мертвенным безразличием ударяются о стены и друг о друга, но в то же время суть, естество каждого из них остается неизменным: стол — по-прежнему стол, стул есть стул, печка сохранила сущность печки, и японская бамбуковая этажерка как была, так и пребывает японской бамбуковой этажеркой — на второй полке ее не хватает одной книги, той самой, которую забрала перед тем тетя, сборника стихотворений Галактиона Табидзе. Пустота, возникшая в ряду книг, заполнена мраком еще более густым, чем во всей остальной комнате. Так что плавающий, мечущийся, размягченный, покрытый слюной и слизью мир, изрыгнутый из чрева дракона, в основном все же сохраняет так хорошо знакомые Нико облик и природу. Часы по-прежнему тикают, бездомная собака лает, как лаяла, только и эти знакомые, необходимые, неустрашимые звуки несколько преобразились, стали глуше, бессильней, словно их засыпало песком. Лампа погасла, так же, как и печка. Ноги у Нико застыли — точно они обложены льдом, как у дедушки Вало Бадалашвили. Когда у Вало Бадалашвили умер дедушка, кто-то принес лед в мешке и высыпал прямо на землю блестящие глыбы. На серебристых, местами покрытых белым пушистым инеем обломках тотчас же налипли травинки, веточки, всевозможный сор. По одной ледяной глыбе полз муравей, Амундсен муравьиного пле-

мени и, как знать, быть может сходил с ума от ярости, отморозив себе лапки: куда это, дескать, я понал, как бы не застрясть навсегда в этом ледяном царстве. А над головой Нико тучами носятся летучие мыши, и он диву дается, когда, откуда залетело такое множество этих тварей. Нико хоть и мертв, но мертв лишь как бы понарошку, а не взаправду. Пока что он не может вкусить даже малой смерти — то есть не может уснуть, но, возможно, теперь ему больше и не нужен сон, то есть лечение — это ведь летучие мыши из страны душ парят, должно быть, над ним. Не иначе, как пятое время года настало! Умер наш бедный Нико, наш Никуша, наш Николай. А близкие уложили его в постель, как обычного больного, позвали врача, растерли его спиртом и уксусом, облепили ему всю спину банками и спокойно, с чувством исполненного долга, разошлись кто куда, забились каждый в свою раковину; проспится и выздоровеет — такое было их решение, и поэтому сами они, угревшись в постелях, заснули сладким сном. А он умер. Он мертв. Лежит, сложив руки на груди, обгаженный летучими мышами. Словно зарывшись в палые листья, в лесу, под деревом. Мертвец — в мертвой листве. Словно он только что (но на самом деле случилось это три года назад, вскоре после его приезда из Батуми) напоролся на заостренный конец кривого садового топора, раскрыл себе запястье, и ребята уложили его тут, под деревом, в куче налой листвы. Прикладывали землю, мох, с трудом остановили кровотечение — и разошлись каждый к своему дереву, застучали снова своими топориками. Что делать — так устроена жизнь. Они ведь пошли в лес не для забавы, они трудятся, им надо принести домой хворосту. Никто другой ведь им дров в подарок не принесет. А вот отнять могут — на то есть лесник и объездчики. И поэтому они должны торопиться. И не только торопиться, но и держать ухо востро. А он валяется на куче опавших листьев, ни на что негодный, недостойный сын достойного человека, он увязает, тонет — под листьями, оказывается, стоит вода, прелая, болотная, гнилая. Какой-то клейкий, сыроватый запах (дух загнивающей жизни) щекочет ему ноздри и небо. В довершение всего может статься, что его еще и затошнит. «Наши просто с ума сойдут» —

расстраивается, досадует, сокрушается он — обес-
силенный, в полуобмороке, со своей пробитой рукой.
И вечно так: или он бежит со всех ног неведь куда,
объятый страхом, или валяется на земле чуть ли не в
предсмертной муке — вот пока что и вся его жизнь
и, пожалуй, если вдуматься, так он вполне достойный
преемник и деда своего, и отца: один убежал, а другой
упал — а он сам, их продолжатель, еще и не выяснил,
что, собственно, ему вменяется в долг, или, вернее, что
ему еще по силам, кроме бегства или падения. Очень
много он потерял крови. Явственно видит он кровавую
лужу вокруг себя. Кровь уже свернулась, почернела.
Лесные мухи роятся над нею. Одна, посмелее других,
ушла в нее вся целиком, тонет, с трудом рассекает
сгустившуюся человеческую кровь. Быть может, ей и
не удастся выбраться на волю — как тому муравьино-
му Амундсену, — так и не сумеет спастись от этой не-
жданной-негаданной беды. Ну, право, горе с этими
людьми, что за нелепые существа, даже собственной
кровью не умеют распорядиться, проливают ее без
толку, без причины на каждом шагу, мухе нельзя уже
полетать по лесу, порезвиться по своему вкусу на во-
ле. В любую минуту можно утонуть в человеческой
крови. А Нико старается припомнить какие-то стихи,
чтобы не глядеть на муху, бьющуюся в его крови, что-
бы как-то отвлечься от этого зрелища, перенести свое
внимание на что-нибудь другое. А зрелище жуткое. Но
что, если бы он тогда (три года тому назад) умер?
Ведь теперь он наверняка был бы избавлен от этих,
нынешних неприятностей. Впрочем, возможно, что он
и сейчас спасется так же, как спасся тогда! Тогда его
спасла бабушка. И сейчас бабушка спасет. Но до ка-
ких пор может так продолжаться? Нельзя же, чтобы
тебя вечно надо было спасать! В конце концов когда-
нибудь случится так, что никого из близких не будет
рядом, и ты умрешь — окончательно и бесповоротно.
Три года тому назад доктор прописал ему, сверх «ма-
лой смерти», по яйцу всмятку и по стакану красного
вина ежедневно в течение трех недель, назначил — и
залился хохотом, долго не мог остановиться, скрипел
стулом, пыхтел, отдувался, пока не одолел смех, пока
не перевел дух и не смог снова заговорить: — «Толь-
ко, право, не знаю, где ты столько яиц достанешь, раз-

ве что сама снесешь!» Но в ту пору бабушка всякий раз, как выходила на двор, возвращалась с теплым, облепленным пушинками яйцом в кармане фартука. Но к сожалению, все ее заботы и старания оказались напрасными — вот и внук опять лежит перед нею мертвый, со сложенными на груди руками, обгаженный летучими мышами. Правда, ему велели отоспаться, отойти, выздороветь во время сна — но никто не научил, как, каким способом, какими хитростями залучить к себе, приманить этот самый сон — малую, хоть самую малюсенькую спасительную смерть. Детям, наверно, полагается как хлеба, так и сна меньше, чем взрослым, — но ведь Нико уже не ребенок! Уже больше не ребенок! Оковы детства, в отличие от обычных оков, спадают сами собой. Без всякого применения силы. Приходит время — и они сами разбиваются, сваливаются, освобождают тебя. А Нико все время чувствует тяжесть лязгающих оков, и все же он уже больше не ребенок, больше не ребенок, поверьте ему, положитесь на него, разве для вас самих так не будет лучше? Или, скажем иначе, разве имеет для вас какое-нибудь значение, будет одним ребенком больше или меньше на свете? Тем более, что вообще не существует (незаменимых) людей — будь то Нико или кто другой — достаточно человеку умереть, и легенда о его исключительности (придуманная им самим) тотчас же исчезнет без следа. Мир, люди будут жить без него так же, как жили при нем. Ничего не изменится, кроме того, что его не будет больше на свете. Да и для него самого так гораздо лучше. Разве мертвец в могиле более одинок? А ведь одиночества боятся, оказывается, даже звезды, потому и сбиваются в стада. А он одинок. Все его покинули. Потому что все — живые, а он — нет. Сон и отдых нужны живому, а мертвому нужно погребение. Господи, помилуй душу раба твоего Нико и отпусти его родичам их вину, ибо не ведают, что сотворили грех. Умирает он, люди, умер уже! Да поднимитесь же с постелей! Что это на вас сонная болезнь напала, время ли спать?! Завтра пожалеете, да поздно будет каяться. Жалеть лучше вначале, так учит нас поэт. Ничего с вами не приключится, если ради близкого вам человека (иначе — зачем вы привезли его из Батуми?) проведете одну ночь

без сна — если, разумеется, это еще не вечная ^{ночь}.
Все равно, потом пожалеете, что так, запросто, ^{упу-}пустили его, и ведь сами же останетесь без поэта ^а ему теперь уже все безразлично. Впрочем, как это ^{может} быть, чтобы пятнадцатилетнему юноше, пусть даже и мертвому, было что-нибудь неважно? Смерти он стыдится, а своих домашних ему жаль. Где им управиться с поминками? Дедушка гнет спину, на кишки себе наступают, живет, как вдовец, без присмотра в Цнори, в списанном вагоне, вместе с каким-то железнодорожником, таким же горемыкой, как он сам, чтобы семья его перебивалась со дня на день, не померла с голоду. А поминки недешево обойдутся — а как же вы думали? Времена нынче такие — брюхо таскает человека, а не наоборот. Потому, наверно, и говорит бабушка: положил бы (Создатель) нам, людям, есть раз в месяц — тогда бы мы не срамились из-за своей утробы. Чем служить брюху и превращаться в свинью, лучше уж умереть. Таково мнение Нико, хотя, правда, он может без преувеличения сказать, что еще и не знает толком, что такое быть сытым, ему еще ни разу не приходилось утолить голод до конца. И все же Нико думает так — если, конечно, возможно и допустимо, и приемлемо, и естественно, чтобы у него было свое собственное мнение. А пусть будет! Кто ему может помешать? И все же лучше хранить свои мнения при себе. По ночам, оказывается, мертвецы сидят на своих могилах и греют руки у огня. Если уж и мертвые зябнут — тогда все пропало, нет спасения! Но тут другое интересно — а кто для них разжигает костры? Наверно, директор кладбища, — боится, как бы его подопечные не простудились! Не может же он прикарманивать деньги, выделенные для мертвых! Не позволит он себе такое, устыдится. Вон каким забором обнес свою усадьбу, ни одной сливы не стянешь у него, будь она тебе нужна как лекарство, когда горло пересохнет в летнюю жару. А мертвецы дрожат от холода по ночам. Только не настоящий огонь у них горит, а греет им руки фосфорический свет — греет не взаправду, обманывают они себя, развлекаются на свой манер, играют в жизнь. И вдруг — тревога, разойдись, вон тащится Георгий Упарашвили. Это вам не кто-нибудь — его сын убил сегодня человека! Что? Что? Человека убил? А ты уве-

рен? Это еще нужно доказать — разве не знаешь? Ты помнишь, как поступают с клеветниками в царстве душ? Чик — и отрежут язык под самый корень! Язык ведь без костей. Язык все может сболтнуть. Может, и убил — да не нарочно, а нечаянно! Выстрелил случайно, с перепугу. Ведь он еще сосунок, не на много старше тебя, вам друг друга легко понять; что из того, что он однажды протянул бечевку перед тобой поперек дороги и свалил тебя с велосипеда — ты все же должен щадить его, жалко ведь беднягу, он теперь всю жизнь будет несчастным. Да и что за жизнь теперь у него, а ну-ка вообрази себя на его месте, представь себе, что это ты случайно застрелил человека! Вдумайся, вообрази — волосы встанут дыбом! Пожалуй, даже сойдешь с ума. Жалко, разумеется, и того, кто убит, но ему все же лучше, у него все уже позади, он отдохнул, успокоился, а главное, на нем нет греха, а для убийцы, хотя бы и невольного, сейчас только и начинается самый ад. Между прочим, и для свидетеля, тем более, для невольного свидетеля. Так что... Так что, возможно, даже и лучше будет, если Нико не останется жив, если на этот раз его бабушка не сможет, как прежде, совершить невозможное. Кроме всего прочего, не будет его больше терзать дурное предчувствие, оставит его эта постоянная тревога, ожидание чего-то плохого, которое овладело им еще в Батуми и до сих пор не отпускает, не дает роздыха — наверно, с того дня, когда непривычно и, как поэтому казалось, притворно встревоженные взрослые впервые не посчитались с детской ранимостью своих детей — а значит, и со своим долгом взрослых, родителей, и без всяких обвиняков, без подготовки, ничего не смягчая и не прикрашивая, объявили детям: «Если война доберется и до нас, мы будем вынуждены спрятать вас в яме под нужником...» А может быть и несколько позже, но в такой же непривычно тревожный день, когда двое санитаров с засученными, как у кузнецов, рукавами увезли папу в больницу, чтобы там навсегда приковать его к кровати. Начиная с того дня мучает Нико недоброе предчувствие, ожидание чего-то страшного, отвратительного, как выгребная яма. Так что вот уже почти шесть лет он не живет, а ждет, притом, не в очереди на хлеб или на керосин, не матери, задержавшейся в боль-

нице, не выздоровления отца, не возвращения Сосо — а чего-то неясного, но страшного, того, что сулит ему злое предчувствие. Все же остальные, сравнительно определенные, более или менее понятные его ожидания составляют лишь незначительную часть того огромного, расплывчатого, неопределенного, непостижимого и, главное, наводящего страх именно своей расплывчатостью и неисчерпаемостью предчувствия. И ожидание это было непрерывным: оно длилось на уроках, во время игры, за едой, ночью, во сне; и даже когда Нико просто кого-то или чего-то ждал, он был охвачен предвкушением чего-то большего, более важного и значимого, ибо, скажем, с возвращением матери не вообще прекращалось ожидание, а лишь умирало малое и незначительное в составе большого и всеобъемлющего, как узник в тюрьме. Так было в Батуми и продолжается здесь, в Сигнахи. И очень будет хорошо, если Нико не удастся на этот раз спасти, раз и переезд в Сигнахи не помог ему, и злое ожидание не покинуло его. Не только не покинуло, но даже стало острее, еще острее, потому что здесь вообще труднее от чего бы то ни было избавиться: ты здесь, в Сигнахи, словно в каменном мешке, в какую сторону ни пойдешь — наткнешься на крепостную стену. И это тоже, должно быть, растравляет Нико, и к этому тоже он не может привыкнуть, и в этом, наверно, одна из причин того, что он слоняется больше, чем сам того хочет и больше, чем ему требуется. Утащит с собой Вало Бадалашвили (а не наоборот, как думают тетя и бабушка) и бродит вместе с ним, рыщут целыми днями, как бездомные собаки, по сто раз обегают весь город, обнюхают в нем каждый камень, по сто раз ткнутся носом в старинные крепостные стены, чтобы еще раз убедиться, что окружены двойной прочной каменной оградой.

Нет, брат, — негоже нам свободу на золото менять. У одного человека, говорят, столько денег, что он их время от времени проветривает, как постель, бережет от гнили. Но что пользы, помрет — прахом пойдут. Смерть не подкупишь. А вот добро и зло она разбирает. В стране душ грешникам так плохо приходится, что от жалости к ним камни плачут. Лекарство им — земля, а лекарь — змея. Добро сотворишь — положишь камень,

найдешь его на обратном пути. Только вот бестолковы люди, никак не образумятся, думают, всех смогут вокруг пальца обвести, даже судей на страшном суде.

Грешник, бойся греха, гони его прочь —

Не то на том свете тебе уж не помочь.

Люби гостей, от нищего не прячься, сиротку обла- ской, голодного накорми, озябшего отогрей, посади ря- дом с собой или дай ему стать у огня, да, да, подвинь- ся немного, ничего, обоим хватит места. Будь милостив, и помилован будешь, цени родителей, даже если они те- бя бросят. Мертвых не забывай, потому что и сам ум- решь — перед тобой та же дорога. В стране душ малень- кие дети все своих матерей ищут с ревом и слезами. Встретят женщину и обовьют ее колени: «Мама, мама!» А та отталкивает, чурается их: какая, мол, я вам мать. И Нико жалко этих бедняжек больше, чем самого себя. Вернее, жалко самого себя так же, как их. И он готов уже почти расплакаться вместе с ними, потому что и сам остался все равно что сиротой и сам по- стоянно ищет мать — то бабушкины колени обни- мет, то тетины, а то Маргаритины. И даже сейчас, в эту минуту (мертвый или живой) он твердо уверен лишь в одном: что стосковался по матери! Но все равно — даже если ему придется еще хуже, он никому, ни за что не пожалуется, не скажет: тошно без мамы. Как будто вов- се не помнит о матери и не нуждается в ней. Но доктор давеча все же разгадал его, доискался до главного его недуга. Он словно уже забыл о Нико, словно покончил с ним все дела и завел беседу о посторонних предме- тах — припоминал имя чьего-то крестника или дальне- го родственника и вдруг неожиданно добавил: «А вот войди сейчас в комнату мать вашего юноши — увидите, вспорхнет с постели, как ласточка». — «Да уцелеет ли он вообще?» — тотчас же переменяла разговор тетя, потому что она лучше доктора знает, как растравляют душу Нико разговоры о его матери, в особенности, когда другие судят-рядят о ней, а ему, Нико, лишь походя вскользь, только, чтобы показать свою чуткость и сердо- больность, бросят два-три утешительных, обнадеживаю- щих слова: дескать, что поделаешь, дружок, ничего, не беда, надо перетерпеть. А у Нико кровь бросается в го- лову оттого, что кто-то, и не подумав заглянуть ему в ду- шу, жалеет его — разлученного с матерью, брошенного

матерью — хотя бы и временно, хотя бы и вынужденно: и ему стыдно, смертельно стыдно, так, словно это его беспомощность, его бессилие, его никудышность виноваты в их разъединении. От возмущения он слепнет и глохнет, словно обманутый муж, потому что никого, кроме него, не касается, что он думает, что чувствует, о чем печалится, по ком тоскует.

«Уцелеет ли? — усмехнулся, вернее, захихикал, захрипел доктор. — Да так, что вас самих заставит задуматься, как бы уцелеть!»

Но, видно, все же слишком рано оторвался Нико от матери, не успел понежиться вволю в ее тепле, — и того что он недополучил, теперь уже ничто не сможет возместить, хоть заворачивай его в коровьи кишки, хоть обжигай в печке. Вот почему, наверно, ему постоянно слышится голос матери. Сколько звуков и голосов вокруг, мир весь гудит, а ему только и слышен материнский голос: словно она тут же, рядом, и беседует с кем-то тихо, спокойно, то ли с бабушкой, то ли с тетей, так что Нико слышит лишь голос, а слов не может разобрать. Он приподнимается вдруг на постели и прислушивается к царящему в комнате мраку, хотя прекрасно понимает, что все это ему чудится. Голос матери в нем, внутри, так же, как он сам был внутри своей матери когда-то, еще до рождения. Так, еще до появления на свет, впитал он в себя этот голос, который стал его плотью и кровью и пребудет в нем до самой смерти. Да, да, и живет в нем — сейчас и всегда. Вот почему он ничего больше не боится — ни смерти, ни жизни. Что материнским голосом обладать, что секретом бессмертия. Смерть, небытие, начинается тогда, когда ты забудешь голос матери, потеряешь его, утратишь, или когда он сам по своей воле и желанию покинет тебя, отвергнет, как недостойного, ненужного, негодного. Материнский голос — все равно что броня, пройдешь сквозь огонь так, что и ресничка не обгорит, и из воды выйдешь невредимым, и через пропасть перемахнешь по волоску. Это он, этот голос, своею милостью, когда захочет, разрушает глухую стену небытия, и также, когда захочет, выводит из мрака небытия (кто знает, в который раз), сверкающий первой росой, звенящий первыми голосами, пестреющий первыми красками мир, который есть первооснова его души, подножье его мечты, опора его опор,

первая копилка его памяти, вмещающая огромную, но истине детскую, в лучшем смысле этого слова, и печаль и радость в своем темном маленьком чреве. А она, в свое время создательница, а сейчас спасительница этого мира, поправляет узел волос на голове и с горящим лицом, словно после быстрого бега, растерянно, виновато улыбаясь, смотрит в сторону дома (не здесь, а там, в саду, в Батуми), а рядом с нею стоит какая-то женщина с открытой грудью, с ребенком на руках, не женщина, а ведьма, бесовка, со своим маленьким бесенком. — «Ну и дурочка ты, а ведь взрослая женщина!» — кричит ей с террасы тетя, папина сестра. — «Что делать, никак не могла отвязаться, не стоять же было, разговаривая, с нею на улице», — отвечает мама и глядит с извиняющейся улыбкой на чужую женщину, как бы прося ее не обращать внимания на ее слова, не сердиться — и, рассердившись, не напророчить чего-нибудь дурного ее сыну или кому-нибудь из ее близких. — «Если бы ей что-нибудь особенное было открыто, она бы самой себе помогла», — бушует на террасе тетя. — «Иди сюда, я и тебе погадаю», — зовет тетю чужая женщина; одной рукой она прижимает к себе ребенка, другой вцепилась в запястье маме, словно хочет ее увести. А Нико еле дышит от страха (с того самого дня это — самый мучительный из снов, который снится ему постоянно). Мама чувствует, как тяжело Нико, и время от времени, чтобы подбодрить, поглядывает на него с насильственной улыбкой, но тут же о нем забывает и вновь, нахмурив лоб, с пристальным вниманием прислушивается к вздору, который несет эта чужая женщина. А женщина говорит на непонятном, бесовском языке. Ребенок ерзает у нее на руках, то и дело хватает ее оголенную грудь. Нико страшно — он боится и женщины и ее чумазого младенца. Он все ждет, когда младенец нагнется к нему и расцарапает его лицо своими дочерна грязными ногтями. А цыганка говорит, говорит без умолку на бесовском языке. Потом вдруг тянется к ветке смоковницы, срывает незрелый плод и сует ребенку в руки — чтобы играл с ним, отвлекся, отстал.

Продолжение следует

Перевод Элисбара АНАНИАШВИЛИ

Иосиф ГРИШАШВИЛИ

Сонет Тбилиси

Тбилиси мой, ты пробудил меня,
Тебе — мои сонеты и шаири.
Ты всем певцам добавил в кровь огня
И всем вручил по новой звонкой лире.

Пусть радостными будут краски дня,
Пусть будет небо солнечней и шире, —
Живи, надежды светлые храня.
Достаточно страдал ты в этом мире!

Пусть никакая горькая беда
Тебя не тронет больше никогда,
Пусть будет жизнь в расцвете, на подъеме,

Ведь если Грузия — наш общий дом,
Взлелеянный любовью и трудом, —
Опорный столп ты в этом отчем доме!

1958 г.

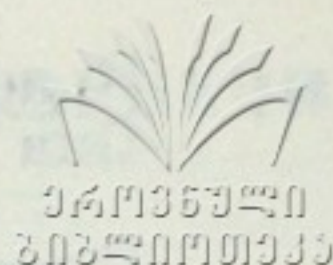
Перевод Ильи ФОНЯКОВА

Мтацминда

Где прежде мрачные развалины
Темнели, продолжая улицы,
Сегодня, к небесам причаленный,
Тбилиси золотой красуется.

Где прежде не было и деревца —
Одна земля сухая, страшная, —

Сегодня зеленью оденется
Тбилиси мой, весной украшенный.

Смотри на гору! Глянь на склон ее!
Везде — сосна и ель зеленые.
Коль Гришашвили не восславит их,
Пускай талант его оставит стих!

1938 г.

„Сумасшедший!“

Ты сказала в сердцах: «Сумасшедший!» Ах, если бы
Был и вправду безумным — бузил, бесновался,
Ничего бы не видел, не чувствовал, песнями
Не грешил, не певцом — мясником назывался!

Был бы я сумасшедшим — в одежде изодранной
У нойонов просил бы себе подаяния,
Под дверями твоими, небритый и сторбленный,
Скаля зубы, придумывал шутки, кривляния.

Был бы я сумасшедшим, бежал бы по улицам,
Собирал бы ивняк и сушняк. И во мраке,
Где сейчас алыча млечно-бело красуется,
Под окном сотворил бы огромный факел.

И достигнув окна твоего, что растворено,
На ушко бы шепнул в твои сонные кудри,
Словно Бесики, тронув струну чянури, я:
«Сумасшедший — тебе, а себе-то я — мудрый!»

1918 г.

Мариджан

Умрем. Земля нас примет и простит,
Жизнь такова, какой всегда бывала.
Не смогут губы стих произнести,
Песок засыплет наших глаз провалы.

И если что хорошим было в нас,
То теплые мои, живые, губы,

И ясные твои агаты глаз...
Они земле одной лишь будут любви.

Пусть мы уйдем и превратимся в прах!
Рифмованное слово не уходит.
А что о наших сказано стихах,
Легендою останется в народе.

Пусть машет смерть своей стальной косой
И сладость дней срезает и сметает...
Нисходит в землю желтый лист сухой —
И дерево красивей вырастает.

1939 г.

Меня стихам учил Тбилиси

Старею! В гору — чувствую подъем...
Гора с горою как соединятся?
Ах, молодежь, не стоило б смеяться, —
Кто юн бессрочно — вот печаль о ком...

А в молодости был я удалцом.
Старею, да! Но не стареют мысли.
В поэзию иду — в моем Тбилиси —
Со звонким словом, с искренним лицом.

Побольше вас я износил рубах,
Уразумел: что — доброе, что — злое,
Что — потеряю, что уйдет со мною.
Что стих мой — капля малая в морях.

Мой стих — земле, зеленому ковру,
Родные надо мной синеют выси,
Всегда меня стихам учил Тбилиси,
За жизнь его и счастье — я умру.

1954 г.

Перевод Ирэны СЕРГЕЕВОЙ

ПОИСКИ БОГОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Лета 1867-го, марта месяца, седьмого дня от Рождества Христова, по григорианскому календарю, или первого числа месяца зу-ль-каада, 1233-го года, по мусульманскому, или за две недели до головного дня первого месяца Нового, несчетного года от порождения адыгов Солнцем, по летосчислению адыгскому, над горами Кавказа голубело небо, пропитанное жарким сиянием низко и медленно плывущего дневного светила.

* * *

Горячие лучи оплавляли лед на повернутой к солнцу вершине горы, струйки воды змеями заползли под толщу слежалого снега, размыли его связи с промерзшей землей, и громадная, как нартский конь — альп, лавина, еле слышно вздохнув, устремилась во все ускоряющийся бег по крутому склону, уплотняя воздух. Твердь снега и воздуха срывала с основания нагромождения скал, срезала, словно травинки, кривые дубки, ели, пихты, и ущелье огласилось тихим стоном ужаса.

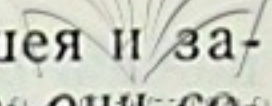
Лавина неслась на маленькое, прыжков в сто, плоскогорье, на котором возле бежавшей подо льдом речки задирали к узкому небу свои макушки ольховые и буковые деревья. К роще цепочками тянулись по снежному насту ямки от копытцев. По следам оленьего стада, то проваливаясь лапами в снег, то высокими прыжками, бежала мохнатая тяжеломордая собака. За нею с ружьем в руке спешил Озермес, козья шапка съехала на потный лоб, бурка развевалась за спиной. Шепотом, слышным только овчарке, он торопил ее:
— Вперед, Самыр, беги!

Олени, обглодавшие кору с деревьев, не могли уйти далеко—за рощей ущелье смыкалось, и крупные склоны были покрыты высоким снегом.

Озермес остановился, чтобы сбросить мешавшую бурку, но тут овчарка, убежавшая за деревья, взвилась из сугроба, развернулась в воздухе и, тревожно лая, бросилась к хозяину. Ощутив виском и щекой напор воздуха, Озермес вскинул голову. Слева с высокого обрыва падала, расширяясь и нарастая, тяжелая снежная туча. Один-два вдоха, и лавина расплющит его, как нога путника—незамеченного им жучка. Озермес, выпустив ружье, подобно лесной кошке, в три мгновенья прыжка оказался под старой сутулой ольхой, упал головой к мшистому стволу и вцепился пальцами в узловатое, выпирающее наружу корневище дерева. Шапку сбило с головы, бурка, крыльями взметнувшись за плечами, упала на спину. Отчаянно, словно увидев посланца смерти, взвыла собака. Ольха, под которую свалился Озермес, переламываясь, жалобно вскрикнула, на Озермеса обрушилась невероятная тяжесть, выдавила из груди воздух, дыхание его пресеклось, в глазах почернело, как после вспышки молнии, и он погрузился в ничто.

Очнулся Озермес вдох спустя, или через столько лет, что горы превратились в гнилые земляные орехи.

Он лежал ничком, придавленный снежной толщей, все еще вцепившись пальцами в древесный корень. Как и все живое, оказавшееся в его положении, он принялся, не осмысливая своих действий, извиваться, подобно червю, которого придавило комом обвалившейся земли. От движения его снег оседал и еще плотнее прижимал к земле, тело, изнемогая под тяжестью, не слушалось, ноги не ощущались, будто их не было. Ища воздух, ушедший из легких, Озермес, как выброшенная на берег рыба, открывал и закрывал рот, бился затылком о снег, и тот, поддаваясь, приподнялся и осыпался песком к подбородку. Разжав пальцы и не почувствовав их движения, Озермес потянул кисти рук к себе, однако затихшее было сердце забилося так сильно, что эхо от неровных ударов отозвалось в ушах и оглушило его, дыхание стеснилось, и в Озермеса опять вошла тьма.

Потом жизнь возобновилась в нем. Лицо, шея и затылок были влажными, ничем не защищенные, они согревали снег до таяния. Поморгав, Озермес расцеленный слипшиеся ресницы, перед глазами возникла мутно-белая наледь, в которую он упирался лицом. Он вдавился затылком в снег, тот еще уплотнился кверху, и попытался привстать, упираясь в мерзлый наст животом. Живот лежал на каком-то выступе. Приподнять удалось только плечи. Напряжение утомило мышцы Озермеса, давно не получавшие питания, и тут к нему вернулась душа. Как ей и полагалось, она влетела через темя в свое обиталище — голову, и он понял все случившееся с ним и расслабился, чтобы отдохнуть и подумать. Невесть кто в давние времена сказал: если тебе не с кем посоветоваться, посоветуйся со своей шапкой.

Он вспомнил, как скрипуче застонала ольха, когда ее сломило. Наверно верхушка дерева, падая, уперлась ветвями в землю и ослабила удар снежной горы, а на ноги скорее всего упал обломок скалы. Самыра, надо быть, придавило. Когда лавина рухнула на плоскогорье, пес находился еще за деревьями, на расстоянии пяти-шести прыжков от Озермеса, он мчался на выручку к хозяину, прижав уши с черными кончиками к серо-желтой голове, раскрыв пасть и веретеном вытянув хвост. Если бы Самыр не был так увлечен преследованием оленей и не подгонял его Озермес, он успел бы предупредить хозяина о надвигающейся опасности. Даже если овчарка осталась жива и камни не перебили ей спину, из-под толщи снега ей не выбраться. Самыр был Озермесу ближе друга, единственной живой связью его с ушедшим за море отцом. Отогнав воспоминания, Озермес проглотил слюну, комком собравшуюся в горле.

Ни разу еще ему не приходилось наблюдать такого обилия снегов. Почти все сорок морозных дней и ночей небо оставалось ясным, с утра озаряемым холодным солнцем, но перед Новым годом небо потемнело, стало студенистым, и повалил снег. Снег падал и падал, и днем, и ночью, и еще, и еще, и еще дни и ночи. Сугробы поднялись до крыши, заслонив окошко, затянутое оленьим пузырем. Задули ветры. Прислушав-

шлись к воплям бурана, шатавшего стены сакли, Озермес пробормотал: — Хорошо, что мы поставили саклю у скалы, на открытом месте нас унесло бы. — Это Дух гор, — сказала Чебахан, — рассердился и летает над землею. Слышишь свист его крыльев? — Она стояла, напрягшись, как тетива лука, и смотрела на дверь, за которой завывала метель и тревожно скулил Самыр. — Дух гор? — повторил Озермес. — Мы не причинили ему ничего дурного. — Он задумался.

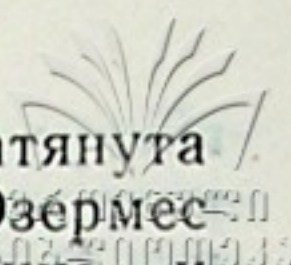
Дух гор, суровый старик с седой бородой, одиноко жил на вершине высокой горы. Некоторые рассказывали, что видели его, пытались заговорить с ним, однако он взмахом крыла сбрасывал смельчаков вниз, в долину. Когда-то он был правой рукой Тха¹, но потом повздорил с ним, кажется он требовал, чтобы Тха поделился с людьми познаниями. Тха сбросил его за это с неба. С тех пор Дух гор ненавидит владыку и не любит людей за то, что они не возжаждали знания и не помогли ему в борьбе с Тха. Иногда к Духу гор являются посланцы Тха и уговаривают помириться с владыкой неба, но старик не соглашается, потому что никому больше, ни Тха, ни людям, не верит. Если Дух гор спокоен, все вокруг цветет, и в лесах поют птицы, а если разгневадается, горы затягивает туманом, земля трясется и в ущельях гремят потоки...

Озермес посмотрел на Чебахан, которая продолжала прислушиваться к вою ветра. — Я не прочь был бы повидать Духа гор, — сказал он. — Разве ты не веришь, что он есть? — спросила Чебахан. — Ты ведь слышишь его голос? — Я не говорю, что его нет, но и не утверждаю, что он есть, я просто ни разу не видел его, — объяснил Озермес. — Когда ты кричишь в лесу, — возразила она, — звери, не видя тебя, понимают, что ты есть. — Да, это так, но им все-таки хочется посмотреть на того, кто кричит. Сколько раз я криком или свистом подманивал к себе добычу. — Ты думаешь, что Дух гор выманивает нас из сакли? — Не знаю, вряд ли мы ему нужны...

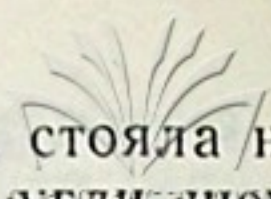
Они помолчали, а потом, не раздеваясь, легли спать. Ночью их разбудил грохот.

---

¹ Тха — Бог. Здесь и далее примечания автора.

Озермес и Чебахан вскочили. Сакля была затянута дымом, на полу валялись куски сухой глины. Озермес зажег от тлеющего уголька лучину в светильнике и увидел у очага упавший с крыши дымарь. Наверно, он обрушился под тяжестью снега. Хвала богам, что не погас огонь, это было бы дурной приметой. — Подбрось в очаг щепу! — крикнул Озермес, перетащил дымарь к двери, схватил деревянную лопату, выбил из двери клин и стал выбираться наружу. Пытаться в такой буря водрузить на место дымарь, который к тому же обычно вставлялся снизу, было не очень разумно, дым и без него потянется в дыру в крыше, но Озермес истомился без движения и действия. Вероятно, и снега на крыше собралось изрядно, не ждать же, когда кровля обрушится им на голову. Озермес выдавил дверь, вылез из сакли, и буря набросился на него со всех сторон, как стая взбесившихся волков. Он вернулся в саклю за дымарем и принялся прокапывать в снегу проход к задней стене сакли. Собака раз-другой прыгнула на него от радости и тоже стала рыть лапами снег. Между заднею стеною сакли и отвесной скалой был промежуток в два локтя шириной. Озермесу уже приходилось подниматься с той стороны на крышу. Он забирался на нее, упираясь спиной в скалу и ногами в стену сакли. Докопавшись до скалы, Озермес кое-как вскарабкался наверх с лопатой в руке и сбросил с крыши снег. Потом спустился за дымарем, но, спохватившись, пошел в саклю, вытесал из полена несколько колышков и отыскал моток волчьих сухожилий. Несмотря на то, что снег валил, как водопад, снаружи было светлее, чем в сакле, если там не горела лучина и в очаге не пылал огонь. Ветер то стихал, то начинал свирепствовать, и тогда трудно было понять, где небо и где земля — хлопья снега или поднимались вверх, или неслись, догоняя друг друга, словно крошечные белые кони по серой степи. Иногда вихри крутились колесом, и из круговерти проглядывали чьи-то полосатые черно-белые морды и слышались визг и хохот. Озермес дважды добирался до крыши и дважды падал в сугроб вместе с дымарем, но потом все же ухитрился забросить дымарь на кровлю и перебрался туда сам. Подтащив дымарь к дыре в крыше, он за-

глянул в саклю. Чебахан, кашляя от дыма, стояла на коленях у очага и раздувала брошенные на угли щепки. Они все разом вспыхнули, Чебахан откинулась назад и подняла голову. Красные и желтые отблески пламени заметались по ее лицу, сделав его неузнаваемым. Озермес замер и, не чувствуя холодных снежных хлопьев, словно колючки, царапавших ему нос и щеки, всмотрелся в ставшее чужим огненное лицо Чебахан. Она крикнула: — Что ты смотришь? — Озермес не ответил и принялся прилаживать дымарь, который рвало из рук ветром. Вниз раструбом дымарь было не засунуть, Озермес перевернул его и всадил в кровлю, как воронку, потом повернул по ветру и, закрепив колышками, обвязал волчьими сухожилиями. Ветер будто дожидался этого, он тут же подул с другой стороны, но слабее, потому что налетал на скалу, и она отражала натиск. Озермес перевел дух.

Третья зима миновала, как он взял Чебахан в жены и после того видел ее ежедневно, но время от времени вдруг не узнавал и каждый раз изумлялся тому, что она может вмиг перемениться, стать иной, не похожей на себя. Это могло быть свойственно и другим женщинам, но Озермесу такая мысль в голову не приходила. На всем пространстве вокруг них Чебахан была единственной женщиной и сравнивать ее теперь было не с кем.

Уверовав, что дымарь не упадет, Озермес спрыгнул в сугроб, подобрал лопату и, пробившись к навесу, пристроенному к скале, набрал охапку дров. Нарублены они были загодя, до метели. Самыр вновь запрыгал возле него, заскулил, но, увидев, что хозяин идет к сакле, куда вход ему был запрещен, опустил лобастую голову и залез в свою яму, отрытую в снегу.

Когда Озермес отворил дверь, лучина в светильнике от порыва ветра погасла. Чебахан стояла спиной к очагу, отсвет огня обвивал ее голову, подобно желтому венчику вокруг луны, а лицо было в темноте, смутно высвечивались лишь белки глаз. По тому, как пристально смотрела Чебахан, Озермес угадал, что она ждет, когда он заговорит. Бросив дрова на пол, Озермес сел на чурбачок, протянул к огню озябшие руки и с отвращением сказал: — Там какая-то нечисть, а не Дух

гор, носятся и орут, будто махсымы¹ перепились. — Чебахан забила дверной клин и снова подошла к нему. — Что? — спросил он. — Что-то должно случиться, я чувствую, как оно приближается. — Что приближается? — Не знаю, но мне беспокойно. — Ложись и засни, — сказал он, — а я постерегу огонь, вдруг дымарь снова сорвется. — Чебахан отошла, легла на тахту, укрылась козьей шкурой, но не заснула, Озермес угадывал это по дыханию, Чебахан, как и он, была голодна и исхудала так, что родная мать не узнала бы ее, одни глаза, и без того огромные, остались на желтом, как пчелиный воск, лице.

Голодали они давно. Все живое задолго до бурана забилося в свои берлоги, логовища и гнезда. Олени и туры исчезли, даже лесные божества не давали знать о себе. До силков было не добраться, их завалило снегом. Когда иссякли припасы, Чебахан стала скрести с изнанки старые козьи и оленьи шкуры и варить ляпс², пили они еще настой из высушенного подорожника, а потом перешли на воду, которую натапливали из снега. Озермес хвалил воду, пил ее медленно, глотками и, утешая Чебахан, говорил, что вода из снега почти так же целебна, как ледниковая. Она отмалчивалась, смотрела куда-то в даль и что-то там разглядывала. В сакле оставалась только ее оболочка, а душа где-то странствовала. Озермес не спрашивал, о чем она задумывается. Это было ее правом, думать, о чем ей хочется, да и не всегда человек волен в своих размышлениях, мысли сплошь и рядом приходят извне. А уж если где-то скитается душа, с человеком и вовсе нельзя вдруг заговаривать, как нельзя резко будить спящего — душа может не успеть вернуться к нему.

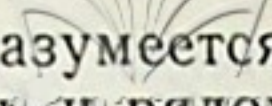
На исходе дня ветер утих, к ночи разошлась и мгла, и на небе, впервые за долгое время, зажглась Вечерняя звезда³. И тут Озермес допустил оплошность, сказал, что с утра пойдет охотиться на многорогих. Надо же так, чтобы не сглазить, назвал оленей многорогими, однако совсем позабыл, что заранее сообщать о време-

---

¹ Махсыма — хмельной напиток из проса и меда.

² Ляпс — мясной бульон.

³ Вечерняя звезда — Сириус.

ни ухода на охоту не к добру. В приметы, разумеется, можно и не верить, но они все-таки сплошь и рядом сбываются, и сегодня это подтвердилось. Чебахан вновь забеспокоилась, когда утром он стал собираться, она посмотрела на Озермеса, потом на дверь и спросила: — А многогогих ты сыщешь? Они ведь ушли куда-то. — Не знаю, где многогогие спрятались, но они голодны, как и мы, и выйдут сегодня поглотать кору на деревьях, будут искать мох там, где снег сдуло ветром. — Чебахан стояла, уронив свои длинные, с тонкими пальцами руки, огрубевшие, припухшие в суставах, в ссадинах и царапинах, и снова смотрела на дверь. — Ближе к многогогим при таком снеге не подойти, — сказал он, — я возьму вместо лука ружье. А Самыра оставляю, чтобы ты не была одна. — Я не боюсь, ты ведь знаешь. — Озермес отворил двери и зажмурился. Снег — белый, голубой, зеленоватый лежал на земле, на деревьях и кустах, ослепительно блестя под солнцем. Нигде — ни возле сакли, ни на склонах не виднелось и крапинки, зверье и птица еще не касались чистого снежного покрова. Вдали, на расстоянии, до которого не докричишься, высился, входя сверкающими вершинами в небо, суровый, отрешенный от всего, горный хребет. Было так безмолвно и беззвучно, что от тишины у Озермеса заложило уши. — Посмотри, — весело сказал он, — мир обновился, он будто только родился! — Чебахан хотела что-то сказать, однако раздумала.

Самыр бросился к ним, но Озермес втолковал ему: — Ты останешься. Дома будешь, дома! — для верности он затолкал собаку в саклю и, прикрыв дверь, сказал Чебахан: — Ты говорила: что-то приближается, вот оно — ведро и пришло. — Пусть путь твой будет удачным и коротким, — почему-то шепотом произнесла она. Озермес улыбнулся. — Не отходи далеко от сакли. — Он стал пробираться среди сугробов. Отойдя немного, оглянулся. Чебахан стояла по колени в снегу и пристально смотрела ему вслед. Когда он ушел далеко и был уже в десяти-двенадцати криках от сакли, его догнал Самыр. Озермес рассердился и отправил пса обратно. Тот, опустив голову, отошел, скрыл-

ся за кустарником, но вскоре опять подбежал к нему сзади и ткнулся в руку холодным носом.

Почему Самыр, обычно послушный, убежал от Чебахан? Или это она послала собаку вдогон хозяину?..

Что с Самыром, жив он или душа покинула его сразу? На какой высоте переломилась ольха, сколько человеческих ростов снега под ним? Лавина, падая, толкала перед собой воздух, сжала его у корней ольхи и, наверно, плотный снег обхватил воздух вроде пленки рыбьего пузыря и не дал ему рассеяться. Поэтому воздухом можно дышать, как пьют воду из кувшина, пока она не иссякнет. Когда воздух кончится, душа окончательно покинет тело Озермеса, оно замерзнет, затвердеет и будет лежать под буркой до той поры, пока солнце не растопит снег и он водой не утечет вниз, в ущелье. В один из дней в небе появится ворон, закаркает, сзывая стаю, и вороны один за другим, сложив крылья, опустятся на бурку и примутся долбить ее клювами, а потом, когда на темном небе протянется Тропа всадника и загорятся Семь братьев-звезд¹, послышится заунывный вой шакала, и он, подтянув к впалому животу просунутый меж задними лапами короткий пушистый хвост, подберется к дырявой бурке и, дрожа от страха, примется доедать недоклеванное воронами. Оставшееся dokonчат черви. Очищенные от мяса и сухожилий и омытые дождями кости обрастут зеленым лишайником и будут лежать, пока не рассыпятся в прах и не смешаются с землей. Озермес представлял все это без страха и печали, ибо знал, что человек не умирает, он лишь перестает двигаться и, переселившись в кого-то другого, продолжает жить такой же, только иной, жизнью...

* * *

Чебахан дышала во сне так беззвучно, что Озермес прислушался и приложил руку к ее плоской от корсета груди. Вечером, когда они вошли в хачеш², раз-

¹ Тропа всадника — Млечный путь. Семь братьев-звезд — Большая Медведица.

² Хачеш — гостевое помещение, кунацкая.

делись в темноте и легли, он, боясь оцарапать кончиком кинжала кожу Чебахан, протиснул левую руку между ее телом и корсетом, и хорошо сделал, потому что кинжал, перерезав шнурки, воткнулся ему в ладонь. Стянув с Чебахан корсет, он слизнул с ладони кровь. — Порезался? — спросила она. — Незачем было предохранять меня, я никому не рассказала бы, как ты опозорился. — Она шутила, но голос ее дрожал. Он усмехнулся. — Другие девушки перерезали шнурки сами, заранее. — В окошко заглянула луна. Защищаясь от яркого белого света, Чебахан отвернулась к стене, но Озермес, потянув за плечо, повернул ее на спину. Она зажмурилась и пробормотала: — Не смотри на меня. — После этого она не издала ни звука и лежала как деревянная. Озермес отодвинулся и задумался. Когда он, сопровождая отца, странствовал по аулам, его дважды зазывали к себе вдовы. Они были вольны в своих поступках, и никто из шапсугов не мог осудить вдову, пожелавшую провести ночь с холостым джигитом. Первая — белокожая, округлая и мягкая, несколькими годами старше его, была нежна, чуть ли не по-матерински ласкова и, прощаясь, с благодарным вздохом шепнула: — Я рада, что стала твоею первой женщиной. — У Озермеса кровь прилила к голове от стыда. Вторая, вдова абрека, погибшего года два тому, вскоре после свадьбы, сухоощавая, с темным, будто обожженным солнцем лицом и узкими острыми глазами, сказала, что он похож на ее покойного мужа. Всю ночь она не давала Озермесу заснуть, что-то невнятно, как рассвирепевшая кошка, шипела, а на рассвете укусила в плечо. Озермес уходил от нее с чувством человека, которого ограбили — ласки этой женщины предназначались не ему, а мертвецу, которого она все еще жаждала и пыталась воскресить...

Чебахан не проявила ночью ни нежности, ни страсти, она, как показалось ему, лишь мучилась, как, наверно, мучаются от напора насильника. Вечером, когда они договорились стать мужем и женой и выкупались перед брачной ночью в реке, а потом пошли к сакле ее родителей, он сказал, что свадьбы у них не будет, ибо неизвестно, увидят ли они завтра солнце, на что Чебахан со страстной силой сказала: — Уж эту

ночь у нас с тобой не отнимут! — А потом, когда они легли на тахту, она словно обмерла и ни на что не отзывалась. Озермес недоумевал и больше не прикасался к ней.

Ощувив ровное биение сердца, он убрал руку с ее груди и всмотрелся в бледное лицо. Длинные ресницы прикрывали нижние веки, густые, словно свитые в тонкий шнурок брови сходились на переносице, образовав на гладком лбу морщинку, губы распухли, и на нижней темнела подсохшая кровь, наверно, ночью она искусала себе губы. Озермес подышал ей в лицо. Она потянулась, застонала и разомкнула ресницы. Увидев его, вздрогнула, отпрянула к стене, узнав, протяжно вздохнула. Он протянул руку к своей одежде, висевшей на вбитых в стенку колышках. Она молча и отчужденно наблюдала за ним. — Одевайся! — сказал он. — Уже рассвело, мне надо спешить! — Он вскочил, схватил рубаху, штаны и бешмет и, отойдя за угол, отвернулся от тахты. За его спиной зашуршала одежда — Чебахан одевалась тоже. Когда он застегнул пуговицы на бешмете и натянул черкеску, она была уже одета. Повернувшись, он невольно залюбовался ею. Вечером она пришла в хачеш одетой, как на праздник. В вырезе платья виднелся расшитый серебряной нитью воротник темно-красного кафтанчика, над которым розовела рубашка. Тонкий стан обхватывал пояс с блестящей пряжкой. На голове была высокая, округленная шапочка, тоже обшитая серебром. — Вчера в темноте я не разглядел твой наряд, — сказал он, — носи его долго! — Взяв папаху, он покачал головой. — Теперь я не смогу носить папаху похолостяцки, набекрень. — Ты жалеешь? — спросила она. Он пожал плечами, надел папаху, надвинув ее на брови, взял шичепшин и вышел. Чебахан бесшумно пошла за ним. Где-то разговаривали люди. Озермес остановился. — Видишь на холме дуб? Я буду там. Захвати мою бурку. Не медли, скоро начнется стрельба. — Он задумался — пойти попрощаться с родителями Чебахан или соблюсти издавна установленное правило, по которому молодой муж первое время не видится с родителями жены? Пожалуй, достаточно того, что вчера он уже нарушил адат. — Передай родителям, —

сказал он,—что я ушел петь воинам.—Она кивнула. Серые лучистые глаза ее были словно затянуты туманом. Идя к сакле, она оглянулась, и он подумал, что какой бы ни получилась их первая ночь, Чебахан теперь жена его, и изменить, поправить что-либо невозможно, да и не нужно. Она давно нравится ему, она красивее любой девушки из всех, виденных им в других аулах, и этим все сказано. Быстро все же они договорились пожениться. Днем он забросил свою плеть во двор Чебахан, она подняла ее и оставила у себя. Если б она отвергла его, плеть полетела бы обратно. Когда он потом подошел к Чебахан, она, не дав ему и слова сказать, спросила: — Ты хочешь взять меня в жены? — Да, — немного опешив от ее стремительности, ответил он. — А ты?.. — Я хочу услышать, как ты будешь петь свои песни нашим детям. — К родителям Чебахан они пришли, когда выползающая из-за горы луна загнала темноту в ущелье. Отец Чебахан сидел у очага, смазывая салом спусковой крючок ружья, а мать переливала молоко из деревянного ведра в кувшин. Гостю полагалось войти не в дом, а в хачеш, поэтому хозяева недоумевающе переглянулись и устались на Озермеса. опередив его, Чебахан звонким голосом объявила: — Вы знаете о джегуако¹ Озермесе. Это он. Сегодня ночью Озермес возьмет меня в жены. — Мать охнула, выронила ведро, и оно покатилося по полу, разливая молоко. Отец, словно не расслышав, отложил ружье, поправил лучину в светильнике и медленно поднялся. Озермес поздоровался и пожелал дому мира. Старик хмыкнул, пробормотал нечто похожее на приветствие и стал разглядывать Озермеса из-под темных нависших бровей, таких густых и длинных, что они лежали на верхних ресницах. Лицо у него было твердое, без морщин. В усах белели седые волоски, а серые молодые глаза светились, как у Чебахан. — Хотя ты вошел и не в хачеш, — медленно проговорил он, — твой приход большая честь для нашего дома. Адыги помнят твоего деда, прославленного джегуако, и твоего отца — джегуако, известного всем нашим племенам, слышали мы и кое-какие из твоих песен. Джегуако

---

¹ Джегуако — народный поэт, певец, сказитель.

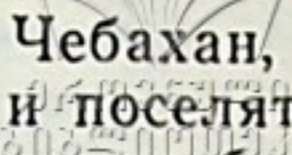

— хранители адатов. И коли ты нарушаешь адат, на это должны быть особые причины. — Озермес слушал, опустив руку с шичепшином. Старик посмотрел на Чебахан, она опустила голову и спряталась за спину Озермеса. — Моя дочь провинилась, она обскакала тебя и сказала то, что должен был сказать ты. Я догадываюсь, почему она спешит. Враг подле аула, и ты, сын мой, наверно твердо обещал ей только одну ночь. Хотя ты и не носишь оружия, пуля слепа, она может случайно попасть и в джегуако. — Мать Чебахан подошла к ним. Озермес видел ее издали и раньше, но только теперь обратил внимание на то, как Чебахан похожа на нее: такой же гладкий лоб, такие же огромные глаза, ровный прямой нос и плавные, как у оленихи, чуть впалые щеки и нежный подбородок. Улыбающиеся глаза и лицо ее излучали доброту. Она хотела что-то сказать, но старик вытянул руку ладонью вниз и помахал ею, чтобы жена не перебивала его. — Наша дочь всегда останется для нас маленькой. Годы прибавляются ей, но они же прибавляются и нам, и расстояние между родителями и детьми не меняется. Пожелание ребенка — это повеление пши¹. Кроме того, жена без мужа всё равно, что дочь без родителей, и я не хочу, чтобы завтра, если меня убьют, моя дочь осталась без защитника. Ты знаешь, ради человека люди собираются трижды: в честь его рождения, в день свадьбы и после кончины. Я обещаю: если боги сохранят мне жизнь, свадьба ваша будет веселой! — Живи долго, отец, — сказал Озермес, — чтобы мы могли многие лета и зимы набираться от тебя мудрости. — Надеюсь, вы одарите меня десятком внуков, — закончил старик. — А теперь, хозяйки, дайте мужчинам поесть и принесите нам по чаше мармажея.² — Накрывая на стол, мать Чебахан ласково притронулась к плечу Озермеса. Они поужинали, и Озермес попрощался с ними, кто мог знать, увидятся ли они. Он ушел в хачеш и вскоре туда пришла Чебахан...

---

¹ Пши — князь.

² Мармажей — махсыма, выдержанная два-три года.

раскидистый дуб. Вскоре сюда поднимется Чебахан, и потом они навсегда покинут эти места и поселятся высоко в горах, вдали от людей. Разве можно было оставаться в мире, в котором властвует зло, в котором люди убивают друг друга? Они уйдут за облака, в горы, где и звери, и божества живут в согласии, где нет ни царя, ни султана, где всем хватает места, где к нему и Чебахан отнесутся, как к своим, не станут допытываться, кому они поклоняются, Христу или Мухамеду, и где всем будет безразлично, ходят ли они на четырех лапах или на двух. Никогда раньше на ум Озермесу не ложилось и тени мысли об уходе от людей, но душа его, вероятно, исподволь, неощутимо для него самого, стремилась к этому, быть может, с того дня, когда он распрощался с отцом. Во всяком случае, слова, сказанные им накануне Чебахан о том, что они уйдут туда, где вечные снега, вылетели из него сами, как выдох. Она сразу, словно сделав вдох, согласилась. А с ночи, став его женой, она обязана не только соглашаться с ним во всем, но и следовать за мужем, куда бы он ни направлялся.

Поднявшись на холм, Озермес протер рукавом черкески шичепшин и повесил его и смычок на нижнюю ветку дуба, чтобы ветерок просушил струны. Снизу, из ущелья, поднимались полосы тумана. Расходясь, они таяли над лесом. От сакли к сакле ходили, бегали люди. На поляне, где обычно народ собирался на празднества, двое мужчин держали в руках на уровне плеча палку, и вооруженные мужчины, пригнувшись, проходили под ней, давая клятву верности. Потом воины разбрелись, одни пошли к броду через реку и залегли за камнями, другие направились к заходящей¹ окраине аула, а некоторые проходили мимо холма и углублялись в лес. Послышались громкие команды со стоянки русских. Озермес взял шичепшин, ударил по струнам и громко запел песню, которой вдохновляли воинов, защищавших свою землю, и отец его, и дед, и прадед, и прадед прадеда:

---

¹ Заходящая сторона — запад, восходящая — восток, нижняя — север, верхняя — юг.

О, Шибле, о, бог грома,
Дай силу руке воина,
И шашку сделай острою!
Пусть начнет рука правая,
Пусть закончит рука левая!..

Голос его раскатился по долине. Мужчины, проходившие под холмом, помахали Озермесу руками. Где-то недружно закричали. О чем кричали, не разобрать было. Грохнула пушка. Часто, вразнобой, затрещали выстрелы. Над горой, хлопая крыльями, закружилась стая голубей и с писком заметались ласточки. А неподалеку, на опушке леса, из зарослей выскочила лиса и, помахивая пушистым хвостом, пустилась наутек. За нею проскакали несколько перепуганных зайцев. На восходящей стороне, из-за черных туч, навалившихся на горы, медленно, словно в нерешительности, высунулось солнце, лучи его алым дождем упали на землю, но тут же угасли. Солнце снова скрылось за тучами. Озермес продолжал петь. Из-за отдаленного яблоневого сада, неся на плече какой-то узел и под мышкой свернутую бурку, вышла Чебахан. Хотя она переоделась, Озермес сразу узнал ее по скользящей походке. Шла она, не прячась от пуль, ненадолго исчезала за деревьями или кустами бузины, один раз ее закрыло черным пороховым дымом. Поднявшись к дубу, Чебахан опустила наземь свой узел, положила на него бурку Озермеса и оглянулась.

Солдаты перебирались через речку, тесня защитников аула. Солдат было числом поболее, и оружием они располагали лучшим. У них имелось много и других преимуществ: они были свободны в своих действиях, могли и наступать, и, если требовалось, отодвигаться назад, им не приходилось оглядываться на своих матерей, жен и детей, кроме того, война была их главным делом, они учились ему и занимались им и десять, и пятнадцать, и двадцать лет, а против них сражались землепашцы и скотоводы, для которых, хотя они и владели шашкой и кинжалом, сражения были не единственной обязанностью, а занятием вынужденным и неестественным, так же, как оно было бы вынужденным и неестественным для тех же солдат,

если бы их не оторвали от дома, а оставили пахать землю и сеять зерно. Солдаты наступали общим строем, они делали свое дело, то есть убивали, дружно, весело, не испытывая ненависти к тем, в кого стреляли и кого закалывали штыками, а защитники аула действовали разрозненно, тяготея к своим саклям, но бились насмерть, остро ненавидя тех, кто хотел отнять их землю.

Над головами Чебахан и Озермеса просвистела пуля, потом другая. Над ближайшим садом поднялись дымки, а из-под деревьев вышли трое солдат с ружьями в руках. От дубовой ветки отскочил и упал на траву сучок. Озермес смолк и опустил шичепшин. — Они стреляют в нас, зайди за дерево. — Чебахан вскинула голову. — Они не должны стрелять ни в женщину, ни в джегуако! — Они этого не знают, у них свои адаты, — сказал Озермес. Один из солдат, опустившись на колени, прицелился в них. Озермес схватил Чебахан за руку и оттянул за толстый, в пять обхватов, ствол дуба. Пуля отбила от дуба кусок морщинистой коры. Когда они выглянули, солдаты ушли куда-то. Чебахан дернула Озермеса за рукав. — Смотри, смотри, как он отбивается, он не дается им! — Меж плетней метался молодой каурый конь. За ним, стараясь поймать его, бегали солдаты. Наткнувшись на горящий плетень, конь остановился и заржал. Солдаты подобрались к нему, но он ударил задними ногами, сбил наземь одного из них и с развевающейся гривой понесся к речке. Ему перегородили дорогу и тут, он поднялся на дыбы, прорвался сквозь цепь солдат и поскакал к сосняку на склоне горы. — Настоящий альп! — одобрил коня Озермес. Чебахан внимательно, словно изучая, посмотрела ему в лицо.

На расстоянии одного крика от холма из зарослей бузины на траву выкатился клубок тел, мелькали кинжалы. Когда клубок распался, на земле остались лежать трое: два солдата и воин в бешмете. Четвертый воин, в черкеске, поднялся, держась рукою за грудь, сделал, шатаясь, несколько шагов, упал ничком, подергал ногами и вытянулся. Озермес тяжело вздохнул. Чебахан отвернулась от него и спросила: — Можно я спрошу? — Да, слушаю. — Тебе когда-нибудь приходи-

лось стрелять из лука или ружья? — В детстве, и до того, как я стал джегуако. — Моя мать, — сказала она, — ушла с отцом, он отдал ей свое ружье, а сам взял пистолет и шашку. — Они что-нибудь сказали тебе? — Чтобы я быстрее шла к мужу и чтобы мы не задерживались и уходили... Почему ты не поешь? — Моих песен никто уже не услышит.

Пушка смолкла. Затихала и ружейная пальба. Солдаты, переходя от сакли к сакле, поджигали факелами турлучные стены. Другие срубали фруктовые деревья. Озермес, не раз уже видевший сожженные сады и вытопанные огороды, с горьким сожалением смотрел издали на солдат, взмахивающих топорами. Что могло быть более бессмысленным, чем уничтожение выращенного человеком? Отец, со слов своего отца, которому об этом говорил его отец, рассказывал Озермесу, что у их предков одним из самых тяжких грехов считалось предание огню посевов или фруктовых садов. Даже отступая перед натиском полчищ пришельцев, аланов или монголов, адыги оставляли свои поля неприкосновенными.

Долину затянуло едким сладковатым дымом. Где-то далеко протяжно причитала женщина. После одиночного выстрела наступило затишье, нарушаемое лишь перекличкой солдат и потрескиванием огня. На поляну, где утром защитники аула проходили под палкой, давая клятву верности, выехал на кауром коне грузный русский сердар¹. Озермес издали узнал его. Вчера он ходил к этому сердару, русские называли его полковником, с просьбой не трогать аул и не проливать зря кровь, но полковник в ответ лишь расхохотался, показав большие желтые зубы. Каурый под адыгским седлом то приседал на задние ноги, то, грызя удила, пытался подняться на дыбы, однако полковник удерживал его опытной рукой и смеялся. — Все-таки поймали, — сказала Чебахан, — кончилась его воля.—Глаза у нее потеряли выражение и стали холодными, как заморский кувшин из стекла. Озермес, ощущая жжение в груди, протянул ей шичепшин, закинул на плечо узел и свернутую бурку и, показав кивком

---

¹ Сердар — командующий войском.

головы на лощину, пропустил ее вперед. Пройдя несколько шагов, она остановилась. — Я так и не увидела мать и отца. Что с ними? С холма не было видно нашей сакли. — Если божества сжалятся над тобой, — сказал Озермес, — ты еще встретишься со своими родителями. Но они сами выбрали свою судьбу. И нам тоже надо следовать своей, иначе мы можем потерять друг друга.

* * *

Озермес ворочал отяжелевшей головой, приподнимался, вдавливаясь затылком в снег, пытался повернуться на левый или правый бок, все время ощущая, как что-то давит снизу в его живот, иногда он забывал, где он и что с ним, уносился в прошлое, куда-то бежал, либо играл на шичепшине и пел. Раз ему почудились далекий зов Чебахан и собачий лай...

* * *

Они поднялись на пологий хребет, спустились в сырое ущелье, снова поднялись на гору покруче и сошли к звонкой речке, прыгающей по камням. Озермес вспомнил водопад, денно и ночью шумящий в ауле, горящие сакли... Нужно ли им было так поспешно уходить, бежать оттуда? Как поступил бы на его месте отец? Он посмотрел на Чебахан. Шла она легко и быстро, но лицо было истомленным и сумрачным. — Привал! — сказал он, опустил на траву узел и бурку и уселся на большой, обточенный водой, валун. Чебахан, оглядевшись, подошла к нему, повесила на ветвь орешника шичепшин с привязанным к нему смычком, разровняла прошлогоднюю жухлую траву, нанесенную на берег речки потоками дождя и ветром, и разостлала бурку. Потом достала из своего узла еду — кусок мяса, пасту¹, медный кумган и две глиняные миски. Они сошли к реке и вымыли руки. Озермес, вернувшись, снова сел на камень, а Чебахан, дикой козой прыгая по камням, перебралась через речку и скрылась в лесу. Как позвать ее? Жену не зовут

---

¹ Паста — холодная густая каша из проса, нарезается кусками.

по имени, ей полагается давать прозвища, при посторонних шуточные, худенькую называют толстухой, быструю — копухой, но наедине можно обращаться и с ласковым прозвищем. Вытащив ножичек, он отрезал полоску мяса и стал есть. Чебахан, вернувшись, снова помыла руки и принесла ему в кумгане воду. Запив еду, он поблагодарил: — Пусть пища, приготовленная твоими руками, моя гуаше¹, будет вкусной, а горы и небо любят тебя, как эту воду! — На здоровье, — тихо отозвалась она. Чтобы не мешать Чебахан есть, он встал и прошелся по берегу речки. Немного выше по течению, за излучиной спускалась от мелкоколосья тропа, протоптанная оленями. В здешних лесах должно быть много живности, и ему с Чебахан голодать не придется, надо только раздобыть где-нибудь лук, стрелы, и еще лучше, ружье с порохом и пулями. Он вспомнил, как Чебахан, имея в виду вовсе не охоту, спросила, умеет ли он стрелять... Где им поселиться? Надо бы забраться подальше. Впрочем, там видно будет. То, что относится к завтрашнему дню, лучше не забегая вперед, завтра же и решать. Так, в детстве, скатываясь зимой на обледенелой плетенке с горы, он не задумывался над тем, куда мчится. Из-за этого, однажды зазевавшись, угодил в полыню. Мать рассердилась на него, а коричневые, как кожа каштана, с зеленым оттенком глаза отца на невозмутимом лице ласково смеялись.

Он повернул обратно. Чебахан уже убрала остатки еды и свернула бурку. Послышался шорох. Озермес схватил Чебахан за руку, она замерла. За излучиной речки над орешником показались прямые, с двумя отростками рога, и к воде, беззвучно ступая, спустилась косуля. Подняв заостренные уши и вытянув рыжевато-бурую морду с чистыми влажными глазами, черным голым носом и чуткими, подвижными ноздрями, она стала принюхиваться и прислушиваться. Подбородок, нижняя челюсть, пятно у верхней губы и задняя часть бедер были у нее светлые, почти такие же белые, как кожа на руках Чебахан. Не заметив ничего угрожающего, косуля принялась пить. За ней подошли к речке еще три косули, безрогие,

¹ Гуаше — госпожа, здесь — хозяйка.

и у воды стали толкаться, как шаловливые дети. Будь в руках Озермеса ружье или лук, он легко смог бы свалить любую из косуль, лучше всего ту, что с рогами, она покрупнее и упитаннее. Он искоса посмотрел на Чебахан, которая любовалась косулями. Вдруг, хотя Озермес и Чебахан не шевелились, косули попятись от речки, перепрыгнули через кусты и исчезли. — Я никогда не видела их так близко, — прошептала Чебахан. — Озермес снова уселся на камень. — Мне надо кое-что сказать тебе, белорукая. — Об этом можно было бы поговорить и позже, но воск мнут, пока он горяч. — Ты, наверно, знаешь пословицу: человек поет песню того, в чьей арбе едет. Нам с тобой предстоит ехать в одной арбе, и если мы станем петь вразнобой, у арбы может отвалиться колесо... Ты спрашивала, умею ли я стрелять. И дед мой — джегуако, и джегуако — отец не брали в руки оружия, и я тоже не убивал человека. Тебе понравились невинные, как девочки, косули. Для того, чтобы у тебя, у меня, и у наших будущих детей была еда, мне придется взять в руки оружие и убивать этих беззащитных красавиц, а ты будешь радоваться, если я буду метко стрелять. Так ведь? — Чебахан опустила на колени и, наклонив голову и широко раскрыв глаза, в которых отражалась бегущая речная вода, кивнула. — Да. Но почему ты об этом говоришь? Все мужчины охотятся. И не обязательно убивать тех, кто красивее, по лесу бегают и зайцы... — А по земле ходят люди, — продолжал Озермес. — И красивые, и некрасивые, и старые, и молодые, и добрые, и злые. Я уже сказал, что ни разу не убивал человека. Но когда мы стояли под дубом, я впервые пожалел, что я не многоголовый и многоглазый великан-иныж, не дракон-благо, который может разом проглотить всех жителей большого селения. Ты не знала, о чем я думаю, ты жалела, что у тебя в руках нет ружья, как у твоей матери и, наверно, в глазах твоих становилось темно от того, что мужчина, которого ты взяла в мужья, не хватается за оружие, чтобы защитить мать и отца своей жены. — Чебахан сорвала травинку и принялась сосредоточенно рассматривать стебелек. — Я хочу, чтобы ты знала: если нам когда-нибудь встретится человек, каким бы

он ни был и кем бы он ни был, я не выстрелю в него и не ударю его кинжалом. Так поступали мой дед, мой отец, и так буду поступать я! — Чебахан подняла голову, перевела дух, словно преодолев крутой подъем, посмотрела на него повлажневшими глазами и быстро, сбиваясь, заговорила: — Я забыла сказать тебе. Утром, когда я прощалась с отцом и матерью, я попросила, чтобы они ушли с нами, но отец сказал: ты созревшее яблоко, не хватайся за ветку, от которой уже отрывалась... У меня вовсе не темнело в глазах от того, что ты не стреляешь, мне лишь хотелось, чтобы мы с тобой это делали... Мама говорила мне, какой должна быть жена, но, наверно, она не всему меня научила. — Бледное лицо Чебахан порозовело, она отвела глаза и посмотрела на речку. — У меня к тебе просьба: разговаривай со мной, как сегодня, подсказывай, когда нужно, и я буду реже спотыкаться. Я вовсе не хочу, чтобы у нашей арбы отлетело колесо. — Озермес протянул руку и, невольно оглянувшись, погладил ее по щеке. — Ты сказала все, что хотела? — Она задумалась, шнурки-брови ее соединились над переносицей: — Мы ушли из аула, а у меня такое чувство, будто аул следует за нами. — Это потому, что твоя душа еще там, — сказал Озермес. — И моя тоже. Нам надо вернуться, белорукая. Поищем твоих родителей, посмотрим, может, кто-нибудь лежит раненный и ждет помощи. И кому похоронить и оплакать убитых, если не нам? — Лицо Чебахан просветлело, она вскочила и принялась оборачивать узел буркой.

На исходе дня, когда до аула оставалось один-два крика,¹ откуда-то издали донеслись раскаты грома. Чебахан удивленно посмотрела на небо. Гром долетал через равные промежутки времени. Озермес, подумав, сказал: — Это не Шибле, это стреляют из пушек. — Но в той стороне нет аулов, с кем же они воюют? — Ты ведь знаешь, когда в семье рождается мальчик, джигиты стреляют в дымарь, чтобы отогнать злую нечисть. Наверно, у русских какое-нибудь

---

¹ Так адыги определяли расстояние.

празднество¹. — Чебахан пренебрежительно вытянула нижнюю губу. — Может, они празднуют победу над аулом? Солдат было по десять — двадцать на одного нашего воина.

Озермес прислушался к далекому грому, столь похожему на явление Шибле. Когда-то Шибле подарил людям огонь и, быть может, поэтому время от времени он забирает к себе того или иного человека. Почему он поступает так, никому не ведомо. Другие боги ничего не требуют взамен. Тлепш не только отковал серп по просьбе людей, но и спросил, каким он должен быть, и таким и сделал — похожим на хвост петуха и с мелкими, как у змееныша, острыми зубами. Но человеку этого оказалось мало. Получив от Шибле огонь, дающий тепло и свет, человек захотел проникнуть в тайну Тха. И ломал голову до тех пор, пока не додумался ударять кремнем о кремень или железом о кремень и высекать искру, из которой легко раздувается огонь. В свое время нарты оставили людям лук и стрелы, и у человека словно удлинились руки, но он продолжал помнить, что люди такие же обитатели земли, как медведи или беркуты. Однако, то один, то другой человек не хотел мириться с этим и жаждал большего для себя и для всей человеческой стаи, он хотел не только сравняться с Шибле и Тлепшем, но и подняться выше их. Человек проникал в тайны богов, как собака, которая, идя по следу, вынюхивает все новую и новую добычу, не отрывая носа от земли и ничего не видя вокруг. Так человек придумал ружье и получил возможность послать пулю на расстояние нескольких криков и убивать больше того, что ему нужно было для пропитания и продления жизни... Отец рассказывал Озермесу, что и раньше те или иные люди, такие, как Чингис-хан или Тимур, пытались сравняться с богами, но все их старания кончались одним и тем же — их опускали в могилу, и прах их смешивался с землей. Какая же сила продолжает заставлять человека, имеющего свое поле, захватывать чужую землю? Желу-

---

¹ 21 мая 1864 г. в урочище Кбаада (Красная поляна) отмечалось окончание Кавказской Войны.

док у него, как был, так и остался один, а он почему-то разевает рот пошире, набивает живот сверх меры, отворачивается от своего сада, алчно таращится на сад далекого соседа и убивает его из ружья, а теперь уже из пушки, один удар которой валит наземь сразу многих. Неужто тот, кто отливал пушку, не понимал, что она совсем не нужна людям, что если бы она была необходима, Шибле и Тлепш давно создали бы ее сами? Ведь можно, наверно, отлить еще одну пушку, такую, как гора Бешту или даже Ошхамахо,¹ каждый гром которой будет убивать по целому племени и даже большому народу. И, неужели, если какой-нибудь безумец возьмется за это, он не задумается над тем, что такая гора-пушка когда-нибудь разорвет и его самого, и всех его детей, внуков и соплеменников, и что последний оставшийся на земле, умирая, проклянет имя того, кто обратил свой ум на погибель всего живого?

* * *

Озермес очнулся от забытья и попытался повернуться. Кто из богов мог разгневаться и столкнуть на него лавину? Божеств он чтит, оставлял богу леса Мазитхе после охоты подношение, да если бы он даже и не делал этого, у них все равно не было бы причин гневаться на него. Неужто это рука самого Тха? Что станет с Чебахан, если он навсегда останется здесь? Во всем подлунном мире у нее нет никого, кроме него. И она вряд ли когда-нибудь узнает, куда он исчез, где искать его, оплакивать или нет. Есть ей нечего, у нее имеется только снежная вода. Сколько дней и ночей женщина может прожить на воде? Когда растают снега и зацветут травы, можно собирать съедобные коренья, и только. Даже если она сумеет натянуть тетиву лука, стрела ее не долетит ни до зайца, ни до улара... Та мудрая мышь, которая угодила в котел с молоком, трепыхала лапками до тех пор, пока не взбила из молока масло. Снег не молоко, но иного пути, как следовать примеру мыши, у него нет. Он зашевелил пальцами рук. Дышать он старался неглубоко, медленно, чтобы сберечь воздух. Некоторое время спустя

---

¹ Бешту — Бештау, Ошхамахо — Эльбрус.

ощутил кончиками пальцев шершавость мха, пасущегося на корневище, и принялся тереть ладонью о ладонь. Вскоре кровь дала знать покалыванием о своем возобновившемся течении, и он, обрадованный, оторвал ногтями щепотку мха, медленно, чтобы не обрушить лежавший на нем снег, согнул в локте руку и засунул мох в рот. Снег не обваливался. Прожевывая мох, Озермес подтянул к лицу и вторую руку и растер ладонями лоб, нос и щеки.

Воздух продолжал вливаться в его легкие, не кончаясь. Наверно, у ствола ольхи сохранился узкий проход наружу, вроде щели, через которую, подобно родниковой воде, воздух просачивался вниз, к корням дерева. Он снова вцепился пальцами в корневище и, напрягшись, стал подтягиваться к ольхе. Тяжесть, не уступая, давила на его ноги. Если он попытается высвободиться рывком, снег может осесть и завалить проход для воздуха, уничтожить пуповину, соединяющую его с жизнью. Ноги прикрыты полой бурки, но холод проникает и под нее. Замерзшие, затвердевшие ноги, сколько их не растирай потом, не оживишь.

Озермес снова попробовал поворачиваться с боку на бок и, наконец, сообразил, что в живот ему упирается рукоять кинжала. Вытащить бы его из ножен. Подтянувшись к ольхе и повернувшись, он высвободит кинжал. Им можно вырезать куски снега над собой, уминать их под себя и так, постепенно поднимаясь, сесть и, если получится, даже встать, и тогда он, вроде крота, пророемся наружу.

Озермес запыхался, мышцы рук одеревенели, во рту пересохло. Он стал отламывать комки снега и, засовывая в рот, разжевывать, утоляя жажду. Хвала повелителю путников Зекуатхе, лавина, превратив Озермеса в своего раба, в изобилии снабжала водой. Будь он нартом, разжевал и выпил бы всю воду, которая, став снегом, обрушилась на него.

Стоит человеку остаться наедине с самим собой, как он тут же теряет разум. Вообразить себя в мыслях нартом может каждый, но, как говорит пословица, самый искусный пловец тот, кто стоит на берегу. Ласка или куница, застряв они под снегом, давно выбрались бы наружу и обрели свободу — самое наи-

высшее благо для каждого живущего на земле, а он, вообразив, что смог бы стать нартом, не в силах извлечь из-под снега и камней даже собственные ноги...

* * *

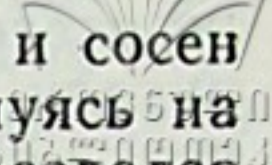
По ущельям уже бродили сумерки, когда издали послышался рокот водопада. Из низких облаков выбралась луна. Чебахан посмотрела на нее. — Сейчас луна ясная, видно, как чабан пасет овец,¹ а позавчера луна была мутная, с размытыми краями, и мама сказала, что это к войне, и что луна редко ошибается. — Колесо луны ненадолго скрылось за горной грядой, уходящей к морю, потом выкатилось из-за нее и въехало в облачко, повисшее над морем. Снизу, из долины, потянуло гарью. На противоположном от водопада краю долины мерцала в темноте россыпь огоньков. Озермес обогнал Чебахан и пошел вперед. Они дошли до холма, на котором стоял дуб, спустились по пологому откосу, и Озермес, остановившись возле ближайшего пожарища, пригнулся и стал всматриваться в темноту. — Пойдем, — дрожащим голосом шепнула Чебахан, — я могу ходить по аулу с завязанными глазами. — Они дошли до того места, где утром стояла сакля родителей Чебахан. Все сгорело — и сакля, и хлев, и сеновал и хачеш, в котором они провели брачную ночь. Чебахан, оцепенев, всматривалась в пепелище. Озермес опустил наземь свою ношу и прошелся по пеплу, вороша его чувяками. Черная, мелкая, как мука, зола тучками вспухала в воздухе. Озермес осмотрел ближайшие кусты. — Никого, — сказал он вполголоса. — Побудь здесь, а я обойду долину. — По тропинке, ведущей к верхней части аула, он дошел до россыпи огоньков, примеченных им с горы. Огоньки оказались грудой тлеющих угольков, раздуваемых низовым ветром. Озермес выбрал головню покрупнее и, размахивая ею, обошел сожженный аул. Пахло гарью, паленой шерстью, жареным мясом. В кустарниках заплакали, завыли шакалы и замелькали зеленые огоньки. Озермес швырнул в них головню. Кусты зашелестели, и огоньки погасли. Вскоре шакалы завыли где-то у водопада. Озермес подобрал головню и вернулся к Че-

¹ В пятнах на луне адыги различали чабана, пасущего овец.

бахан. Она стояла там, где он оставил ее и, услышав его шаги, обернулась. — Придется ждать рассвета, — сказал Озермес, — я разожгу костер, а ты разверни бурку и приляг, поспи. — Я не смогу заснуть, — пробормотала она. Луна докатилась до моря и стала медленно опускаться в воду. — Может, они остались живы и ушли? — вслух подумала Чебахан. Озермес помолчал, его сбивало с толку, что нигде не было видно убитых. Он разжег костер, усадил на бурку Чебахан, сел с ней рядом и стал смотреть на круговерть алых, желтых и синих огней в костре.

Как понять происходящее в мире? Вот он перед ним, этот мир: небо, по которому сонно передвигаются облака, вдали неоглядная морская пустыня, водопад, поющий свою вечную песню, застывшие горы, леса, которые, как и люди, передают свою душу молодым деревцам, прорастающим из семени, и так продолжается от лета до лета, от зимы до зимы. Жизнь беспредельна, но в чем ее смысл, откуда она пришла и куда идет? Неужели она возникла из ничего и уйдет в ничто? Если у нее нет ни начала, ни конца, значит, человек не может увидеть ни начала, ни конца жизни. Он, Озермес, сидит у костра и думает, мысль его устремляется далеко, она может покинуть долину и враз облететь земли абадзехов и кабардинцев, мигом пронестись до Анапы, до которой путнику добираться берегом моря восемь-десять дней, мысль быстра, как молния Шибле, ее никто и ничто не остановит, она может перенести Озермеса в детство, вернуть ему живые глаза и голос умершей матери, но бесконечна ли мысль, может ли она проследить за бесконечностью всего сущего? Мысль человека имеет начало и конец, она рождается, разгорается подобно огню, а потом угасает, как сгоревшая ветка. Мысль замкнута, она не уходит за границу того, что человек видел раньше и видит теперь, проникнуть же в то, что произойдет завтра, будущим летом, или будущей зимой, или в те времена, когда будут жить правнуки правнуков Озермеса и Чебахан, мысли не дано...

Из ущелья подул ветер, понес над землею пепел, заколебал в костре языки пламени, похожие на фиолетовые цветы безвременника, свесил прохладой ли-

ца Озермеса и Чебахан, зашумел хвоей елей и сосен и унесся в горы. Снова стали плакать, жалуясь на голод, шакалы. В небе над самыми головами раздался низкий крик: — У-у-у! — Чебахан вздрогнула. — Сыч, — объяснил Озермес. — Знаю, — Чебахан повела плечами, как от озноба, — но он вдруг крикнул так близко. Говорят, он приносит людям несчастье. — Какое несчастье может свалиться на аул, которого уже нет? — сказал Озермес. Они умолкли. Тишину нарушило шуршание палых листьев под кустами. — А это ежи, — сказал Озермес, — проснулись после зимней спячки, скоро начнут спариваться. — Он бросил в костер охапку валежника. Огонь потух, поднялся терпкий дым, потом сухие сучья враз загорелись и затрещали. В просвете меж облаков вспыхнула, понеслась вниз и погасла звезда, которую за короткое существование называют Абреком. — Ночью все иначе, — прошептала Чебахан, — и мы тоже живем другой жизнью. Скажи мне, а души мертвых еще здесь? — Да... Когда я был маленьким, я думал о том, где по ночам странствует моя душа, но так до сих пор не узнал этого. — Если бы ты вчера не увел меня отсюда, меня тоже могло не быть в живых. — Тебя могли взять в плен и увести с собой. — И продали бы в рабство? — Не думаю. Может, кто-нибудь взял бы тебя в наложницы или даже в жены. — Я не дала бы им притронуться к себе, — задыхаясь от злобы, сказала Чебахан. — Я ударила бы кинжалом любого, кто посмел бы... Или перестала бы есть, и смерть забрала бы меня. Я и теперь сижу, разговариваю с тобой, а внутри у меня все мертвое. — Из ущелья снова прилетел ветер, и рокот речки стал громче. — Не соображу, куда исчезли убитые, — сказал Озермес, — солдаты спешили, на ночлег не остались, похоронить всех до захода солнца они бы не успели, разве что своих... — Не могли же мертвые воины сами вырыть себе могилы, — пробормотала она и посмотрела на светлеющее небо. — А где у вас кладбище? — спросил Озермес. — На том склоне, у реки. Могил там мало, три или четыре, наш аул ведь недавно переселился сюда. — Озермес кивнул, и они надолго умолкли.

Ночные тени стали расплываться. Над горами по-

розовело. Поблизости в лесу затенькала синица, зачирикали воробьи, затем затрещали дрозды: — Чик-чик-чик! — Вскоре им отозвались дятлы: — Кай-кай-кай! — За ними заворковали вяхири: — Хуууу-ху-ху-ху! — Щебет, посвистывание, чириканье становились все громче, дружнее, радостнее, и не верилось, что вчера здесь гремели выстрелы, лязгали шашки, яростно кричали люди, стонали, хрипели умирающие, звенели топоры и трещал огонь, уничтожавший все, с таким старанием и любовью построенное и выращенное человеком.

Над долиной с карканьем закружилась черная тучка ворон.

Озермес и Чебахан спустились к реке, умылись, доели оставшееся мясо и пошли от пепелища к пепелищу. В одном из пожарищ нашли обгоревшую корову или быка, в другом обугленные человеческие кости. — Кто жил здесь? — спросил Озермес. — Старая Гошнах, ее сына Аслана забрал к себе Шибле, а невестка Хацац ушла в другой аул навестить родственников, я ее после того не встречала. А там жила Сурет, тоже старая, у нее убили сына, позавчера убийца пришел из лесу, и Сурет усыновила его. Волосы у нее были белые, как снег, а нрав твердый, как железо. — Я слышал об этом, — сказал Озермес и стал следить за воронами, которые, покружившись в небе, опускались к тому месту, где был висячий мост, срубленный перед приходом русских. — Пойдем-ка туда. — Пробравшись сквозь заросли ежевики, они вышли к берегу реки и увидели внизу тела мертвых, сложенные, как дрова, у самой воды. Наверно, солдаты где-то похоронили своих, а погибших защитников аула стащили к реке, чтобы поднявшаяся от таяния снегов в горах вода унесла трупы в море. На мертвых сидели вороны. Чебахан застонала. Озермес подобрал прут орешника, прыгнул к реке и стал разгонять птиц. Злобно каркая, они нехотя разлетелись и сели на оголенные ветви буковых деревьев. Спустившись к Озермесу, Чебахан глухо, без слез, причитая и хлопая себя ладонями по бедрам, стала всматриваться в лица мертвых.

Из-за елей, растопыренными пальцами торчащих из гребней горы, высунулся язык яркого солнечного пламени. Озермес, прищурившись, посмотрел на солнце,

вскарабкался по обрыву и увидел кладбище. Меж несколькими серыми столбиками из камня и лесом чернел свежий могильный холм, обложенный еловыми лапами. В головах стоял большой крест, срубленный из бука, на желтой древесине влажно блестели капельки сока. Вот, где они похоронили своих убитых. Не спеша русское войско, солдат похоронили бы порознь, а не вместе, в общей могиле. Их, что и говорить, никто не оплакал, ведь родители и жены солдат, если у них были жены, живут невесть где, как рассказывал знакомый Озермеса, русский Якуб, поселившийся среди шапсугов, в степях, среди снегов, в далеко друг от друга отстоящих селениях. Вести о гибели солдат будут доходить до их близких в разное время: сперва женщины запричитают в одном селении, когда там умолкнут — в другом, и так плач будет долго витать над тамошними полями и лугами. Отец говорил Озермесу, что невинным людям, женщинам и детям часто приходится расплачиваться своими страданиями за грехи, содеянные другими.

Чебахан протяжно закричала, ударила себя в грудь и стала щипать лицо. Озермес подбежал к ней. Родители Чебахан лежали вместе, отец, как его бросили, на спине, рот полуоткрыт, виднелись ровные желтоватые зубы, а мать, скорчившись и подобрав руки к животу, валялась на боку, простоволосая. — О, отец мой, ты погиб, как истинный воин, — нараспев причитала Чебахан, — о, мать моя, как же ты меня оставила? Мир погрузился во мрак, небо обрушилось на меня! — Озермес поднял покойницу и понес ее к кладбищу. Чебахан со стоном пошла за ним. Опустив тело убитой на траву, он пошел за отцом. Вороны, хрипло переговариваясь, следили за ним с деревьев. — Я буду переносить убитых, — сказал Озермес, — а ты постереги, чтобы вороны не выклевали им глаза. — Не всматриваясь в лица, ибо никто из погибших не заслуживал предпочтения, все они — и знакомые, и незнакомые, были для него близки после смерти, Озермес бережно взваливал на плечо или на спину одного мертвеца за другим и переносил их, поднимаясь по тропинке, под буковые деревья. Среди убитых оказалось, кроме матери Чебахан, еще несколько женщин, одетых в черкески. Вороны, пошумев, улетели куда-то. Озер-

мес подумал, что надо бы засветло еще раз обойти пепелище и осмотреть заросли, может, найдутся убитые, не обнаруженные солдатами. И еще надо не позабыть перенести на кладбище кости старухи Гошнах. У одного из мужчин не было правой руки, отсеченной шашкой, рука, наверно, осталась там, где ее отрубили, а солдатам, приволокшим труп к реке, было безразлично, с рукою или без нее половодье унесет в море какого-то мертвого черкеса.

Солнце поднималось все выше, тень Озермеса подбиралась к его ногам. Он остановился передохнуть, расправил плечи и оглядел мертвых, лежавших под деревьями. Чебахан сидела на земле, между отцом и матерью и растирала скрюченные материнские пальцы, словно надеясь согреть их. Озермесу оставалось перенести еще трех убитых. Сколько времени уйдет на отрытие могил, пять дней, шесть? Но иного выхода нет, начатое следует доводить до конца. И если он, в котором течет кровь двух поколений джегуако, не совершит того, ради чего он и Чебахан пришли в мертвый аул, душа, позвавшая его сюда, уйдет и никогда к нему не вернется. Размышляя над тем, где раздобыть лопату, он перенес последних троих, уложил их на зеленую траву, мягкую, будто хорошо выделанный ковер, и окликнул Чебахан. Она медленно, как передвигаются спящие, которых ночью позвала луна, подошла к нему. — Я еще раз пройду по аулу, поищу лопату и еду, — сказал он, — а ты принеси свои вещи, бурку и разожги огонь, угли в нашем ночном костре, наверно, еще живы, собери их в какой-нибудь черепок. — Озермес пошел к тому пепелищу, в котором они видели обгоревшую корову, повернул тушу и вырезал из ляжки несколько больших кусков мяса. Шакалы останки коровы не тронули, их, наверно, отпугивал запах гари. Рядом, в срубленном яблоневои саду, нашлись заступ, лопата и подальше, у сгоревшего плетня, позабытый солдатами широкий русский топор. Озермес, довольный, зашагал к кладбищу, над которым поднимался к небу сизый дымок.

Они молча поели.

Озермес подумал, что до захода солнца успеет

выкопать не более двух-трех могил. Судя по холму над общей могилой солдат, земля здесь мягкая, наверно ее когда-то нанесли дождевые потоки. Чебахан взяла кумган и спустилась к речке набрать воду. Когда она вернулась, Озермес спросил, как зовут джигита без руки. Она всмотрелась в лицо мертвеца и ответила, что не знает его, видимо, он из тех убыхов, которые пришли с побережья к ним на помощь. — Придется поискать его руку, — сказал Озермес, — хорошо, что они не отрезали ему и голову. — Они тоже отрезают убитым врагам головы? — хмурясь, спросила Чебахан. — Иногда отрезают, отец рассказывал, что в то время, когда я еще не родился, он видел их сердара по имени Засс, который любил украшать свое жилище головами адыгов, их надевали на кольца забора вокруг его дома. А некоторые солдаты торговали головами убитых джигитов, отрезали их и потом продавали родственникам, чтобы убитых можно было похоронить. Еще я слышал от одного русского, он был моим другом, про аварца Хаджи-Мурата, наиба имама Шамиля, Шамиля взяли в плен, и он живет теперь у русских. Так вот, солдаты, убив Хаджи-Мурата, отрезали ему голову и послали ее в подарок своему царю, а тот опустил голову в прозрачный стеклянный кувшин с бузой или махсымой, чтобы она не сгнила, поставил кувшин на полке в своем жилище и каждый день любовался на нее.¹ — Наверно, русский царь удды, — пробормотала Чебахан. Озермес с сомнением пожал плечами. Удды — высохшая, беззубая, сгорбленная старуха, наделенная невероятной силой, она может нагнать дождь и буран, заколдовать человека или животное, плюнув, обратить человека в осла или лошадь, а сама, превратившись в кошку, проникнуть в саклю через дымарь или щель в стене, сладкоречиво заговорить человека и высосать из него кровь. А в одну из весенних ночей удды собираются на вершине высокой горы, рассказывают своей главной ста-

---

¹ Заспиртованная голова Хаджи-Мурата хранилась в Зимнем дворце и при Николае I, и при всех других царях, вплоть до 1917 года. Потом ее передали в Военно-Медицинскую академию, а уже в наши дни отправили в Дагестан и захоронили в могиле Хаджи-Мурата.

рухе о том, что они сделали злого людям, едят, пьют, пляшут, в одних мешках у них земные блага, в других — все вредное для людей. Те удды, у которых мешок с благами, стараются избавиться от него, прячут куда-нибудь и крадут у других мешок со злом. — Я ни разу не видел удды, — сказал Озермес, — но иногда ночью собака отца отчаянно лаяла, и когда я выходил из сакли, она, взъерошенная, кидалась на дерево, на котором сидела и плевалась кошка. Собака всегда чует, когда удды обращаются в кошку. А русский царь не удды, он то же, что султан у турок. Боги у царя и султана разные, однако поступки их одинаковые. Сами кровь людей не пьют, они делают это через своих приближенных, которых одаривают в зависимости от того, сколько они причинили людям зла. Чем больше людей они измучают или убьют, тем больше богатства получают. Наверно, Засс очень богат, и тот, которого я просил не проливать попусту кровь, тоже, наверно, получит за сожженный аул много золота. Ты вчера видела его, он ехал по аулу на кауrom коне. — И уже не оставалось в живых ни одного джигита, чтобы выстрелить в него, — пробормотала Чебахан. — Озермес посмотрел на солнце, медленно сходящее к морю, встал и взялся за лопату. — Муж мой, — окликнула его Чебахан, — у меня нет саванов для матери и отца. — Он перевернул лопатой кусок дерна и посмотрел на коричневого жучка-мертвоеда, который, спасая свою жизнь, поспешно зарывался в корни травы. — Ничего не поделаешь, белорукая, будем хоронить их в одежде. И всех остальных тоже. — А их души не обидятся на нас? — Как я слышал, в прошедшие времена — если бы я тогда родился и умер, мои правнуки успели бы позабыть обо мне, адыги хоронили умерших в их лучшей одежде. Потом магометане принесли свой обычай хоронить мертвых в саване. — Чебахан уставилась на него. — Что, белорукая? — Ты молодой, а знаешь много, как старик. Я думала, ты умеешь только сочинять и петь песни. — Это не моя заслуга, я лишь кувшин, в который налили воду. Я слушал рассказы деда и отца, а в мектебе¹ меня на-

---

¹ Мектеб — школа при мечети.

чили читать Коран по-арабски. — А турецкий и русский ты знаешь тоже? — Только говорю, а читать и писать не умею. — Ты много странствовал и, наверно, многое повидал. — Отец говорил, что непобывавший среди людей подобен тому, кто не родился. — Значит я еще не родилась, — с досадой сказала Чебахан и нагнулась к кумгану. Она принесла с реки воду, раздела мать и стала обмывать ее. Озермес, отвернувшись, продолжал рыть могилы. Покойника обмывают соседи, но единственные, кто остался у погибших — он и Чебахан. Отца ее он обмоет, а остальных придется хоронить, как предают земле сраженных молнией Шибле, не раздевая. Тем более, что выстрел из ружья тот же удар молнии и грома. Озермес, стоя по грудь в могиле, посмотрел на закрытое облаком солнце, на лежавших под деревьями мертвых, на тихо причитавшую у тела матери Чебахан, потом на большой крест над общей могилой убитых на чужой земле солдат, которых тоже похоронили необмытыми, и подумал: может, спеть и над их могилой, отдать дань памяти погибшим врагам? Нет, сражение, в котором они участвовали, не достойно доброго слова, тем более, что, как справедливо сказала Чебахан, солдат было во много раз больше, чем защитников аула. Это ли мужество, когда пятеро или десятеро нападают на одного? Что за чушь лезет в голову, какое дело ему, адыгу, сыну погибающего народа, до других, к какому роду-племени они ни принадлежали бы, русскому, турецкому или любому другому? Пусть каждый оплакивает своих покойников...

Он выбросил наверх лопату, вылез и принялся рыть вторую могилу, рядом. Когда и она была готова, обмыл тело отца Чебахан. Приготовив его к похоронам, встал возле могилы, помолчал, ободрал ногтями кожу на лбу и затылке: — О, мужественный воин, о горе, ты рано нас оставил и плакать дочь свою заставил!.. — Чебахан издала протяжный вопль. — О, мать из матерей, — пропел Озермес, — покинула ты внуков будущих, их радостью не насладившись, ни с кем из близких не простившись!.. — Чебахан снова завопила. — Ты должна помочь мне, — сказал Озермес, — я возьму отца за плечи, а ты приподними его за ноги. — Подожди, — сказала Чебахан, пригнулась к от-

цу, сняла с него ремень с кинжалом и протянула их Озермесу. — Возьми... Этот кинжал, так рассказывал отец, переходил в его семье из рода в род. Я думаю, он не хотел бы, чтобы его кинжал ржавел в земле. — Озермес взял кинжал, вытащил клинок из ножен, посмотрел на тонкие затейливые узоры на стали, снова вложил кинжал в ножны и стал затягивать ремень. Ему вспомнилось, как сестра отца рассказывала, что однажды, когда в их хачеше собрались гости, мать тогда кормила его грудью, и его принесли показать мужчинам, один из гостей протянул ему кинжал, и он схватился за рукоять обеими руками, и все мужчины вскричали, что мальчик не пойдет по стопам отца, а станет охотником или воином. Они ошиблись тогда, он стал джегуако, однако, кажется, предсказанию их суждено, хоть и с опозданием, сбыться. Застегнув пряжку, Озермес наклонился к мертвому телу. Едва они опустили отца в могилу, как солнце вышло из-за облака, косою желтый луч упал на лицо старика и на миг оживил глаза его, неплотно прикрытые веками. — Наш прародитель — Солнце благословило твоего отца, — сказал Озермес и взялся за лопату. Когда они похоронили мать, солнце ушло в синюю полоску тумана, протянувшуюся там, где море соединялось с алеющим небом. — Красный закат — семь погожих дней, — пробормотал Озермес, — за эти дни я, пожалуй, успею похоронить всех. — Если ты разрешишь, я тоже буду рыть могилы, — попросила Чебахан, — ведь я дочь женщины-воина и, как жена, должна во всем помогать тебе. — Твои мать и отец, будь они живы, похвалили бы тебя, — сказал Озермес и посмотрел на ее руки, еще не державшие ни лопаты, ни топора.

* * *

Озермес вновь вцепился в корневище ольхи. Чудилось ему или в самом деле прикосновение к древесному корню дарило ему силы? Он напряг мышцы, рукоять кинжала сильнее уперлась в живот. Кажется, удалось немного продвинуться вперед. Ослабев, Озермес разжал пальцы и пошевелил ими. Сколько времени он уже лежит под снегом, что там, наверху, день или

ночь. Наверно, день, потому что он смутно, как в густом тумане видит свои руки и отличает по цвету снег от корневища. Ночью все было бы черным-черно. Отдыхая, он подумал о том, как и почему создан такой порядок. Дни и ночи, сменяясь, вращаются, подобно кружению мельничных жерновов. Так было, когда голова Озермеса находилась там, где теперь его колени, и много раньше, когда Бешту был всего лишь с холмик, нарытый кротом, и совсем-совсем давно, когда земля была, как студень. Так с незапамятных времен и идет: ночь следует за днем, день за ночью, созвездие Вагобо¹ дает головному дню первого месяца Нового года знак к движению, и вот уже сорок жарких дней и ночей, как вперемежку бредущие белые и черные бараны, проходят отведенное им расстояние, и, после передыха, идут один за другим сорок холодных дней и ночей, а потом созвездие Вагобо снова подает знак головному дню, что пришло его время пускаться в путь и вести за собой длинную бело-черную отару дней и ночей года... Как определить, сколько времени он находится в этой снежной могиле? Если по-прежнему в том дне, когда его накрыло лавиной, то в мире ничего не изменилось, а если над ним прошагали день и ночь, либо несколько дней и ночей, то он остался в том времени, которое для всего живого стало прошлым. Чтобы не отставать от полнелунного мира и от Чебахан, ему надо двигаться, а не лежать неподвижно, как мертвому. Он развязал тесемки от бурки, стянутые у горла, уперся локтями в наледь под собой, вдавился затылком и спиной в снег, потом схватился за корневище, рванулся к ольхе и почувствовал, как тело и ноги его выползают из примерзшей к снегу бурки, словно бабочка из шелковичного кокона. Хвала Зекуатхе, снег и камни не обрушились на него. Теперь лоб Озермеса упирался в ствол ольхи. Он опустил подбородок на мшистый корень, отдышался, слегка повернулся на бок, просунул руку к животу, нащупал рукоять кинжала, вытащил его из ножен и положил на корневище. Подстегнутый удачей, Озермес заторопился, подтянул колени к жи-

---

¹ Вагобо — Плеяды.

воту и принялся раздеваться. Смерзшиеся чувяки снялись без долгой возни, но ремешки ноговиц развязываться не хотели, пришлось перерезать их кончиком кинжала. Стащив ноговицы, он засунул их под бешмет, чтобы они оттаяли, и принялся растирать снегом холодные, как лед, бесчувственные ноги. Они никак не отмерзали, но он упрямо хватал пригоршни снега и тер пальцы, подошвы и пятки то на левой, то на правой ноге, у него уже горели ладони, а ноги все не оживали. День прошел или вечность, но наконец в ногах закололо, а это означало, что ток крови возобновился. Если бы бурка при его падении не обернулась вокруг ног, они, скорее всего, отмерли бы. Теперь ноги пылали, как в огне, и стали влажными от проступившей наружу сукровицы. Озермес много раз, до одышки, вытянул и поджал ноги, потом надел ноговицы и чувяки, и тут у него отчего-то закружилась голова. Сопrotивляясь дремоте, опустившейся, подобно теплomu пуховому одеялу, он подергал бурку, сперва слегка, осторожно, потом, обозлясь и на себя, и на смерзшийся снег, и на неподатливую бурку, рванул ее, и полы бурки оторвались от снега. Он разровнял бурку под собой, потом поджал ноги и натянул верхний край бурки на голову. Вскоре он погрузился в сон, как в согретую солнцем воду. Душа больше не оставляла Озермеса. Он спал, обняв себя, засунув руки под мышки, но время от времени двигал пальцами ног и пошевеливался, словно медведь в берлоге, не набравший на зиму достаточного запаса жира.

* * *

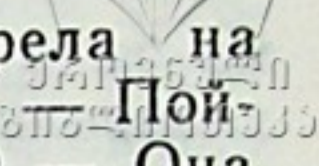
Озермес и Чебахан шли, поднимаясь по крутым склонам, спускаясь с обрывов и перебираясь через речки и ручьи. Птицы пролетали над самыми их головами, тонкие гибкие ласки проворно взбирались на деревья, мелькнув коротким хвостом, ныряли в дупло и тут же высывали наружу красно-бурую тупоносую мордочку с широкими ушами и блестящими смелыми глазами, быть может знали, что их нельзя убивать — на голову человека, застрелившего ласку, обязательно сваливается какая-либо беда. Спящие днем зайцы в перепуге выскакивали из-под самых ног у них, но че-

рез пять-шесть прыжков останавливались, поворачивались, садились на задние лапки и, пошевеливая длинными ушами, открыв от удивления рот, с любопытством рассматривали пришельцев. Чебахан шла молча, то впереди, оглядываясь иногда на Озермеса, то неслышно шагала за ним. Ее мучила жажда и, когда они подходили к ручью, Чебахан тотчас сбрасывала с плеча свою ношу, опускалась на колени и принимала ртом к воде. А Озермес часто мыл руки. Ему казалось, что от них пахнет разложившейся человеческой плотью. Он все возвращался мысленно к сожженному аулу, похоронам убитых и вспоминал погибших такими, какими были они при жизни. Однажды спросил у Чебахан, почему она молчит. Она подумала и сказала: — Ты ведь тоже не разговариваешь со мной. — Разве? — удивился Озермес. — Я этого не заметил. — Он посмотрел в ее покрасневшие, воспаленные, как у человека в горячке, глаза и сказал: — Нам нельзя постоянно думать об ушедших, иначе мы станем похожими на людей, которые идут, повернув головы назад. Нас всего двое, белорукая, но мы должны жить так, будто нас много. Твой отец и мать сказали бы то же самое. — Я знаю. — Запекшиеся губы Чебахан раздвинулись в слабой улыбке.

Ночевали они под нависшими над землей широкими густыми ветвями елей. Озермес укладывал у корней ружье, лук и колчан со стрелами, вытаскивал завернутые в бурку и в одеяло вещи. Спали они на одеяле, укрывшись буркой, ложились, как полагается мужу и жене, головой к ногам другого и засыпали мгновенно, не слыша ночной жизни леса. Им встречались укромные долины, сухие солнечные опушки, но на взгляд Озермеса места эти не подходили для жилья. Одна из долин продувалась ветрами — деревья были погнуты в одну сторону, другая находилась далеко от воды, на третью весной скатывались снежные лавины, еще где-то земля была изрыта кабанами и, значит, неподалеку располагались их лёжки, а где кабаньи лёжки — там заболоченная земля. Кроме того, не след было вторгаться в самые владения Мазитхи. Видевшие Мазитху верхом на кабане рассказывали, что он очень силен, вспыльчив и, разгневавшись, не знает удержу. Разуме-

ется, Мазитха, подобно другим божествам, ^{был} гостеприимен, однако совсем не одно и то же ^{прийти} незваным гостем на радость хозяину или ^{без спро-}са поселиться на его земле. Они шли дальше и дальше, пока не перешли через луг, усыпанный фиолетовыми листочками цветущего шафрана. Диковинное растение, не успев зацвести, оно сбрасывает с себя все листья и оставляет на макушке стебля лишь цветок, который, осыпавшись, превращается в круглую коробочку с семенами. Озермес остановился, посмотрел по сторонам и положил свой сверток на влажную после недавнего снега траву. Чебахан тоже скинула с плеча узел и, тяжело опустившись, села на умерший от старости и упавший головой к восходящей стороне явор. Дерево переломилось на высоте человеческого роста, там, где было дупло. Оставшийся стоять длинный пенёк, весь в наростах лишайника и мха, походил на согбенного, обросшего волосами старика. Озермес заметил в высоком скалистом обрыве пещеру, темнеющую у самой земли, и пошел к ней. Заглянув внутрь, крикнул Чебахан: — Здесь совсем сухо! — Она не отозвалась. Озермес обследовал неглубокий овраг, на дне которого звенела на камнях речка. Правее этой стороны оврага, на расстоянии примерно тридцати прыжков, поднимался к склону смешанный лес. Поближе, напротив пещеры, на поляне высились несколько яворов, пихт и дубов, а по правую руку от роши обрывалось к заходящей стороне ущелье. Озермес подошел к обрыву, посмотрел вниз и вдаль и позвал Чебахан. — Иди, посмотри. — Она, еле передвигая ноги, подошла к нему. Ущелье было таким глубоким, что между ними и дном пропасти белели, подобно разбежавшимся овцам, маленькие пушистые облачка. За ущельем вольно разветвлялся мощный горный хребет со многими туловищами, покрытыми щетиной оголенных лесов. За хребтом вереницей протянулись синие горы, и совсем вдали сливались с небом палевые округлые пригорки. Яркие краски весны еще не расцветили лесов и от бесконечного, как земная жизнь, простора исходило такое грустное умиротворение, что Чебахан тихо и облегченно заплакала. Озермес, ни разу не видевший, как она плачет, притворился, что не замеча-

ет ее слез. Выплакавшись, Чебахан посмотрела на него чистыми, умытыми глазами и спросила: — Пойдем дальше? — А здесь тебе не нравится? — Она кивнула. — Да. — Посмотри, белорукая. Саклю построим спиной к скале, у пещеры, до ручья в овраге рукой подать и, я думаю, зимой вода в речке не превращается в лед, она бежит слишком быстро, чтобы мороз мог схватить ее. Спать пока будем в пещере, а потом станем хранить в ней еду... После первой охоты я сделаю Мазитхе подношение... — Они уселись рядом на трухлявый ствол явора и стали разглядывать свои будущие владения. Тонкие шелковистые брови Чебахан сошлись в длинный витой шнурок, на чуть выпуклом лбу возникла уже знакомая Озермесу легкая, как тень, морщинка. Он опустил глаза и потрогал пальцем острые темно-зеленые листочки, хоро-водом обвивавшие стебель. Явор, падая, придавил плаун, но он пробуравил землю и пробился к свету рядом с умершим деревом.

Из заросли низкорослых пихт выбежал черный, как уголь, дрозд и принялся что-то клевать в ржавой листве, упавшей осенью с дубов. Потом поднял ярко-желтый клюв и пронзительно закричал: — Чик-чик-чик! Чви-чви? — Алейкум-салам, — отозвался Озермес. Дрозд от неожиданности высоко подпрыгнул, разбежался и взлетел, крича испуганным низким голосом: — Чо-о! Чо-о — чок-чок! — Чебахан рассмеялась. — Испугнула гостя, — сказал Озермес. — А хочешь мы поставим ближе к лугу. Если кто-либо когда-нибудь придет сюда, он сможет подняться только с той стороны. — Чебахан, помрачнев, сложила руки ладонями вместе и зажала их коленями.

Озермес разжег костры с трех сторон, чтобы шакалы не подобрались к мертвым и вставал подбросить в огонь хворост. Шакалы все-таки обошли костры и, рыча, подрались из-за добычи. Озермес вскочил, швырнул в них лопату и они с визгом разбежались. Заполночь он задремал сидя, но вскоре проснулся от громкого зловещего хохота. Хотя Озермес знал, что так хохочет неясуть, однако чувство тревоги не дало ему заснуть. Такими же бессонными и тревожными-

ми были и другие ночи. А днями они, торопясь, рыли и засыпали могилы, потому что от мертвых уже пошел запах тления, и, казалось, конца этому не будет. Чебахан время от времени вскрикивала: — О, Зайдет!.. О, Салих!.. О, Аджук! — и причитала охрипшим голосом. Похоронив последнего убитого, безрукого убыха, руку его так и не удалось найти, наверно, ее утащил шакал или беркут, Озермес сел, скрестив ноги, и окинул взглядом могилы, испытывая то чувство удовлетворения, которое, завершив пахоту или сев, испытывает прилежный земледелец. Все, что нужно было сделать, он и Чебахан сделали. Она тоже оглядела кладбище, вздохнула и спустилась к речке. Вернувшись, под села к Озермесу, зажала руки коленями и заговорила. Она сказала, что хозяйке необходимы кумганы, кувшины, миски, котлы для приготовления пищи и одежда, и еще много всякого другого, без чего в доме не обойтись, и, наверно, мертвые не рассердятся, если она соберет все, что не пожрал огонь и не унесли солдаты, а если потом, ей на радость, вдруг объявится оставшаяся в живых владелица вещей, она вернет хозяйке то, что принадлежало ей и за пользование добавит что-нибудь свое. Слушая ее рассудительные слова, Озермес подумал, что родители Чебахан перестали удерживать возле себя ее душу и дали ей волю к жизни. — Ты права, — сказал он. — Мне тоже придется найти себе оружие для охоты. Из шичепшина зверя не застрелишь. — Чебахан бросила на него быстрый взгляд и отвернулась.

После смерти матери, душа рано оставила ее, о нем и об отце заботилась вдовая сестра отца. Потом Озермес учился в мектебе. Чем дольше он учился, тем сильнее отвращался от учебы и, в конце концов, никому ничего не сказав, ушел из мектеба, добрался до дому и, удачно застав отца на месте, заявил, что ему надоело учить наизусть Коран и без конца повторять «Аллах акбар».¹ Проницательный отец, проверяя одновременно его познания, спросил по-турецки, не собирается ли он пойти по следам деда и отца. — Собираюсь, — ответил Озермес, — нет на земле лучшей участи, чем быть

---

¹ Аллах акбар — Аллах велик.

джегуако. — Коричнево-зеленоватые глаза отца загорелись, но он погасил их блеск и пригладил бороду. — Я ждал и надеялся... Джегуако не становится по принуждению или совету, и я рад, что ты сам решил взвалить на себя такую тяжкую, но благостную ношу. Петь людям о правде — все равно, что держать на ладонях горящие угли. Настоящим, бесстрашным джегуако был мой отец и твой дед. Жалею, что ты не застал его. Я расскажу тебе, каким он был, лицом ты похож на него, и руки у тебя такие же, как у деда. Ты знаешь, он пропал в море, наверно, его забрал к себе бог моря Кодес... Если ты станешь таким, как твой дед, многие будут почитать тебя, а некоторые бояться и ненавидеть. Некоторые — это пши, в чьих руках жизнь и благоденствие многих людей, и особенно муллы. Твоего деда не раз намеревались убить, но побоялись огласки. — Разве пши и муллы боятся кого-нибудь? — Да, народа. Если люди все вместе дунут — поднимется буря... Пши держат подле себя и своих певцов, чтобы они прославляли их, одаривают за это пиастрами, землей, наложницами, ты, наверно, слышал о таких певцах, но ни одному из них не удалось стать уважаемым в народе джегуако. Моему отцу и твоему деду рассказывали, когда он ходил в русские поселения, что их царь тоже осыпал милостями певцов, ползающих перед ним на коленях, и отсылал сюда, воевать с нами, тех, кто пел правду. У них, в отличие от нас, джегуако носят оружие, и каждый человек может оскорбить или убить народного певца. Не знаю, почему так и почему народ терпит это... На нас тоже лежит невольный грех. Ты еще не появился на свет, когда воины ранили в бою на берегу моря одного из русских джегуако, он воевал с оружием в руках, и шапсуги не знали, что он прославленный певец. В плену он умер. Но когда стало известно, кем он был, все очень сокрушались и ходили к его могиле, чтобы оплакать. Я видел его могилу, не знаю, сохранилась ли она, прошло столько зим¹... — Отец умолк, и душа его куда-то улетела. Когда она вернулась, Озермес сказал: — Ты го-

---

¹ Предание, распространенное в XIX веке среди адыгов о гибели А. Бестужева-Марлинского.

ворил, что муллы особенно не любят джегуако. — Да, муллы наши заклятые враги, они ненавидят джегуако за то, что мы не даем им завладеть душами людей... Хорошо, сын мой, раз ты решил, я научу тебя всему, что умею. А знание турецкого и арабского тебе не помешает, ведь сказано, что ум не имеет цены, а знание предела...

И отец стал брать Озермеса с собой. Ни в одном ауле они не задерживались дольше, чем на три дня. Их кормили, давали припасы в дорогу, но это не было платой за песни. Так же кормят и снабжают дорожной едой каждого гостя. Они перебирались из аула в аул на лошадях или пешком, и неведомо как в аулах заранее узнавали о том, что к ним идут джегуако, и собирались на окраине аула, где-нибудь в роще, чтобы послушать их песни и хабары...¹

* * *

Озермес посмотрел на одеяло, в котором был завернут его шичепшин, и сказал:—Давай раскладываться.—Чебахан наломала веток явора и подмела песок в пещере. Озермес стал заносить туда вещи, а Чебахан занялась женским делом — приволокла несколько валунов, сложила у входа в пещеру очаг и принесла в кумгане воду. — В речке играет форель, — сказала она, разжигая огонь, — если бы ты наловил рыбу... — Озермес задумался. Отец его рыбу не ел, может быть, потому, что деда взял к себе бог Кодес, показавшийся людям в облике большой рыбины. Да и кто знает, как богиня вод, красавица Псыхогуаше, отнесется к тому, что Озермес, не успев обосноваться и построить саклю, уже запускает руку в ее стадо. — Лучше я поохочусь, — сказал он, — не стоит сердить Псыхогуаше. — В лучистых глазах Чебахан промелькнула шаловливая улыбка. — Я слышала, она благоволит к мужчинам и никогда не причиняет им вреда. — На освещенном ярким солнцем лице ее, наверно, она умылась водой из речки, не осталось и следа усталости, и движения снова стали легкими и проворными, как у девочки. Озермес с серьезным лицом проворчал: — Все-таки

---

¹ Хабар — рассказ, новость.

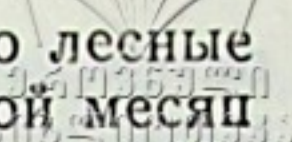
я схожу на охоту, я не люблю рыбу. — Он достал лук и три стрелы. Но потратил только одну, на зайца, сонно вылезшего из зарослей у опушки леса. Озермес помянул добрым словом охотника Хасана, жившего неподалеку от них. Когда Озермес был мальчиком, Хасан сделал для него лук и обучил стрелять в цель. Впрочем, зайца можно было бы поймать и руками, таким он оказался вялым и неповоротливым. Озермес отрезал ему голову и оставил лакомый кусок Мазитхе — положил заячью голову на сухую хвою под пихтой. Пока Чебахан свежевала заячью тушку, а в казане над огнем закипала вода, Озермес принялся сносить к входу в пещеру камни, он хотел сложить стену с узким входом, который, уходя, можно будет закладывать обломками скалы.

Они сытно поели, хотя зайчатина оказалась не очень жирной. Чебахан спустилась к речке отмыть и оттереть песком закоптившийся на костре казан, а Озермес, взяв на всякий случай лук и стрелы, пошел к лесу, хотел присмотреть деревья, которые можно было бы срубить для сакли. На опушке он вспугнул стайку темно-сизых голубей. Они взлетели, хлопая крыльями, как хлопают в ладошки дети, когда пляшут. Сквозь редкий лес просвечивало ущелье, и за ним, сливающаяся вдали с небом, вереница подернутых голубой дымкой гор. Солнце, повисшее над ними, бросало вниз пучки рассеянных золотистых лучей. Было тихо, птицы примолкли, лишь где-то поблизости стучал клювом дятел. Левее ущелья подымалась отвесная, похожая на шлем, остроконечная вершина горы. Там, где у человека под шлемом лицо, в скале было сквозное отверстие, в котором светилось небо. Кто из богов и для чего это сделал? Озермес остановился и принялся рассматривать диковинную гору. Вдруг наверху за спиной его послышалось злобное, похожее на змеиное, шипение. Он прыгнул вперед и повернулся. На толстой нижней ветви бука стояла, вцепившись когтями в кору, лесная кошка, большая, серая, с поперечными черными полосами и длинным прямым хвостом. Хвост ходил из стороны в сторону, как прут в руке погонщика быков, вертикальные щели зрачков то расширялись, то суживались. Приготовившись прыгнуть, кошка по-

далась назад, Озермес вскинул лук, почти не целясь, спустил тетиву, и стрела вонзилась в желтое пятно на горле кошки, та перевернулась вниз головой, удерживаясь когтями передних лап за ветку, и через два вдоха с хрипом свалилась на землю. Кошка вскакивала, чтобы броситься на Озермеса, но стрела, пронзившая ей шею, мешала, и она валилась на спину, пытаясь переломить стрелу задними лапами. Озермес с кинжалом в руке следил за тем, как кошка, умирая, катается по земле. Он впервые столкнулся с лесной кошкой, но в детстве наслушался рассказов о ее свирепости и бесстрашии, а однажды сосед, охотник Хасан, показал ему серо-желтую шкуру с густым мягким мехом, с черноватыми полосками и черными кольцами на хвосте. — Дикие кошки злее, чем удды, — сказал Хасан, — но мясо у них жирное. — Хасан был единственным мужчиной из знакомых Озермеса, который не носил усов, когда его спрашивали, почему он отказался от них, Хасан отвечал, что усы мешают ему чують запах зверя и поэтому он стал сбривать их. В ауле его называли Безусым. Когда кошка умерла, Озермес с трудом выдернул стрелу, поднял кошку за хвост и понес к Чебахан. Несмотря на то, что он вытянул руку почти на высоту плеча, голова кошки волочилась по земле. Виновным в смерти зверя Озермес себя не считал, кошка хотела напасть на него и он защищался. Даже если она посчитала, что человек вторгся в ее владения, достаточно было ограничиться угрожающим шипением. Помнит ли душа, переселившаяся от одного существа к другому, в чьем теле она обитала раньше? Знала ли, ощущала ли кошка, которую он убил, что душа ее раньше принадлежала человеку или, допустим, ясеню, и передает ли душа, входя в голову нового владельца, характер его предшественника? Собака чувствует, что душа у нее от человека, и только другое устройство горла мешает ей говорить. В убитой же кошке жила, наверно, душа не человека, а удды. Хорошо, что Чебахан будет избавлена от такой соседки.

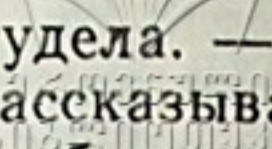
Когда Озермес снимал с кошки шкуру, Чебахан спросила: — Её муж не придет к нам отомстить за убитую жену? — Звери никогда не берут кровь за кровь, —

ответил он. — Наш сосед Хасан говорил, что лесные кошки находят себе мужа на первый или второй месяц нового года, так что кошка эта была замужней. Не знаю, может, ее кот и бродит где-нибудь поблизости, но на нас он не нападет. Другие звери тоже еще не знают, что мы завладели этими местами.—А как они узнают, что поляна наша?—Я помечу мочой землю, и они будут обходить поляну стороной. Ты останешься здесь, белорукая, или пойдешь в аул со мной? — Вдвоем мы принесем больше. Когда наш аул переселялся, у отца не хватало быков, и он запряг в арбу и быка и корову. — Чебахан опустила голову. — Моя бабушка однажды сказала соседу: если бы мужчины были выносливее женщин, Тха повелел бы, чтобы детей рожали мужчины. — Озермес усмехнулся. — Хорошо, корова моя, пойдём в аул вместе. — Утром он заложил камнями вход в пещеру, а Чебахан привязала кошачью шкуру на дереве изнанкой наружу, чтобы птицы дочистили ее, а солнце и ветер высушили.

Теперь дорога уже не казалась им столь долгой. Чтобы не заблудиться на обратном пути, Озермес надламывал на деревьях ветви, у речек складывал горки камней и сказал, что возвращаясь, им следует поискать глазами утес на богатырь-горе, похожий на шлем.

Вещей предстояло перенести на себе изрядно. Собирая уцелевшее от пожаров, они набрали выше аула на сарай в яблоневом саду. Вблизи сарая стояли двумя рядами сапетки, над которыми жужжали пчелы. — Мы перенесем их к нам, — сказал Озермес. В самом сарае оказались две пустые кадушки и приложенные к стене лопаты и заступы, а на другой стене висели лук, колчан со стрелами и силки для поимки зверей. — Это сарай Едыге, — сказала Чебахан. — Помнишь старика с белой бородой и разбитым затылком? — Он был охотником? — Нет, луки и стрелы он делал для других. Я слышала, как Едыге говорил отцу, что на изготовление хорошего лука уходят лето, зима, а иногда и больше. Джигиты, если им везло подстрелить беркута, вырывали из его хвоста перья и отдавали их дедушке Едыге. — Озермес вытащил из колчана стрелу с белым опереньем, рассмотрел ее,

потом дернул пальцем тетиву лука, она загудела. — А еще, — вспомнила Чебахан, — Едыге рассказывал, что на одну тетиву уходят все сухожилия быка или лошади. — Я не знал этого, — сказал Озермес. Он заметил у стенки странный лук, с прямым стволом и ложем, как у ружья. — А что это вот, ты знаешь? — Чебахан кивнула. — Самострел. Дедушка Едыге привез его из-за моря, все тогда рассматривали самострел, и я слышала, как о нем говорили, Едыге называл его лук-ружье и давал иногда охотникам, когда они шли добывать многогогих. Стрела самострела, говорил отец, может пробить насквозь даже кольчугу...

Они снесли в сарай Едыге все, что удалось собрать в пожарищах: кумганы, казаны, глиняные кувшины и миски. Турлучные стены и кровли сакль, обрушиваясь от огня, кое-где накрыли собой бешметы, рубашки, ноговицы и чувяки, даже большой ковер с обгоревшими краями и прожженной в середине дырой, шириной в три ладони, и несколько маленьких обгоревших ковриков. Чебахан наткнулась в пепле на железную коробочку с иглами, а Озермесу повезло и того больше: в брошенной солдатами повозке со сломанной осью лежали турецкое ружье, пороховница из рога и кожаный мешочек с пулями. Надо быть, кто-то из солдат подобрал их, а потом, торопясь, забыл в повозке. У русских солдат таких ружей и пороховниц не было...

Добравшись через четыре дня и четыре ночи до сожженного аула, они издали посмотрели на кладбище, но не стали нарушать покой умерших и направились к сараю Едыге. Передохнув и поев кошачьего мяса, нагрузились и в сумерках двинулись обратно.

Так, выстроившись в затылок, пошли чередой дни и ночи, а с ними, то вместе, то отставая от течения времени, шли Озермес и Чебахан, они или шагали налегке, или брели, неся на себе вещи, останавливаясь, отдыхая, поглядывая на ставшие уже знакомыми горы и ущелья. И так до того дня, когда все, что можно было взять и унести из мертвого аула, было перенесено и сложено в пещере и возле нее, у скалистой стены.

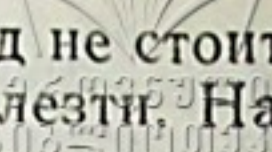
* * *

На Озермеса что-то навалилось. От давящей тяжести он стал задыхаться, испытывая тупую боль в гру-

ди и одновременно ощущая тепло, которое струилось откуда-то сверху и, подобно одеялу из шерсти ягненка, обволакивало его все плотнее и плотнее...

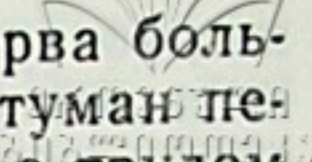
Очнувшись, Озермес открыл глаза и зашарил руками по груди. Пальцы нащупали обломок скалы, видимо, упавший сверху, когда он во сне повернулся на спину. Свалив камень с груди, Озермес отдышался, хватаясь пальцами за дерево, кое-как поднялся и принялся вырезать кинжалом комья снега у ствола ольхи, бросать их под ноги, притаптывать и медленно-медленно подниматься. Закоченевшие ноги, плечи и спина от движений разогревались, и Озермес подумал, что он, наверно, замерзал, и если бы не камень, навалившийся ему на грудь, он уже не проснулся бы. Что было с ним? Неужели тепло послал ему Тха? Однако для чего Тха нужно было сперва заваливать Озермеса лавиной, но не убивать, а потом извлекать душу из еще не замерзшего тела? И вообще с какой целью Тха вознамерился отнять мужа у ни в чем не согревшейся и не имеющей детей женщины? И зачем надо было сулить Озермесу блаженное тепло, ведь кто-кто, а Тха понимает: как бы хорошо ни было душе от тепла, тело, лежащее под снегом, от этого не согреется? То, что Тха, или кто-то другой из божеств, вытворял с ним, было несправедливо, было недостойно богов. Сколь много непонятого не только на земле, среди людей, но и на небесах, где обитают владыки вселенной: адыгский Тха, исламский Аллах и христианский Бог. Возможно, где-то летают и другие небесные владыки, имен которых Озермес не знает. Как живут они там, мирно, вместе, поделив между собой свои владения и людские племена на земле или же враждуют и сражаются подобно людям? В мектебе говорили, что Аллах невидим, то же старики утверждали о Тха, а русский Якуб, который жил в сожженном ауле, — тела его он с Чебахан среди убитых не нашли, рассказывал, будто их Бог белобородый старец и он иногда является людям. Наверно, дразнил его теплом не Тха, а кто-то другой, потому что с людьми Тха не общается. Утомившись, Озермес опустил руку. Не слишком ли узок лаз, который он прорубает вверх? Левое плечо упирается в ольху, а правое в

снег, плотный и сухой. Нет, расширять выход не стоит, он так ослаб, что без опоры не сможет вылезти. Надо было, пожалуй, прорубать выход наискось, как это делают звери, когда роют свои норы. А ведь Тха, если б захотел, легко мог бы освободить его из-под лавины. Но к Тха не обратишься, он так высоко, что человека не услышит. Мусульмане тоже никогда не обращаются к Аллаху с просьбами. А христиане просят своего Бога обо всем, но для этого идут в церковь и встают на колени перед изображением Бога или приближенных к нему пророков... Озермес поднял руку, рукоять кинжала выскользнула из его пальцев. Он присел, нащупал кинжал и снова выпрямился. От истощения и напряжения у него дрожали ноги и сводило поднятые кверху руки, но он продолжал прорезать выход наружу, время от времени пригибаясь и подтягивая кверху бурку. Хода или щели у ствола ольхи он не обнаружил, но воздух к нему откуда-то проникал. И он стал смутно, лучше, чем раньше, видеть. Или глаза привыкли к темноте, или до верхней кромки снега оставалось уже немного. Нагнувшись очередной раз за буркой, Озермес наткнулся рукой на что-то округлое, поднес найденный предмет к лицу и обнаружил, что это его шапка, набитая снегом и слежавшаяся. Он выковырял пальцами снег из шапки и натянул ее на голову.

Движения Озермеса были медленными, последние силы вытекали из него, как капли воды из опустевшего кувшина. Время от времени он жевал снег, утоляя жажду, или срезал с ольхи тонкие щепочки, разгрызал их и глотал, его снова одолевала дремота. Но лечь, завернувшись в бурку, было уже невозможно, он теперь не лежал, а стоял у ствола ольхи, и единственное, что смог бы сделать, это опуститься на колени. Однако, тупо соображал Озермес, если бы ему и удалось лечь, вытянуть ноги и уснуть, неизвестно, проснулся бы он, и достаточно ли еще горяча кровь в нем, чтобы не застыть во сне от холода. Вырезав еще несколько кусков снега и бросив их под ноги, он почувствовал, как колени у него подгибаются, потом в глазах потемнело, и он стал оседать всем телом.

Почти уже не понимая, что делает, Озермес поднес

ко рту левую руку и прокусил у ногтей сперва большой, потом указательный пальцы. От боли туман перед глазами разошелся. Пососав кровь, он с трудом выпрямился и прижался плечом и щекой к ольхе, чтобы набраться сил. Вдруг под корой дерева послышалось слабое шуршание, похожее на журчание медленно текущей воды. Чудилось ему, шумело в ушах, или он на самом деле слышал, как внутри дерева поднимаются от корней живительные соки пробуждающейся земли? Ему показалось даже, что они, неведомым путем проникая сквозь кору, отгоняют от него сонливость и бессилие. Отстранившись от ольхи, он поднял кинжал, чтобы вырубить новый ком снега, и тут кинжал и вместе с ним рука пробились наружу, на голову Озермеса осыпался сухой снег, а в образовавшуюся дыру, ослепив его, ворвалось яркое зарево уходящего дня. Озермес опустил руку, и кинжал снова выпал из пальцев. В глазах защипало, по щекам потекли теплые слезы. Он зажмурился и увидел рой крохотных красных бабочек. Какое-то время он простоял не шевелясь, потом, когда бабочки разлетелись, поднял голову и стал смотреть в высокое пылающее небо. Теперь надо было поднять кинжал, вырваться наружу. Озермес нагнулся за кинжалом, но ноги у него подкосились, и он, царапая лицо о кору ольхи, упал коленями на бурку. Кинжал долго не находился, однако в конце концов он нащупал рукоять, зажал ее в омертвевших пальцах, хотел встать, но ноги больше не слушались его. Переждав, он отыскал рукой на стволе ольхи какой-то нарост или остаток обломившейся ветви, уцепился за него и, постариковски покряхтывая, поднялся на вялые, словно бы не свои, ноги. Вырубать большие комья уже не было сил, он мог только отковыривать кончиком кинжала крохотные кусочки снега, но делал это упорно, без передышек, тянул вверх бурку, топтал снег под собой, и так до того времени, пока вечность спустя не расширил дыру до того, что можно было просунуть в нее голову и плечи. Мир, в который он вернулся, был огромным и светлым. Прямо перед ним поднимался к краснеющему небу склон горы, поросший пихтами. На темно-зеленой хвое кое-где белели заплатки из та-

ющего снега. Он попытался выбраться из своего лаза, но руки и изможденное тело не подчинялись ему. На глаза наплыли сумерки, в голове зашумело, как от падающей воды, душа отделилась от него, и он сник, опустив голову на руки. Потом откуда-то с небес донесся голос Чебахан, она причитала, оплакивая его, и Озермес попытался открыть глаза и сказать, что он жалеет ее, оставшуюся одну, но вины его в этом нет, однако веки не поднимались, язык не слушался, от тщетных усилий своих он словно разогревался, и ему становилось все жарче, как летом у разгорающегося костра.

* * *

Пещера была так забита вещами, что лечь пришлось у самого входа. Озермес, не раздеваясь, улегся ногами внутрь пещеры и положил у изголовья вытянутый из ножен кинжал. Место еще не было обжито, и неизвестно, кто из зверей может наведаться сюда ночью. Чебахан собрала угли в очаге в кучку, чтобы они до утра не угасли, ушла к речке, вскоре вернулась, забралась под бурку и вытянула ноги, достававшие Озермесу до плеча. Он уже задремал, когда она завозилась и спросила: — Ты спишь? — Засыпаю, — ответил он. — Я хотела спросить тебя. — О чем, белорукая? — Ты женился на мне, потому что пришла твоя пора спариваться с женщиной или потому, что полюбил меня? — Он задумался, ему очень хотелось спать. — А разве это не одно и то же? — Она вздохнула: — Может быть, — Джигиты, наверно, бросали плеть в твой двор и до меня, — пробормотал Озермес. Чебахан снова вздохнула. — Не бросали, догадывались, что я выброшу плеть обратно. — Кто-то, шелестя травой, пробежал мимо пещеры. Озермес повернулся на бок и прислушался. — Мою плеть ты подобрала. — Все говорили о тебе, смотрели на тебя, и ты мне понравился. А у кого ты взял плеть? — У Алии, русского солдата, у него было несколько. — Он никогда не подходил ко мне, но издали смотрел, как на Жычгуаше¹. Скажи, а ты бросал плеть в чей-нибудь

¹ Жычгуаше — богиня деревьев, отличавшаяся добротой и добродетельностью.

двор до меня? — Нет. — Он снова лег на спину. — Тебе не спится, белорукая? — Как быстро ^{Тха} все переменил, если считать по пальцам, прошло ^{лишь} несколько дней и ночей, а на самом деле между этой ночью и моей прежней жизнью стоят много зим. — Озермес молча слушал, казалось, Чебахан не с ним разговаривает, думает вслух. С этим надо свыкнуться, возле нее никого, кроме него, нет. — Одно время я сердилась на мать за то, что она не родила меня мальчиком. И злилась, когда подруги говорили: какие у тебя большие глаза и длинные ресницы. Один раз я выщипала у себя ресницы, но они выросли еще длиннее. А когда я подросла, мне стало нравиться, что джигиты говорят друг другу: она похожа на Жычгуаше. Потом я снова стала злиться. Ведь из-за того, что я схожа с Жычгуаше, джигиты робели и не заговаривали со мной. — Меня это не испугало, — сказал Озермес. — Да, ты сразу заговорил со мной и, как полагается, стал при всех вышучивать меня. Джигиты и девушки смеялись, а мне хотелось плакать. Я очень глупа, муж мой? Болтаю, как девчонка, и не даю тебе спать. — Значит, ты подобрала мою плеть потому, что я джегуако? — Я же сказала, ты мне понравился тоже, — тихо ответила она, — а ты?.. — Что я? — Ничего. — Чебахан смолкла, и Озермес заснул. Когда он открыл глаза, всю пели птицы, а Чебахан хлопотала у очага. Увидев его, она почему-то опустила глаза и сказала: — Пусть все дни будут для тебя светлыми, как это утро. — А солнце дарит тебе такую же радость, как поющим дроздам, — ответил он и пошел в лес. На опушке стояли сапетки, принесенные из аула. Пчелы сонно вылезали из летков, согревались на солнце и с жужжанием улетали на луга. Одна из них села на руку Озермеса. Он медленно поднял руку и рассмотрел пчелу, ее черное, блестящее тельце, покрытое желтыми волосками, брюшко, выдающееся за концы крылышек. Глаза у пчелы были большие, на темени они соприкасались. Каким пчела видит Озермеса? Наверно, таким же, каким он видит гору со шлемом на голове. Вздумай пчела ужалить его, она погибнет, потому что пчелиное жало покрыто шипами, и она не может из-

влечь его из тела человека или животного. Озермес подул на пчелу и она улетела.

Возвращаясь к пещере, он подумал, что отхожее место лучше всего будет построить ниже сакли, возле шафранового луга, за изгибом скалы. Отец рассказывал ему, что некоторые русские переселенцы зимой не пользуются отхожими местами, а ходят на огороды, чтобы удобрять землю, однако это нечисто и опасно, из-за этого могут распространяться болезни. Озермес спустился к речке умыться и надумал, что в овражке следует сделать запруду, иначе в речке не выкупаешься. Пожалуй, начнет он с охоты, заготовит мяса, и ему не придется каждый день отрываться от дела и бродить по лесам. Надо, не откладывая, расставить и силки. Потом он возьмется за серп и заготовит сено для кровли. Повезло, что ему доводилось несколько раз помогать отцу и соседям ставить сакли. Сперва он пометит на земле размеры. Одной комнаты ему и Чебахан будет пока достаточно. Потом выроет четыре ямы для столбов... Он мысленно пригнулся, нажал ногой на поперечину заступа и вогнал заостренное полукружье в землю, от дерна запахло сыростью и грибами. Отрыв ямы, взялся за топор и, перейдя шафранный луг, спустился к буковой роще. Деревья стали пригибаться, он в три-четыре взмаха срубал их, и они с удовлетворенным шелестом ложились на кусты бузины. Озермес утер пот со лба. Между столбами, на расстоянии двух-трех пядей, он вобьет колья с развилками наверху, чтобы была опора для крыши. На развилки столбов лягут брусья, на них поперечные жерди, потом, наперекрест, еще ряд жердей, обернутых жгутами сена. Нет, прежде чем класть кровлю, надо сплести из прутьев орешника стены. Это он помнит, прутья сплетаются слева направо, каждый новый прут зацепляется за следующий кол, и начинать следует снизу, от земли. Окошка хватит одного. Дверь низкая, не выше его плеч, отверстия в раме для ремней и клина он прожжет раскаленным острием кинжала. Дымарь сплетет из прутьев, а Чебахан обмажет глиной и дымарь, и стены. Очаг — у задней стены, под дымарем, сложит Чебахан. Справа от очага станет его тахта, у левой стены — тахта Чебахан. На стене —

оружие, одежда, на колышке — шичепшин, справа и слева от двери — полки для посуды, нижняя — для матрасов и покрывал. Что еще? Столик на трех ножках, чурбачки. Потом построить отхожее место, хачеш, навес для летнего очага, навес для дров... Озермес разошелся, он босыми ногами месил вязкую глину, вбивал в стенку хачеша колышки и вешал на них ковер, а Чебахан стояла позади и, глядя на дыру, прожженную в ковре, горестно вздыхала, потом смирившись, шла в саклю, разжигала в очаге огонь, подвешивала над ним казан, дым от очага, струясь, уходил в дымарь, из казана вкусно пахло ляпсом из мяса улара, и Озермес, сытно поев, снова брался за топор... Он подошел к пещере. Чебахан вытаскивала наружу одеяло для просушки. Выпрямившись, она вопросительно посмотрела на него. — Я, пока шел, — ухмыляясь, сказал он, — уже все построил, даже ковер в хачеше повесил на стену. — Он, удивляясь себе, покачал головой, — раньше я никогда не забегал в будущие дни, голова моя была заполнена совсем другим. — Оленье лицо Чебахан удлинилось, уголки губ опустились, как у обиженного ребенка. Озермес удивленно смотрел на нее. Она плотно сжала рот, свела брови, поглядела на одеяло и с непонятым пренебрежением спросила: — А плетня вокруг поляны не будет? — Совсем позабыл, — сокрушенно пробормотал он, — только позже, а пока я вобью колья по углам наших владений. Но, прежде всего, мне после завтрака понадобятся силки. Ты умеешь коптить и вялить мясо? — Она кивнула. — Чтобы прокоптить мясо, нужна крапива, а здесь я ее не видела. — Ты, наверно, смотрела не туда, белорукая, крапива растет повсюду. А лечить болезни тебя не учили? — Чебахан выпятила нижнюю губу. — Прости меня за то, что я скажу, тебе не стоит так плохо думать о моих бабушке и матери. Листьями крапивы останавливают кровь, корнями папоротника и листьями подорожника лечат раны, ожоги и ушибы. А сушеными цветами бузины излечивают почки и еще многое другое. — Я спросил, не подумав, — засмеявшись, сказал Озермес, — в твоём ауле были, конечно, такие же разумные бабушки и матери, как и во всех других аулах, но, согласишься, и мужчина и женщина не могут знать

всего, а чего-то не знают совсем. Я в лечебных травах разбираюсь плохо. — Чебахан разложила одеяло на валунах, и повернувшись, сказала: — Зато все другое ты знаешь лучше меня. Мне иногда кажется, что ты бываешь недовольным мной. — Ты ошибаешься, белорукая. — Нет, не ошибаюсь. — Она помолчала, что-то обдумывая. — Я скажу тебе, не сейчас, потом... А мы успеем построить все до осенних дождей? — Озермес посмотрел в блестящие, как зеркальца, глаза Чебахан, но проникнуть в них и понять, что скрывается за этими зеркальцами, было невозможно. Оставалось лишь ответить на последний вопрос. — С твоей помощью, моя гуаше, саклю я поставлю быстро, а с остальным можно будет и не очень спешить. Давай поедим, и я отправлюсь ставить силки и стрелять в длинноухих. — Чебахан сняла с камней котел и озабоченно уставилась на Озермеса. — Медвежий лук я нарву, его здесь много, но где мне взять соль? — Не знаю, белорукая, потом что-нибудь придумаем.

Под вечер Озермес взял лопату, вырыл в том месте, где он собирался поставить саклю, яму и поставил в нее кувшин, наполненный до краев водой. Если до утра воды не убавится, место для сакли выбрано удачно. Что означала эта примета, он не знал, но нарушать обычай предков ему не хотелось. Отец говорил, что правила, лишённые мудрости, высыхают и умирают, как состарившиеся деревья, а нужное людям, если его беречь, передается из поколения в поколение. Возможно, уже не было необходимости зарывать кувшин с водой на месте будущей сакли, но чтобы отказываться от чего-то, от старого правила, надо знать его суть.

Где-то вдали завыл волк: — Во-у-у-у... — А, может, это была волчица, зовущая мужа. Когда они легли спать, вой возобновился. Чебахан села, прислушалась к заунывной жалобе лесной собаки и сказала: — Наверно, он остался один, без стаи, без братьев и детей. Как мы. — Белорукая, — спросил Озермес, — ты не хотела бы раздеться и повернуться ко мне головой? — Я уже много ночей жду этого твоего вопроса, — тихо отозвалась Чебахан... Потом она зашептала ему на ухо: — Мне стыдно, я спросила бы у матери, но... Когда мы вместе, я ничего не чувствую, только

боль. Так и должно быть? — Озермесу вспомнилось, как он словно бы опускался в теплую летнюю воду, когда был с первой своей женщиной, и буйные доски вдовы абрека, после которых у него, когда вставал, подкашивались ноги. — Я объясняю, — снова зашептала Чебахан, — это, как если бы ты дарил мне яблоко, а я не чувствовала его вкуса, а своего, которого ты ждешь, не давала бы тебе вовсе. — Мы с тобой по-разному чувствуем, — сказал он. — Мать или другая замужняя женщина могли бы тебе растолковать то, чего я не понимаю. Наверно, ты поторопилась взять себе мужа. Если я прав, ты рано или поздно станешь чувствовать так же, как я. — А если нет? — спросила она. — Я боюсь разонравиться тебе, муж мой, хочу, чтобы ты получал от меня все, что должен получать мужчина от женщины. — Не расстраивайся, я доволен своей болтуньей. И вижу, что ты в самом деле такая же, как Жычгуаше. — Чебахан довольно хмыкнула, отодвинулась и улеглась головой к его ногам. Немного спустя Озермес услышал ее сонный голос: — Я давно не слышала твоих песен...

Утром, когда они встали, воды в кувшине не убавилось. Можно было строить саклю на этом месте.

Окончание следует

Пламенеют девять роз

Старые раны
незаживающие
май
    обовьет золотыми руками...
Льется, как радость, как отсвет манящий, —
В комнату,
    в сердце,
        в альбом со стихами.
Мне принесешь, как подарок, звенящий
Ветер полей и земное дыханье,
Солнца восход и лучей трепетанье —
Девять бутонов
    огненных роз
Май заплетает в тугой хоровод
Радости,
    солнца, улыбок и грез.

Ласточка крыльями рвет небосвод,
Слово, как пламя, и светит,
        и жжет.
Вновь меня кличет звонкое племя. —
То, что осталось
        в глухих блиндажах.
Буря, свирепствуй! Приблизилось время
Крылья проверить
        в крутых виражах!

Как ослепительно это сияние...
Девять бутонов на стебле дрожат
Цвета знамен, что носил я, безбожник,
Цвета той крови, что пролил в бою...
Мне их рисует колдун и художник —
Май,
    напевающий песню свою.

Как ослепительно это сияние!
Солнца лучи, словно чанги звучание.

Девять бутонов — в огненной
пляске.

Ласковый май,
не приемлю отчаянья!
Ты — мой цветок из загадочной сказки.

Перевод Олега БОБРОВА

Шадиман ШАМАНАДЗЕ

Деловое предложение

Что если нам обменяться с тобой
Дарами, что скажешь, Вишня?
Я тебе — поэтический дар,
Ты мне — талант цветения?..

Семнадцатого я видел твои
Слегка припухшие губы.
Двадцать третьего — кончики веток зажглись,
Двадцать восьмого — ты вся — в брызгах белого цвета.

Апрель шумит в твоих жилах.
Кружится голова... Так бывает
У беременных женщин.

Вечность длилась зима.
Столетия декабря ты счастливо миновала,
Пять ледниковых нашествий выдержала в январе,
Новое летосчисление открыл собою февраль.
Ты выкарабкалась, тебя — с благополучным исходом!

О, если бы выпала мне твоя бессмертная участь!
О, если бы мне пережить однажды безумную радость
Второго пришествия в мир!
Хоть на миг оказаться
В вишневой твоей сердцевине...

Перевод Татьяны МУЛЛЕР

Икар

В той сумке,
что неделю я ношу,
с языческих времен храню крыла...
На службу,
как на празднество,
спешу —
нетерпеливо жду,
чтоб ты пришла!

...Откроешь дверь
(чуть раньше, чем обычно)
здороваясь,
кивнешь с порога мне,
и книгой —
жестом милым и привычным —
раздвинешь занавески на окне.

Вот
(Наконец!)
Закончив счет листов,
отложишь в ящик повесть иль роман...
И, улыбаясь, молвишь:
— Ты готов?
Где крылья?
Полетаем, Шадиман!

Перевод Юрия **ОБОЛЕНЦЕВА**

ПОСМЕРТИЕ

Р а с с к а з

В то время как в древности эту реку переплывали на плотах, в наше время ее перелетают на самолетах. Ожидание механической птицы, впрочем, так же томительно, как и ожидание Хароновой переправы. Пассажиры толпятся в прибрежной зоне среди аборигенов, занятых своими делами и в упор их не замечающих, на фоне доминирующей здесь призрачной, хотя и настырной декоративной фауны и флоры. Каждый ведет себя в соответствии со своим созвездием; одни спекулируют, другие тоскуют и жалуются, третьи напускают на себя значительность. И хотя каждый оставил значительную часть самого себя дома (кто больше, кто меньше), мысли всех — не в прошлом, а там, за Большой Рекой, где им предстоит отыскать свое назначение, ну и, конечно, место своего назначения. Эмигрантские транзитные дела.

Все говорят о будущих своих перелетах, никто — о только что происшедшем разрыве. Деревце, которое вытащили из земли, еще полно старых соков, но на какой земле, в каком климате ему придется жить, приживется оно или погибнет, риск пересадки, а, главное, неизвестность — вот что всех и каждого занимает. Разрыв, который казался дома таким значительным и страшным событием самим по себе, здесь он у всех позади, здесь собрались все перешедшие этот рубеж и уже позабывшие свои старые страхи. Главное развлечение, скрашивающее скуку ожидания — это сравнение новых впечатлений со старыми: при этом старых так много и они так сильны, что новизны особой в общем-то и нет, а больше — вариации того же.

Так проходили дни, месяцы, годы. Самолеты, гудя,

прилетали и увозили в пугающую неизвестность ^{новые} и новые партии пассажиров, однако толпа на берегу ^{ни-}скольکو не редела.

Утомительная уличная суeta и стоявшая в то лето ровная беспощадная жара заставили двух спутников, только что выпивших чашечку крепчайшего черного кофе в угловом кафе и выкуривших там же по сигарете, подняться на пятый этаж узкого кирпичного строения, и, повертев в замке ключом, войти в длинную и узкую трехугольную комнату, вмещающую, кроме кровати, шкаф, стул и маленький столик возле окна. Пришедшие расположились — один на кровати, другой на довольно крепком стуле.

Бутылку с коньяком, открыв, поставили на столик рядом с двумя разномастными стаканами. Закурили. Ловили жадно слабый ветерок из открытого окна.

Пришедшие отличались друг от друга не столько возрастом, сколько типом и окраской окружавшего каждого из них нервного поля. Им обоим было где-то между тридцатью и сорока, но один был полуседой, а другой — темноволосый. Забравшийся с ногами на кровать — в дырявых носках — черноволосый юноша нес на себе печать задушенной порывистости и героической помятости. Видно было, что он новенький в этих местах, и что он ничего вокруг себя не замечает — по тому, как отталкивал и опрокидывал он все препятствия на пути своей мысли, а также по тому, как скукоживался его порыв при встрече с первым же серьезным препятствием.

Полуседой господин, сидящий на стуле, возрастом ненамного старше своего энергичного знакомого, являл собой классическое сочетание наружной мягкости с внутренней твердостью, может быть, даже жесткостью, когда надо, впрочем, жесткостью не в отношении к другим или даже к себе, а в проведении однажды принятой жизненной программы вопреки всем обстоятельствам: затонам, водоворотам и понятным течениям.

В этих прибрежных местах он был определенно не новичок, и, кроме того, прекрасно знал заречные города, долины и горы — царство Плутона и Персефоны, куда поток неудержимо нес всех — и его знакомого, засмотревшегося в этот момент на торчащий из рваного носка большой палец.

Засмотры, кажется, были свойственны им обоим, что было немаловажной основой их старого приятельства, испытанного десятилетней разлукой и трехдневным непрерывным разговором, подходящим теперь к концу. Полуседой господин прилетел из заречного города, чтобы встретить своего порывистого и неуверенного приятеля.

Отметим еще несколько штрихов в господине, который постарше: в частности, острое внимание к мелочам и к общему нервному тону обстановки при глубоком и нескрываемом безразличии к ним, а также к своему собеседнику, как будто бы вещи, слова и вибрации потеряли навсегда всякое значение для него, кроме одного, особого, о котором он не стал бы распространяться. Утратили плотность и окраску и уже не способны ни решить, ни задеть его даже мимоходом.

— Наш опыт, — заговорил полуседой господин, выпуская в окно, расположенное слева от него, струйку сигаретного сизого дыма, и, очевидно, продолжая разговор, начатый не сегодня, — наш опыт — мой прошлый и ваш предстоящий — должен быть осмыслен и оправдан. Разрыв, через который мы прошли, может быть, слепой, но он может быть и сознательной смертью. Умирают наши привычные ассоциации: личность, которую мы пестовали всю нашу жизнь, здесь непригодна. Нужны другие жесты, другие мысли, другие междометия. Придется пройти через погружение в элементарный мир — это начинается уже здесь, на побережье, и продолжится по ту сторону реки. Через этот этап, увы, нельзя перескочить, но его должно внимательно пройти. Только после этого становится возможно возвращение зрения — более пристального — в полной безнадежности и в окончательном мраке подземелий Гадеса. Солнце полуночи осветит смыслом этот страшный мир, в котором мы окажемся. Наш опыт жесток и беспощаден, но для непрошедших его нет вообще никакой надежды — ни в прошлом, ни в будущем.

Полуседой господин замолк с выражением человека, вслушивающегося в свою мысль, отыскивающего в ней новые скрытые пространства и способы выражения, делающие ее более сообщительной, отвечающей конкретному ожиданию его собеседника. Юноша на кровати, ожидавший лишь паузы, заговорил высоким сры-

вающимся шепотом, как только представилась для этого первая возможность. Не слушая ни своей мысли, ни звучания своего голоса и едва ли замечая собеседника, он говорил вообще, обращаясь к любому возможному слушателю и ко всем слушателям вместе взятым.

— Нет, это мне не снится, я не сплю, я действительно здесь, на берегу Флегетона. Я пересек искусственный рубеж: я умер для старого и я живой — для нового зренья. Теперь для меня посмертие — факт — или, по крайней мере, такая же иллюзия, как жизнь. Как я ждал этого часа! Я изжил, исчерпал то, что обещала прежняя жизнь, все ее жалкие приманки: мысль, которая, ходит за своей тенью, страсти, которые застыт взгляд. Спала с глаз пелена иллюзий, тяжелый столб воздуха больше не давит мне на плечи. Я всегда знал: смерть — это экран; траектория моей судьбы проходит через него, а не заканчивается на его плоскости. Да, но что дальше, что теперь? Что ждет меня за рекой? Одно очевидно: хуже, чем было, быть не может. Будет больше свободы, какой-то еще неизвестной мне возможности расширения, не встречающего никаких препятствий. Это как движение в поле, лишенном гравитации. Я ощущаю эту свободу с самой первой минуты разрыва, она здесь сейчас, но я ее еще боюсь. Хуже быть не может, и вот почему: мое сердце не станет скулить по родному оставленному хлеву, по его звериному обжитому запаху и теплу. Кроме того, я хочу очень малого: новый круг спутников, друзей по горению, по творчеству. И если это было дано даже там, дома, то не следует ли из этого, что здесь, откуда приходило к нам туда все питание наших умов и душ, здесь это будет круг более высокого порядка, более устойчивый и укорененный в чистой идее. Как бы я хотел знать сейчас, где мне предстоит приземляться, какие формы примет моя реализация здесь, по эту сторону экрана. Да, я еще не остыл от агонии разрыва, еще холодный пот у меня на лбу, но там, за Большой Рекой, я уже угадываю стремительные архитектурные формы идей, души, не знавшие рабства, благородные созвездия умов и дарований. Иногда мне кажется, что я уже однажды прожил там жизнь. Но почему я все говорю и не спрашиваю тебя, прожившего столько времени за рекой и знающего то, что я пытаюсь угадать? Почему я не могу

спросить тебя ни о чем? Послушай, ты смотришься усталым, но знающим что-то такое, о чем ты не хочешь говорить.

— Я приехал сюда на десять лет раньше тебя и потому ты, наверное, думаешь, что я успел пустить здесь корни. Поверишь ли, что я здесь все еще чужой и что я еще не достиг своего места назначения.

Полуседой собеседник замолк, следя за залетевшим в комнату и теперь магнетически выющим вокруг бутылки с коньяком шмелем. Шмель сел на горлышко, на самый верх, сделал круг по ободку и, шурша, взлетел под потолок: потом, резко изменив свою мохнатую траекторию, безошибочно вылетел в окно, растворился темной пушистой точкой в яркости дня, сказав то, что хотел сказать своим беззвучным вторжением. Сбросив оцепенение, полуседой господин улыбнулся прозрачности ситуативной символики и черноволосому собеседнику, сидящему на кровати в йогической позе со скрещенными ногами. Отраженный солнечный свет окружал юношу оранжево-желтым ореолом. Но он этого сам не замечал, как не признавал легкого хмеля, добавившего блеска его глазам и медовой вязкости его мыслям. Ему казалось, что безо всякого труда он одновременно слушал строгий голос собеседника, себя, слушающего собеседника, и ручеек возражений, соображений и чувств, пробегающий через него в то время, как он отбирал мысли-образы для ответа.

— Отбрось иллюзию, что ты направляешься в лучшее место. — Полуседой господин говорил теперь резко и прямо, убедившись, что в этом теперь единственная надежда помочь приятелю, едва ли расположенному в его теперешнем состоянии следовать за более отвлеченными умозрениями. — Отбрось также и мысль, что твой разрыв с прошлой жизнью и переход в новое состояние влияет на что-либо важное по существу. В новом месте только продолжится работа по шлифовке кристалла. Процесс ускорится и будет более болезненным. Ты вступишь в мир агрессивных элементарных стихий, в котором недействительны старые методы защиты. Готовься к тому, чтобы внешне уподобиться этим стихиям. Не настаивай на вещах второстепенных. Настоящее движение совершается в направлении, перпендикулярном линии, соединяющей твое прошлое с твоим

будущим. Вот все, что я, твой проводник, могу сообщить тебе перед полетом и что ты должен постараться усвоить.

Озадаченный больше тоном, чем тем, что было сказано, молодой человек спустил ноги с кровати и, сунув их в разношенные туфли с широкими рантами, заходил по комнате от двери к шкафу и обратно. Замер у окна с утрюмой решительностью в глазах, со лбом, прорезанным упрямой складкой, с лицом, открытым потокам беспощадного света из окна. Сказал уверенно приятелю:

— Ты говоришь искренно, но знание твое ограничено. Известно, что у каждого человека своя неповторимая посмертная судьба. Твой опыт не покрывает всех возможностей. Ты намекаешь на то, что я попаду в мир меньшей свободы, чем тот, который я оставил. Я благодарен тебе за предостережение, но я не намерен уступать элементарным стихиям. Я буду воплощать свою идею, чего бы мне не стоило.

«Невозможно ничего объяснить им в короткий промежуток перелета из одного ада в другой», — подумал полуседой господин. И еще он подумал: «Быть может, внутренний магнит его выведет». Но сказал совсем другое, гася сигарету и поднимаясь со стула:

— Пора складывать чемоданы. Наш самолет отлетает через час.

Уроженец Тбилиси, выпускник Московского университета Аркадий РОЗНЕР в 1973 году эмигрировал в Америку. Закончил докторантуру Колумбийского университета Нью-Йорка, где читает лекции.

Формировался как писатель в духовном подполье Тбилиси и Москвы 60-х — 70-х г.г. Его проза и стихи издаются на многих языках Европы, Азии и Америки.

Основатель издательства «Гнозис».

В СССР публикуется с 1989 года.

Союз журналистов Грузии присудил известному публицисту Ираклию Гоциридзе «Специальную премию за инициативу и независимость в журналистском расследовании событий 9 апреля 1989 года». Написанная И. Гоциридзе по этим материалам книга готовится к выпуску в одном из московских издательств. Автор предоставил нам право опубликовать некоторые главы этой книги.

Ираклий ГОЦИРИДЗЕ

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ, ИЛИ Я ЗАГЛЯДЫВАЮ В СЕЙФЫ ВЛАСТИ

ЧЕРНОЕ УТРО

«Ираклий!» — позвали меня откуда-то издалека и настойчиво потрясли за плечо. Открыв отяжеленные сном глаза, я увидел взволнованное лицо Мананы.

— Что с тобой? — спрашиваю жену.

— Ночью на площади убили людей!.. Боже мой, какой ужас! — зарыдала она, закрыв лицо руками.

Зыбкое ощущение беды обрело реальное физическое содержание. Машинально посмотрел на часы — семь утра.

Я быстро оделся, выглянул в окно.

Передо мной лежал проспект Мира, тихий и безлюдный. Ни одного прохожего, не видно машин. Жизнь остановилась, как по мановению жезла, потеряла свой привычный ритм.

Вчера над городом весь день летали военные вертолеты, по улицам громыхали танки и бронетранспортеры. Значит они не только устрашали, но и готовились к побоищу?

Набираю телефонный номер. Сразу же слышу голос Резо Чхеидзе, словно он стоял возле аппарата и ждал звонка.

- Это правда?
- Правда, — слышу в ответ.
- Что будем делать?
- Посмотрим, как сложится ситуация.

Я бросил трубку: «Ты можешь и дальше дожидаться ситуаций, а я...»

Я вышел на улицу. Почему я позвонил именно ему, а не другому, более близкому мне человеку?! Я догадался: это было вызвано подсознательным порывом, о чем я буду говорить ниже.

Уже сидя в машине, понял, что еду в направлении Дома правительства, где вчера был с женой и ушел в час ночи. Потом кто-то скрупулезно выведет точное число участников митинга — свыше четырех тысяч. Но тогда, ночью, казалось, что сюда, на площадь, пришел весь город. Кого только ни узнал я в этом людском море. Многие из них сейчас, сидя в машинах, мчались по набережной, стремясь поскорее доехать, узнать, понять... Нетерпеливо пробираясь в узких улочках, сбегаящих к реке, я протискиваюсь, наконец, поближе к проспекту Руставели, который хранит следы ночного разрушения: перевернутые телефонные будки, разбитые зеркала витрин, множество женских туфель и сумок. Сейчас их, остатки чудовищного карнавала смерти, словно бытовой мусор, сгребают в кучи, загружают в самосвалы, увозят подальше от глаз. Где их владелицы?

...Проспект Руставели на излете увенчан бронзовой скульптурой поэта-мыслителя. Сегодня этот памятник кажется слишком академичным, лишенным экспрессии, готовятся отлить новый. Но мы с детства любили собираться возле памятника, слушать вечный лепет воды из питьевых фонтанчиков. По соседству со старой аптекой Земмеля был мой дом, еще через сто метров помещается редакция газеты «Заря Востока», где я работал, а в самом начале магистрали — первая школа, где я впервые открыл для себя светлый мир родного букваря. Сейчас главная улица, словно гусеницами танков, спрессовала эти вехи моей судьбы, радость и улыбки, горечь разлуки и соль слез.

— Сюда нельзя! — слышу окрик.

Смотрю на солдата, не понимая утраченный смысл слов. Сколько таких предупреждающих, запрещающих команд довелось услышать в то злосчастное утро на осиротевшем проспекте и возле первой городской клинической больницы, которую осаждали сотни людей, потерявших голову от горя. Та-

кие лица попадались мне в то утро и на подступах к республиканской клинической больнице. «Боже, помоги этим людям», — шептал я, еще толком не зная, за что взяться, куда идти...

Через пару часов я оказался на митинге перед главным корпусом Тбилисского университета. Альма-матер!.. Меня и моего друга, личность незаурядную, Петре Грузинского в годы учебы, еще перед войной, почему-то особенно жаловал своим вниманием наш большой ученый Симон Каухчишвили. Однажды на своей квартире он раскрыл томик Лессинга и показал нам отчеркнутые карандашом строчки — запомните, мол, это. Я пронес их через опаленные огнем Керчь и Туапсе и буду помнить до конца своей жизни. Вот они:

«Если мне явится Бог, в правой руке будет держать Истину, а в левой — ничего, кроме Пути к этой Истине, и скажет: выбирай!, я приложусь к его левой руке и взмолюсь: дай мне это, а Истина пусть принадлежит только тебе».

Что значит следовать по этому пути?..

Двор перед университетом заполняли сотни людей — и стар, и млад.

Вдруг слышу: «Здесь находится внук нашего великого писателя Давида Клдиашвили, пусть выступит!»

Несколько молодых людей помогли мне протиснуться на верхние ступеньки лестницы. Сотни лиц — знакомых и незнакомых — смотрели на меня. Что я мог сказать моим соотечественникам в это черное утро? Видимо, то же самое, о чем говорили выступавшие до меня.

А потом я сказал:

— Сегодня утром я понял, что жить в обществе и не отдать ему все свои силы и знания, значит — только существовать. Я сделаю все, чтобы выяснить Истину, выяснить по чьей вине произошла эта жуткая трагедия. Истина нужна не только нам, но и нашим внукам, будущей Грузии. Борьба за справедливость должна стать смыслом жизни нашего общества! Это наш императив.

Сотни сжатых в кулаки рук взметнулись над головами.

Было утро 9 апреля 1989 года...

ШЕВАРДНАДЗЕ ДАЕТ «ДОБРО»

...Огромный зал, заполненный народом, непрерывно гудел.

Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе в свете юпитеров стоял на аван-

сцене и, как боксер в квадрате ринга, отражал сильнейшие удары, сыпавшиеся отовсюду.

Я не скажу, что в зале не было его сторонников. Были, что и говорить, но куда больше было тех, кто желал бы увидеть его неудачу в споре.

В любом единоборстве старание одного не бывает решающим — все зависит от способности другой стороны. Искушенный в сложнейших поединках политик всячески старался не только парировать острые атаки, но и внести перелом в ход схватки, с тем чтобы перехватить инициативу и стать хозяином положения. Он признанный мастер такой тактики.

Я сидел во втором или третьем ряду и старался запечатлеть в компьютере памяти все детали, штрихи и нюансы этой неординарной встречи.

На первый взгляд равновесие сил было явно нарушено: один против двухсот или трехсот — точно не помню, сколько людей стояло и сидело в тот вечер в ультрасовременном зале киностудии «Грузия-фильм». Однако численное преимущество, как правило, не обеспечивает интеллектуальное. Друг другу противостояли обладатель огромного опыта политической борьбы государственный деятель и неискушенные в подобных спорах «простые люди», среди которых не было профессиональных политиков.

С этой точки зрения преимущество было на стороне министра.

Однако преимущество имела и другая сторона.

Этим преимуществом были факты.

Факты! Факты! Факты! Факты! — градом обрушивались они на Шеварднадзе. И этот неизменно спокойный и уверенный оратор не находил времени для ответа на каждый из них. К тому же оппоненты не только требовали ответа на каждый вопрос, но требовали немедленно и конкретно!

Ему приходилось нелегко... Через два месяца на вопрос корреспондента журнала «Таймс»: «Какой момент для вас был самым трудным за годы пребывания на посту министра иностранных дел?» Шеварднадзе ответил:

— Моя недавняя миссия в Тбилиси.

Этот ответ, несомненно, подразумевал и встречу на нашей киностудии 12 апреля.

Эту встречу по телевидению не передавали. Не сообщали о ней и в прессе. Единственное, что написали — было: «Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел Э. Шеварднадзе и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секре-

тарь ЦК КПСС Г. Разумовский на киностудии «Грузия-фильм» встретились с представителями грузинской интеллигенции». Вот и все. Об этой встрече не существует и другой какой-либо официальной записи. Единственным видеофильмом, снятым без чьей-либо санкции, располагаю я.

Что произошло в тот вечер на нашей студии, если средства массовой информации набросили на него туман секретности?

В те дни представители высшей власти имели встречи в Академии наук республики, в Тбилисском государственном университете, на предприятиях города Рустави, где люди откровенно говорили о своем отношении к происшедшему, что так взволновало население Грузии. Эти встречи освещались в прессе, передавались по телевидению. Так почему же замалчивалась все-таки «киновстреча»? Может, причина была в том, что в Тбилиси действовал комендантский час и комендант города генерал-полковник И. Родионов запретил освещать эту встречу? Несмотря на его самоуправство, не думаю, что комендант мог наложить вето на публикацию отчета об этой встрече с лицами столь высокого ранга, он бы этого сделать не посмел.

Я не стану искать причины, постараюсь хотя бы фрагментарно рассказать о том, что считаю наиболее значительным на этой встрече.

Встреча была проведена по просьбе и инициативе неформальных политических объединений республики. Шеварднадзе и Разумовский пришли познакомиться с их претензиями. Остальные представители интеллигенции были допущены по списку, в строго ограниченном количестве. Список кинорботников составил директор киностудии Резо Чхеидзе. Здесь вспоминается одна деталь: об организации встречи я узнал случайно, кто-то мне позвонил. Быстро сел в машину и приехал на студию. Чхеидзе встретил меня холодно и отказал — опоздал ты, не смогу внести в список. Только лишь после неловкого разговора он уступил. Почему не хотел директор допустить меня на эту встречу? Сам по себе факт этот курьезен: если бы он отказал мне в праве присутствовать на встрече, этой книги не было бы и общественность не смогла бы узнать многое из того, что я сумел расследовать и опубликовать в течение года.

Вместе с Шеварднадзе и Разумовским пришли помощник члена Политбюро и министра иностранных дел Теймураз Сте-

панов и тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Грузии Джумбер Патнашвили.

Первым слово взял председатель «Союза национальной справедливости Грузии» Ираклий Шенгелая. К сожалению, я не имею возможности полностью передать все то, что говорил этот умный, поистине образованный человек. Его слово было глубоким, основанным на твердой юридической мотивации и захватило слушателей. Со вниманием слушал его и Шеварднадзе.

— Прежде всего, — с достоинством начал Шенгелая, — считаю очень важным это выступление перед вами потому, что выражаю не только свою собственную мысль, но и мысли и чаяния моих многочисленных единомышленников. Наше глубокое убеждение таково: — создавшееся сегодня положение в Грузии невозможно рассмотреть без анализа того пути, который наша родина прошла на протяжении известных десятилетий. 26 мая 1918 года был опубликован акт «Независимости», которым грузинская нация заявила о своем праве создать независимое государство. С самого начала в независимой Грузии существовали рабочие, крестьянские и солдатские Советы, но затем правящая социал-демократическая и другие партии расценили их деятельность как узурпацию власти и избрали парламент республики. В 1920 году независимую Грузию признала Советская Россия — 7 мая был заключен пакт о ненападении. Со стороны Советской России этот договор подписал заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан, со стороны Грузии — Григол Уратадзе — представитель собрания учредителей. Установились мир и добрососедские отношения между Советской Россией и независимой Грузией. Однако совершенно необоснованно 25 февраля 1921 года, через месяц после того, как Лига наций признала Грузию де-юре, на нашу землю вторглась Красная Армия и осуществила аннексию. В итоге агрессии в Грузии была установлена аналогичная России Советская власть»...

Шенгелая продолжал:

«...Венский итогсвый документ, под которым имеется подпись и находящегося здесь грузина, является продолжением Хельсинкского заключительного акта, согласно которому каждая нация имеет право на проведение своей внешней и внутренней политики, на собственное экономическое и культурное развитие. Это высший принцип, которым должна руководствоваться каждая нация. Исходя из него, каждая нация имеет право в любое время поставить вопрос о самоопределении.

Пусть знают все, что грузинская нация является международным правовым субъектом»...

Шенгелая сменили другие ораторы: одни выступали тактично, другие — нет, в некоторых выступлениях преобладали эмоции, в других — «крикливый» патриотизм, кто-то логично обосновывал сказанное, а кто больше внимания обращал на документальную сторону.

Я явственно ощущал, что положение Шеварднадзе осложнилось не только из-за вопросов, ответить на которые в этой обстановке он затруднялся, но и эмоциональным накалом, который в зале нарастал с каждой минутой. Уже выступили свыше десяти ораторов, и мишенью каждого из них был Шеварднадзе как представитель высшей власти и к тому же — грузин. Было ясно, что разговор с соотечественниками, потрясенными трагедией 9 апреля, можно вести только с национально-демократических позиций. Компартия, ее правящие инстанции допустили не только ошибку, но и создали ситуацию, обернувшуюся несчастьем. Поэтому занимать тенденциозную партийную позицию было равнозначно проигрышу.

Что он мог сказать этим людям?

Шеварднадзе встал. Медленно пересек авансцену и подошел к микрофону. Достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги с заметками и оглядел зал. В огромном зале воцарилась тишина.

Я никогда не забуду этот впечатляющий момент: с одной стороны холодная стена безмолвных соотечественников, с другой — он, готовый к борьбе.

В напряженной тишине на экране памяти неожиданно всплыл эпизод:

на освещенном юпитерами ринге свирепый Нортон в течение двух раундов загонял в угол Кассиуса Клея и все ждали того, что еще немного и «черный властелин» падет. Прижатый к канатам Клей защищался, но в начале последнего раунда он вдруг вышел на середину ринга и так «заработал», что матч выиграл. Но это было там, кажется, в Хьюстоне... А здесь?..

— Меня совершенно не удивляет установившаяся здесь атмосфера — эмоциональная, напряженная, — медленно, очень медленно начал Шеварднадзе, и я почувствовал особую весомость каждого его слова.

— Нет оправдания кровопролитию, какими бы причинами оно не было вызвано. Никто и никак не может оправдать гибель невинных людей. Мы перед ними в неоплатном дол-

гу: следует установить истину, чтобы навсегда исключить/ даже малейшую возможность повторения трагедии. Это само по себе значительно. Это значительно для проходящих в нашей стране процессов. Это значительно, без всякого преувеличения, для всего мира...

Зал слушал...

— Наряду с этим такое явное проявление чувств, прямое выражение своих мыслей знаменует новый этап в нашей жизни... Три-четыре года назад этот диалог не состоялся бы. Другое время было. Тогда и я был другим. И вы не были такими, какими я вас вижу. Я этим счастлив, хотя вместе с вами разделяю горечь и боль за происшедшее.

Неожиданно я услышал мягкое жужжание аппарата. Один знакомый молодой оператор, присев между рядами, снимал оратора. Внезапно какой-то мужчина ухватился за камеру рукой. Оператор захотел вырваться. Однако блюстителю порядка помог его коллега и молодого человека вывели из зала.

Шеварнадзе продолжал:

— Здесь поставлен самый сложный и труднейший вопрос — суверенитет Грузии. Что мы должны сделать для того, чтобы это не осталось на бумаге. Создание правового государства — труднейшее дело, для этого требуется время. Прежде должны создать новую Конституцию. И для этого надо время. Мы много думали, устроить это при участии всего народа... Здесь было сказано, дать возможность Грузии проявить свою энергию. Правильно. Наша цель в том, чтобы каждая республика проявила свою энергию.

— Кто наверху дал распоряжение о разгоне демонстрации?! — неожиданно спросили из последних рядов, и оратор на секунду умолк.

— Отвечайте конкретно! — послышалось снова.

Ответ стал обязательным: — Ни одно решение в отношении демонстрации не связано с Политбюро Центрального Комитета и Генеральным секретарем. Решение приняло руководство республики. Наверное, это должен подтвердить товарищ Джумбер Патиашвили...

Сидевший за столом Президиума Патиашвили еле заметно кивнул головой.

— Было ли основание для введения танков? — спросил кто-то в зале.

— Все это выясняется. Даю вам слово, что...

Ему не дали закончить:

— Что вы скажете об аресте участников митинга?

— Я не следователь, — ответил Шеварднадзе и вытер лоб платком, — во всем следует разобраться.

— Ответьте, кто ввел войска? Кто был подлинным организатором и руководителем?

— Где ваша гласность?

— Почему лжет центральная пресса?

— Почему нет объективности в освещении 9 апреля?

— Почему заглушаете правду?

Град вопросов усиливался. Он осложнил предварительно намеченный план разговора. Шеварднадзе спрятал в карман листок с заметками. Отпил воду из стакана.

— Повторяю, постановление о разгоне демонстрации приняло правительство Грузии. Какими силами, какими средствами предстояло выполнить это — план был разработан в Грузии.

Удивительна природа человеческого мозга — одновременно он может работать в нескольких направлениях. Я одновременно улавливал множество вопросов, слушал ответы Шеварднадзе, по крохам собирал малейшие нюансы и модуляции интонации. И все это подвергал одновременному анализу. Этот анализ позволил в течение нескольких секунд прийти к заключению, что невозможно установить истину из ответов различных людей. Единственным путем к истине является цельность выводов одного человека, того, которого она интересует! Если прав мудрый Акутагава в своей новелле «Расёмон», то альтернативы не существует: — только я должен установить — так было все это или нет!

— Эдуард Амвросиевич! — выкрикнул я и поднял руку.

Шеварднадзе моего обращения не заметил. Он продолжал:

— Потому вы не должны идти, куда не следует идти. Вы разве верите, что командующий округом по своей инициативе или же на одном энтузиазме принял такое решение?

— Правильно, не верим! — громко воскликнул я, быстро встал со своего места и вышел на авансцену: я принял твердое решение.

Зал затих.

Резо Чхеидзе глазами и руками делал мне знаки — что ты делаешь, вернись на место.

Я стоял перед Шеварднадзе. Он взглянул на меня, вроде бы улыбнулся в знак приветствия.

Мы несколько лет не виделись.

— Эдуард Амвросиевич, — сказал я спокойно, — как видите, общественность категорически не доверяет ни респуб-

ликанской, ни центральной прессе. Ее необъективность возмущает народ. Вы утверждаете, что правительство встало на путь гласности. Поэтому, если вы верите в мою объективность и гражданскую честность, разрешите мне лично встретиться с генералом Родионовым и Патиашвили. То, что я выясню, — опубликую в прессе.

Мог ли Шеварднадзе мне отказать в присутствии этих людей?

— Даю слово, что вас завтра же примут и Родионов, и Патиашвили. Если я понадоблюсь, то и встреча со мной не будет проблемой для вас.

— Спасибо, — сказал я и вернулся на свое место.

Я уже знал, как мне предстоит действовать.

Сегодня многие спрашивают у меня: как ты думаешь, знал ли Шеварднадзе, куда приведет твоё независимое журналистское расследование. Не думаю. Во всяком случае, я попросил дать возможность лишь встретиться с Родионовым и Патиашвили.

— А как остальные встречи? — спросите вы.

Отвечу: когда горнолыжник проходит трассу скоростного спуска, его невозможно остановить — он или финиширует, или разобьётся.

Когда встреча закончилась и мы обменивались мнениями в кулуарах, Теймураз Степанов упрекнул меня: и ты поступил с Шеварднадзе как радикал, в такой момент попросил разрешение, когда он не мог отказать.

А я думаю, он придал гласности новый аспект.

ЦВЕТЫ НА АСФАЛЬТЕ

...Каждый тбилисец знает, что ночующие в платанах на проспекте Руставели птицы просыпаются в четыре часа утра. Просыпаются и начинают свой «концерт». Но на этот раз «концерта» никто не услышал.

...Генерал-полковник И. Родионов, сжав губы, сосредоточенно смотрел на стрелки ручных часов: 3 часа 59 минут 40 секунд... 45 секунд... 50 секунд... 55 секунд... Ровно 4!

Генерал вскинул руку в стиле «хайль!» и приказал:

— Вперед!

Роковое слово было произнесено негромко, с пугающей простотой, словно речь шла о совершенно несущественном деле. Однако оно вмиг дошло до каждого солдата и офицера.

И готовая ринуться в бой трехтысячная армия пришла в движение.

Наступление началось.

Оно происходило не на каком-то фронте военных действий — в самом центре города Тбилиси, где проспект Руставели смыкается с площадью Ленина.

Отсюда, с площади Ленина, командующий войсками Закавказского военного округа 9 апреля начал атаку на безоружных людей, проводивших митинг перед Домом правительства.

Первыми двинулись бронетранспортеры.

Для большей достоверности воспроизвожу ход развития операции по официальным документам, в частности, по докладной записке заместителя Главного военного прокурора страны, генерал-майора юстиции В. Васильева Генеральному прокурору СССР А. Сухареву:

«В 4 часа, как это предусматривалось планом, по команде генерал-полковника Родионова подразделения 4-го мотострелкового полка (МСП), развернутые в три шеренги на всю ширину проспекта Руставели, медленно двинулись к Дому правительства. Впереди их, на расстоянии от 20 до 40 метров, по проезжей части на минимальной скорости двигались бронетранспортеры. Непосредственно за войсковыми цепочками (группа вытеснения) продвигались подполковник Бакланов, генералы Родионов и Ефимов, группа применения спецсредств, а также взвод прикрытия и три группы изъятия. Следом за ними — пожарные машины и санитарный автобус. Далее по проспекту на правом и левом флангах полка следовали колоннами соответственно 2-й и 3-й парашютно-десантные батальоны».

Представление о масштабах операции дает знакомство с ее планом, разработанным и утвержденным командующим войсками КЗакВО генерал-полковником И. Родионовым и первым заместителем министра обороны СССР генералом армии К. Кочетовым. План операции разрабатывался при непосредственном участии начальника оперативного управления штаба внутренних войск МВД СССР генерал-майора Ю. Ефимова и министра МВД Грузинской ССР генерал-лейтенанта Ш. Горгодзе.

Но вначале нелишне познакомиться со списком частей и подразделений, сосредоточенных в Тбилиси для проведения этой военно-карательной акции (термин мой — И. Г.); 4-й мотострелковый полк Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения (ОМСДОН), г. Москва — 650 человек; отряд ми-

лиции особого назначения (ОМОН), г. Пермь — 120 человек; отряд милиции особого назначения (ОМОН), г. Воронеж — 40 человек; подразделения Высшей школы милиции (ВШМ), г. Горький — 450 человек; 8-й мотострелковый полк, г. Тбилиси — 650 человек; воздушно-десантный полк (ВДП), г. Кировабад — 440 человек; подразделения МВД Грузии — 250 человек. Всего к участию в акции привлекались 2550 солдат и офицеров, много боевых машин десанта (БМД), бронетранспортеров (БТР), 4 пожарные машины, 2 санитарных автомобиля. Одновременно в полную готовность были приведены три войсковые части Тбилисского гарнизона, в том числе, артиллерийское училище (ТАУ). Количество боевой техники, участвующей в операции, мне точно установить не удалось, но скажу, что накануне днем над городом, на небольшой высоте, летали две эскадрильи военных вертолетов («МИ-8» и «МИ-6»), а по главным улицам Тбилиси проследовали несколько колонн боевой техники — только по проспекту Руставели колонна в составе 10 БМД.

А теперь возвратимся к плану «операции Родионова», по докладной записке генерал-майора юстиции Васильева: «...силами специальных подразделений ОМОН-ов (гг. Пермь и Воронеж) и курсантов ВШМ (г. Горький), а также двух батальонов приданного парашютно-десантного полка надлежало блокировать все подходы к проспекту Руставели (улицы, выходящие непосредственно на проспект, а третьему парашютно-десантному батальону — улицы, выходящие на площадь Ленина... В составе 4-го мотострелкового полка находился расчет по применению спецсредств слезоточивого действия (о варварстве этого расчета речь пойдет ниже — И. Г.)... Основная задача возлагалась на 4-й мотострелковый полк — он должен был двигаться по проспекту Руставели от площади Ленина в направлении площади Республики (расстояние около двух км — И. Г.) по всей ширине проспекта тремя шеренгами за следующими впереди бронетранспортерами. Первому и второму батальонам 8-го мотострелкового полка надлежало выйти под прикрытием БТР-ов на проспект Руставели соответственно по улицам Чичинадзе и Читадзе, соединиться на лестнице перед Домом правительства и тем самым отсечь от основной части толпы участников голодовки, расположившихся на лестнице, для их последующей эвакуации... Около 24-х часов (за 4 часа до начала операции — И. Г.) генерал-майор Ефимов в штабе войсковой оперативной группы (ВОГ) поставил боевую зада-

чу врио командира 4 МСП подполковнику Бакланову и командиру 8 МСП полковнику Выстребенцу, после чего указанные лица соответственно во втором и третьем часу ночи провели рекогносцировку на местности с командирами своих подразделений. В тот же день в МВД Грузии был разработан и министром, генерал-лейтенантом Горгодзе утвержден план взаимодействия сил республиканской милиции с подразделениями ВВ в ходе операции. Общее руководство силами республиканской милиции возлагалось на начальника УВД Тбилгорисполкома подполковника Р. Гвенцадзе».

Таким образом, в 3 часа 30 минут подчиненные генерала Родионова были готовы к началу операции.

И вдруг, буквально за десять минут до рокового приказа «Вперед!» на проспекте взорвалась... песня — громкая, веселая, жизнерадостная. Красивый женский голос, словно вырвавшийся из рук голубь, устремился к небу. Песню подхватили. Пораженные солдаты увидели, как высокий парень, раскинув длинные руки, принялся танцевать, рядом поплыла в танце девушка, потом еще одна пара, вторая, третья, пятая, десятая... Танцевала вся площадь.

Между тем секундная стрелка на часах Родионова неумолимо приближалась к четырем часам утра.

Это время навечно остановилось на страницах истории Грузии, скорбным реквиемом вписалось в анналы Советского государства, КПСС, Вооруженных Сил СССР. Полыхают цветочные костры на проспекте...

Меня не было в те минуты на площади перед Домом правительства, поэтому я не вправе рассказывать о том, чего не видел собственными глазами. За меня это сделает московский журналист Юрий Рост. Виденное и пережитое он выразил в репортаже, который немедленно передал в свою редакцию — в «Литературную газету». Но редакция репортаж отклонила. Тогда журналист предложил его газете «Молодежь Грузии». Редактор Вахтанг Абашидзе поставил материал в номер от 13 апреля.

Вот он, репортаж обозревателя «Литературной газеты», ставшего очевидцем событий в ночь с 8 на 9 апреля:

ТРАГИЧЕСКАЯ НОЧЬ В ТБИЛИСИ

Слишком мало времени прошло с этой трагической ночи, чтобы осознать сложную ситуацию, которая привела к побоищу на площади перед Домом правительства.

Начавшиеся во вторник 4 апреля самовольные собрания довольно быстро сняли с повестки дня абхазский вопрос. Уже со среды начались голодовки на площади и непрекращающийся митинг, на котором лидеры неформальных объединений ставили вопрос о необходимости суверенитета Грузии.

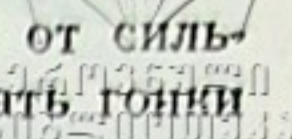
Митинг, проходивший 8 апреля, мало чем отличался по форме и содержанию от проходившего накануне.

Площадь была запружена народом. По моим подсчетам, там было до 10 тысяч человек, часть из которых сидела на тротуаре, часть стояла на мостовой и на другой стороне проспекта.

Приблизительно в 3.30 утра у микрофона появился патриарх-католикос Илья II, который сказал, что, по имеющимся у него сведениям, возможно применение силы для очистки площади. Он призвал всех покинуть улицу и отправиться в церковь. Однако демонстранты отказались покинуть свои места, хотя все, и организаторы митинга, и его участники знали, что на площади Ленина в готовности стоят войска и боевые машины. По проезжей части проспекта бегали люди, призывая всех зайти на тротуары и не проявлять агрессивных действий по отношению к солдатам, которые выполняют приказ. В четыре утра без предупреждения четыре бронетранспортера, выстроившись в линию, двинулись по улице со скоростью километров десять в час. К этому моменту мостовая была очищена самими демонстрантами. Пропустив машины, толпа сомкнулась. Следом за бронетранспортерами шли солдаты в бронежилетах со щитами и дубинками. Оказавшись перед линией людей, они остановились.

Я был в метрах пяти от противостояния, слышал крики. Какая-то женщина бросила в строй туфлю. Возможно, кто-то из собравшихся проявил несдержанность, хотя на митинге призывали к непротивлению. Камней, палок в этой фазе драмы я не видел.

Затем, словно по команде, взметнулись дубинки. Из боковой улицы вышли другие группы солдат. У кого не было дубинок, пользовались саперными лопатками. Солдаты стали теснить демонстрантов, которые активно сопротивлялись. В ход пошли камни, палки, выломанные тут же из ограждения, дубинки, отобранные у солдат. Кто, не успев убежать, остался за линией цепи и спрятался в кустах, надеясь спастись, — оказались ранеными. В убегающую толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Одна граната упала рядом со мной. Резкая боль в глазах, слезы не давали снимать. В возникшей

панике толпа бежала по тем, кто не смог оправиться от сильных ударов по голове, и по тем, кто не смог выдержать гоним и упал. Не успев увернуться от удара, я получил по спине дубинкой и побежал к улице Джорджиашвили, пряча аппарат под курткой.

В течение часа проспект был очищен от демонстрантов. На мостовой остались камни, разбитая видеокамера, вещи и несколько автобусов и грузовиков, которыми демонстранты закрыли основные улицы и проспект, защищаясь от возможной танковой атаки.

Утром 9-го в больницах была оказана помощь пострадавшим от ударов «тупыми и режущими предметами», от отравления не известным врачам «токсичным газом», вызывающим сыпь и удушье. На стенах были вывешены списки ста пятидесяти пострадавших и погибших. Среди шестнадцати трупов — четырнадцать женщин. Старшей из тех, что я видел, лет семьдесят. Младшей — лет шестнадцать-семнадцать.

Пострадало девяносто солдат и милиционеров. 9 апреля по городу ездили машины с черными лентами и включенными сигналами. В больнице № 1 из морга группа людей взяла трупы, чтобы отнести их в церковь Сиони. Прибывшие войска разогнали попытку этой демонстрации. Выстрелами прямо из кабины проезжавшего ГАЗ-66 были ранены несколько человек. Одного из них, 13-летнего мальчишку, — Левана Чанадири, который держался молодцом, я помогал доставить в приемный покой. В тот же день были арестованы пятеро лидеров радикальных неформалов.

В 22.55 по местному телевидению выступил комендант Тбилиси генерал-полковник Родионов, который объявил что с 23 часов 10 апреля, т. е. через 5 минут вводится комендантский час. Многие жители, не зная об этом, оставались в городе.

В эту же ночь было подвергнуто задержанию более 300 человек. Четверо ранено, один из них в критическом состоянии. Войсковые подразделения и боевые машины блокировали мосты, расположились вблизи важных объектов.

Вчера, хотя часть предприятий приступила к работе, обстановка в городе оставалась довольно напряженной. Над Тбилиси летают вертолеты, постоянно передвигаются танки и бронетранспортеры, слышатся предупредительные автоматные очереди в местах, где скапливаются люди. Патрули снимают с машин черные ленты и бордовые с черным знамена...

Для разработки мер по нормализации положения в Тбилиси прибыли член Политбюро Э. А. Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС Г. П. Разумовский. 11 апреля — объявлен днем траура.

По горячим следам безответственно делать выводы в столь сложной обстановке, однако безусловно то, что, с одной стороны, никакими политическими программами невозможно оправдать гибель ни в чем не повинных людей, и с другой — защита государственных интересов, то есть интересов людей, методами, подвергающими опасности жизнь этих людей, категорически неприемлема.

Разгоны несанкционированных митингов и демонстраций подобными средствами приносят нашей стране, вставшей на путь демократизации, гораздо больше вреда, чем сами эти митинги и демонстрации, даже если их квалифицировать как многотысячные «сборища, инспирированные кучкой экстремистов».

Юрий РОСТ

Опубликование этого репортажа вызвало два инцидента: первый — узнав о том, что «молодежка» печатает этот материал, генерал Родионов приказал остановить процесс печатания. Военные ворвались в типографию и конфисковали тираж номера, хотя четыреста экземпляров все же просочились в город.

Второй инцидент — утром вызвали в ЦК КП Грузии редактора В. Абашидзе и сообщили, что он снят с должности за опубликование крамольного материала. Особенно гневался заведующий сектором прессы ЦК КПСС Бакланов, требуя строгого наказания строптивого редактора (с этим Баклановым мы еще встретимся). Но произошло... чудо: Абашидзе не сняли!

Редактор первый же удивлялся:

— До сих пор не могу понять, кто, почему и каким образом оставил меня на работе. Ведь Бакланов был не на шутку разъярен!..

Но почему «Литературная газета» не опубликовала репортаж своего сотрудника? Редакция полностью игнорировала и факт, и суть 9 апреля — это событие газета не прокомментировала до сегодняшнего дня, будто его вовсе не было.. Оставим это на совести ее редактора и редколлегии.

Свидетельствует Ю. Рост (имею в виду его беседу с Т. Степановым «Заговор против правды». «Искусство кино», № 8, 1989): «Позвонил в свою редакцию. В ответ уелышал. посоветуемся... Потом, спустя какое-то время, после очередного звонка, слышу: «Да, прочли, но... почему вы не пишете, что погибли четыре солдата?» Говорю: «Не было этого!» — «Не было?! Ну, не знаем... А то что готовился захват Дома правительства?» — «И этого не было!» Словом, все мои попытки пробить репортаж в свою газету успеха не имели... Но я не виню редактора. Это была установка свыше для всех центральных изданий».

Кстати, в центральной прессе лишь одна газета «Московские новости» объективно откликнулась на события 9 апреля, в номере за 23 апреля:

«Перед отъездом в Тбилиси, — писал парламентский обозреватель Андрей Романов (фото Павла Кассина), — чего только не слышали. «Разгул национализма», «антирусские настроения», «грузины собираются мстить». Свидетельствуем: ничего этого нет и в помине. Грузинский народ не пятнает свою скорбь изменными чувствами.

И прежде всего именно этому народу предстоит самому разобраться в моральной ответственности грузинских участников трагедии. Мы же обязаны сказать о своем. Среди тех парней в форме, которые ночью с 8 на 9 апреля, прикрываясь щитами, вступили на площадь перед Домом правительства, большинство были, как и мы, русскими. И тени безвинно погибших встали между народами. Потому мы приносим свою часть покаяния людям Грузии».

Что стало бы с человечеством, если б не было людей незлобных, доброжелательных, красивой души?..

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ К КЛАДБИЩУ

Штаб Закавказского военного округа.

Занимает он не одно здание — целый комплекс зданий, смотрящих своими окнами-глазами на дорогу к кладбищу. Сравнительно недавно штаб округа размещался в старинном особняке на площади Ленина. Сейчас он здесь, на улице, соединяющей две части города — Ваке и Сабуртало. Вначале разделял их скальный массив, срыли его. Построили дома, потянулись в небо этажи военного ведомства.

Меня встретил молодой адъютант. Открыл дверь кабинета и доложил с порога: «Журналист Ираклий Гоциридзе прибыл!»

Вошел в кабинет. Ко мне направились двое военных: среднего роста, худощавый генерал армии, за ним — представительный голубоглазый генерал-полковник.

— Кочетов, — негромко представился генерал армии, протягивая руку. На его интеллигентном лице играла улыбка. — Ну что, пришли по наши грешные души?

«По наши грешные души?» О чем это он? Что это — признание вины, или издевка со скрытой угрозой?

Времени для раздумья не было. Ответ нашелся немедленный.

— Что поделаешь, — отвечаю, — Сейчас не 1956 год, когда расстреляли безоружных людей и не дали спросить: за что? Теперь гласность.

— Да, да... — как бы про себя сказал генерал, и тень мелькнула в его глазах.

— Для меня приятная неожиданность — знакомство с вами, — сказал я.

— Благодарю, — спокойно ответил генерал и вновь улыбнулся.

— Разговор со мной, как и с хозяином этого дома, будет одинаковым, так что я вас покидаю. Игорь Николаевич, займись гостем. Если понадобится — к вашим услугам. До свидания.

Он повернулся и вышел.

Это был Константин Кочетов, первый заместитель министра обороны СССР, в отношении которого я через два месяца потребовал возбудить уголовное дело...

— Прощу! — пригласил хозяин кабинета, когда мы остались одни, и широким жестом указал на кресло.

Вот он, оказывается, какой — Родионов!

Вы, наверное, уже догадались, кто был хозяином кабинета — командующий войсками КЗакВО.

— Красиво, не правда ли? — с гордостью спросил генерал, заметив, что я не отвожу взгляда от огромного стенда с центральной частью города.

— Действительно, красиво, но... — сказал я, удивленный, — впервые вижу план нашего города столь крупного масштаба. Отсюда даже виден мой дом, вон там...

Генерал снова засмеялся.

— Что это за цветные квадраты и треугольники? Или эти стрелы?..

— Условные знаки... С той демонстрацией связанные... — уже неохотно ответил он. — Вы, разумеется, знаете, что я был против участия армии в пресечении митинга...

— Были против?

— Да! А вы не знали?!

Так начался наш первый с Родионовым разговор, который продолжался 2 часа 40 минут.

Правда, Родионов первый «включил часы» и сделал свой «первый ход», но до начала разговора мне предстояло решить один «организационный» вопрос.

— Игорь Николаевич, — сказал я, — нам, наверно, предстоит разговор о чрезвычайно значительных моментах и, может быть, имеет смысл пригласить стенографистку для записи. Возможно, я допущу какую-либо неточность. Согласитесь: трудно беседовать и одновременно записывать с точностью. Если у вас нет стенографистки, то я...

— Что вы, Ираклий Прокофьевич! — прервал меня генерал. — Я не тот человек, который может отказаться от сказанного. Что сказал — за то готов держать ответ. К чему такие формальности?

Я понял, что генералу не по душе мое предложение — его не устраивало создание какого-либо документа о событиях 9 апреля. Хорошо, что не успел ему сказать: имею, дескать, при себе японский микродиктофон — запишем нашу беседу. Совсем, думаю, он отказался бы от разговора со мной. А что если мне потребуется подтвердить сказанное им?

Итак, я включил диктофон и сделал ответный «первый ход»: попросил генерала помочь мне разобраться в том плане, который так «красиво» был развернут на стенде. Командующему, понятно, не понравилась моя такая любознательность, однако, исходя из ситуации, он не отказал в ответе.

Он сообщил, что план ликвидации митинга составили командовавший группой внутренних войск МВД СССР генерал-майор Ю. Ефимов и министр внутренних дел Грузинской ССР генерал-лейтенант Ш. Горгодзе. Родионову его представили на утверждение после полуночи, за три часа до начала операции.

— Кочетов принимал участие в рассмотрении и утверждении плана?

— Принял, — ответил генерал.

— Вы сказали, что были против участия армии в разгоне демонстрантов. Кто же заставил вас разогнать их?

— Во-первых, — поправил меня генерал, — мы никого не разогнали, мы освободили площадь перед Домом правительства от хулиганствующей толпы и защитили телестудию от нападения экстремистов. Это разные вещи. Выполнение этой задачи мне было поручено бюро Центрального Комитета Компартии Грузии.

— Разве поручение партийного органа является для вас приказом?

— Я член бюро и обязан выполнять его решения.

— В то же время вы командующий войсками округа и не провели бы эту операцию без приказа вашего непосредственного начальника. Не так ли?

— Мой непосредственный начальник такого приказа мне не давал.

— Скажем, не приказывал. Разрешение давал?

— Разрешение?.. Скажем, разрешил, — генерал забарабанил пальцами по столу и недобро усмехнулся.

— Персонально кто разрешил? За исключением Кочетова, разумеется.

— Кто разрешил? Руководство министерства.

— Персонально?

Генерал принялся постукивать по столу пальцами и второй руки.

— Скажем, министр, — сказал он и снова зло усмехнулся. — Удивляюсь, почему вы хотите обвинить в трагедии Москву? Все к тому клоните. С какой целью? Лучше разберитесь с тем, почему довели дело до точки кипения ваши экстремисты. Так обнаглели, что, не применив силу, их не успокоишь! Знаете, какие лозунги они выдвигали? Видели?

— Видел.

— Ну?

— Игорь Николаевич! — сказал я, — как понять такое: до этого вы сказали, что были против использования армейских частей для разгона демонстрантов, теперь говорите — «не успокаиваются, пока не применишь силу». Это ведь взаимоисключающие позиции!

— Вы не правы, — генерал расправил широкие плечи и положил большие кулаки на стол, — давайте скажем откровенно. Что происходит в нашем государстве с 1985 года? Это не государство, а страна анархии! Только у вас? В других ме-

стах что происходит?! А власти не имеют сил для установления общественного порядка — не хватает войск внутренней службы. Просто позор! Скажите, пожалуйста, разве достаточно одной дивизии имени Дзержинского для такого огромного города, как Москва? В других местах и того меньше. Поэтому мы вынуждены устанавливать порядок. Мы воюем, мы проводим военную подготовку, чтобы всегда быть готовыми отразить нападение империалистов, мы участвуем в сельскохозяйственных работах, мы строим, мы помогаем людям во время стихийных бедствий. И общественный порядок должны защищать!..

— Одно мне скажите: как знаю, в разгоне 9 апреля...

— Не употребляйте это слово.

— Вам не нравится слово «разгон»? Хорошо. Скажите, пожалуйста, как я знаю, в акции 9 апреля принимали участие части вооруженных сил Министерства обороны СССР и МВД СССР...

— Подразделения...

— Пусть будет по-вашему: подразделения. Кто объединил два эти министерства в этом деле?

— Не знаю.

— Так как же перешли в ваше распоряжение части внутренней службы, простите — подразделения?

— Обыкновенно: подчинили мне, как лицу, старшему по званию и должности.

— Кто и как? Генерал-майор внутренней службы Ефимов представился и доложил: товарищ командующий, желаю перейти в ваше распоряжение со своими подразделениями?

— Наверное, приказал тот, в чью компетенцию это входит.

— Игорь Николаевич, — сказал я, — вы коммунист и должны говорить только правду. Так ведь учил Ленин. К тому же сейчас гласность. Скажите, кто объединил эти два министерства для совместного проведения этой операции?

Генерал усмехнулся, выпрямился в кресле.

— Вы странный человек, Ираклий Прокофьевич. Кто обладает этим правом в нашем государстве? Высшей компетенцией?

— Политбюро?!

На напряженном лице генерала заалели щеки.

— Но не является ли Политбюро несколько абстрактным понятием в этом конкретном случае?.. Персонально кто решил этот вопрос?

— Если скажу, что Генеральный секретарь?..

В кабинете воцарилась тишина. Мы в упор смотрели друг на друга.

— Не верю, — сказал я, — Прежде всего: где свидетельствующий об этом документ? Во-вторых, Генеральный секретарь в те дни находился в Великобритании.

— Разве это имеет значение, где он был? — откровенно рассмеялся генерал. — Если он здесь не был, то этот вопрос разрешил бы тот член Политбюро, кто имеет на это право. Вы удовлетворены ответом?

— Беспредельно.

Для каждого, кто так или иначе знаком с иерархической лестницей нашего государства, не составит большого труда «вычислить» с максимальной точностью должностных лиц, которые могли сказать решающее слово в разрешении этого вопроса. По моему «расчету» ими могли быть Георгий Разумовский, Виктор Чебриков или Егор Лигачев. Так оно и было. Только об этом подробнее позже.

— Теперь объясните, — продолжал я, — как случилось, что за каких-то 20 минут погибли 16 человек, при этом 14 женщин? И считаете ли вы себя ответственным за это.

— Я не считаю себя виновным, поскольку военнослужащие никого не убили, — ответил генерал. — Женщины! Знаете, кто убил женщин? Экстремисты. Они, как щитами, прикрывались женщинами с целью защиты и так сражались с солдатами.

Не считайте за похвальбу, но должен сказать, что нервы у меня крепкие. Как услышал это, сразу не сообразил, смеется этот человек надо мной или невиданную наглость проявил, однако сдержал себя. Я засмеялся, а Родионов с удивлением посмотрел на меня...

— Знаете ли грузин как нацию? — спрашиваю его с улыбкой.

— С мая прошлого года, когда меня сюда перевели. До этого, представьте, ни одного грузина не имел среди знакомых! Я очень уважаю грузинский народ. Почему вы улыбаетесь?..

— Чтобы грузин вы уважали в большей мере, раскрою вам характерное свойство: грузин-мужчина, даже если он будет разбойником, никогда не прикроется женщиной, как щитом, в целях самообороны.

— Почему? — искренне удивился генерал.

— Потому что грузин по своей натуре рыцарь. Однако

перейдем к другой теме. Почему вы применили против митингующих и голодающих отравляющие вещества?

— Клевета! — твердо сказал командующий. — Эти 16 человек погибли в давке. Экстремисты не дали возможность людям бежать, и они друг друга раздавили... Все погибшие имеют один диагноз — асфиксия.

Обратите внимание: наша беседа велась 13 апреля — значит, в течение пяти дней военные во главе с Родионовым скрывали факт применения химических средств, а врачи оставались в растерянности, не зная, что за газы были применены.

Разговор с командующим вооружил меня чрезвычайно важной информацией в плане правового аспекта явления. Хочу выделить два факта: первый — генерал признал, что разрешение на разгон демонстрации вооруженными силами было дано высшей инстанцией управления нашего государства — Политбюро; второе — руководство разгоном ему поручено самим министром обороны. Правда, для абсолютной уверенности эти факты предстояло проверить из других источников, но само по себе сказанное мне генералом свидетельствовало о том, что я стоял на пороге серьезных «открытий».

Поэтому на второй день, придя в Центральный Комитет Грузии для встречи с Патиашвили, я передал Шеварднадзе через его помощника, что в разговоре со мной Родионов коснулся двух значительных моментов, которые я решил исследовать до конца.

Прошло два-три дня, и мне неожиданно позвонил адъютант Родионова — майор Данилов — дескать, командующий хочет встретиться с вами, и если сможете, просьба прийти. Я по какой-то причине отказался — понял, почему зовет. Через два дня — новый звонок. И тогда нашелся какой-то предлог для отказа.

7 мая командующий меня «подловил» — в восемь часов утра позвонил лично: «Сегодня воскресенье и, может, сейчас подъедете ко мне». 7, 8 и 9 мая, действительно, были нерабочие дни, отказать уже было нельзя — и я поехал.

Генерал встретил меня прямо-таки сердечно. Усадил напротив себя, сказал, что нравятся ему грузинские вина: будем разговаривать и пробовать их. Я отказался, за рулем, дескать, и спросил, чем могу быть полезным.

— Знаете ли, — сказал он, — во время нашего первого разговора, думаю, вы некоторые вещи неверно поняли, а, возможно, я не совсем точно выразил свою мысль. Конкретно, что я имею в виду. А то, что вы подумали, будто Полит-

бюро решило вопрос отправки в Тбилиси вооруженных сил. Я этого не говорил и этого в действительности не было. И того я не говорил, будто министр обороны назначил меня руководителем пресечения демонстрации и комендантом города. Во всем виноват я — бюро Центрального Комитета Компартии Грузии попросило установить порядок на площади, и я сам себя назначил руководителем этой операции и комендантом города, как старший по званию.

Я с улыбкой слушал генерала. Понял, в какое положение он попал из-за той «откровенности» в разговоре со мной 13 апреля.

— Теперь об этом поздно говорить, — отвечаю генералу, — я не только не «забуду» сказанного тогда, напротив, постараюсь из других источников подтвердить услышанные от вас сведения.

Одним словом, мы с генералом не договорились, хотя час 50 минут спорили по этому вопросу.

— Игорь Николаевич, — перевел я разговор на интересующую меня тему. — Скажите, в чьих руках реальная власть в республике, в ваших или Патиашвили?

Мой вопрос явно не понравился генералу.

— Конечно же, правительства и ЦК Компартии Грузии. Мы, военные, во внутреннюю жизнь республики не вмешиваемся. Я являюсь лишь одним из членов бюро ЦК, так что...

Зазвонил телефон. По той поспешности, с какой генерал поднял трубку, я понял, что звонили «сверху». Я со своего места услышал слова телефонистки: «Товарищ командующий, с вами будет говорить министр...».

Родионов посмотрел на меня, показывая всем своим видом, что я здесь лишний, однако я не проявил вежливости и остался в кресле.

— Здравствуй, — послышалось из телефонной трубки.

— Здравия желаю, товарищ генерал армии!

— Поздравляю с наступающим Днем Победы!

— Спасибо! Вас также поздравляю от имени всего состава военного округа, товарищ генерал армии!

— Как там дела?

— В Степанакерте весьма напряженное положение. Как и вчера, не работает ни одно предприятие и учреждение. Сегодня в Ереване проходит 200-тысячный митинг. Эксцессов нет.

— М-да, а на той стороне?

— В Азербайджане тяжелая обстановка, но чуть поспокойнее.

— А у тебя там?

— В Тбилиси положение почти нормализовалось, нет нарушений общественного порядка, хотя в целом чувствуется внутреннее напряжение.

— Понятно, — сказал министр. — Что-нибудь нужно?

— Ничего, товарищ генерал армии. Все выполняется по указаниям.

— Ну, пока.

Я слушал этот диалог и думал, какое это счастье, когда телефонная связь, хотя бы для генералов, работает хорошо. Слышимость с Москвой была такая, словно я сидел за одним столом с министром и тихо беседовал. И второе: хорошо это или плохо, когда военный министр столь заинтересованно следит за внутренней жизнью союзной республики? Неужели действительно в этом основное назначение Советской армии?..

Конечно, найдутся люди с другим мнением. Но факты говорят сами за себя — о них я скажу ниже.

Короче, безрезультатно для Родионова закончилась наша встреча 7 мая в его кабинете. При расставании он, словно утопающий, попытался ухватиться за соломинку:

— Я все же надеюсь, что вы учтете сказанное мною сегодня.

К огорчению генерала, моя гражданская и журналистская совесть не позволила выполнить его пожелание: наутро я позвонил председателю комиссии Президиума Верховного Совета Грузинской ССР по изучению обстоятельств 9 апреля профессору Тамазу Шавгулидзе и сообщил, что встречался с Родионовым и считаю необходимым доложить комиссии содержание нашего разговора.

Комиссия с особым вниманием выслушала меня. Родионов оказался для нее неодолимой крепостью — командующий демонстративно игнорировал этот специально созданный орган парламента республики — не явился на заседание для дачи показаний, отказался говорить с представителем комиссии — генерал-лейтенантом Ираклием Джорджадзе о событиях 9 апреля. «Правда, вы, генерал-лейтенант, являетесь моим педагогом по Академии Генштаба, но об этой акции я вам ничего не скажу».

Родионов не принял и народного депутата СССР академика Андрея Сахарова, специально приехавшего в те дни в Тбилиси для изучения на месте обстоятельств, связанных с тра-

гедней. Но А. Сахаров не остался без интересующей его информации — мы встретились с ним, и я передал ему суть разговора с генералом и как депутату вручил официальное письмо о первых результатах моего расследования. Аналогичную встречу в те дни я имел с Борисом Ельциным, который приехал в Тбилиси, чтобы также самолично разобраться в событиях. «У меня есть сомнения в том, что министр Язов является высшей инстанцией, давшей распоряжение о применении военной силы в Тбилиси, хотя к нему ведут все дороги», — сказал я. Ельцин в ответ улыбнулся: «Я его хорошо знаю и уверен — без звонка сверху — он не проявил бы такого рвения».

Представленные мною факты настолько заинтересовали членов комиссии, что народный депутат СССР академик Тамаз Гамкрелидзе предложил созвать специальное заседание для более подробного доклада.

Когда в городе распространился слух о моих встречах с Родионовым, ко мне пришел корреспондент республиканской газеты «Молодежь Грузии» и поинтересовался подробностями расследования. Я согласился дать интервью, которое было опубликовано 27 мая 1989 года.

ДАЛЬНОБОЙНЫЕ ОРУДИЯ ЛЖИ

...В те дни в Москве работал первый Съезд народных депутатов СССР.

Вечернее заседание 30 мая проходило драматично. Никого не оставило равнодушным эмоциональное выступление депутата Тамаза Гамкрелидзе, всемирно известного грузинского ученого-языковеда, лауреата Ленинской премии. Он, в частности, сказал:

— Проявлением высшего цинизма, оскорбляющего национальное чувство всего населения нашей республики, является то, что генерал-полковник Родионов все еще восседает на Съезде народных депутатов СССР как избранник и представитель грузинского народа, несмотря на то, что его избиратели уже выразили ему как депутату недоверие и отозвали его в соответствии с действующей Конституцией. Генерал-полковник Родионов не имеет ни морального, ни юридического права оставаться народным депутатом от Грузии. Народный депутат СССР должен все же осознавать, что он избранник народа и защитник его интересов, а не его каратель.

И тут произошло неожиданное. Словно демонстративно

выразив свою позицию, председательствовавший на заседании Рафик Нишанов, председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, предоставил слово Родионову.

Генерал строевым шагом прошел к трибуне и первым делом потребовал не ограничивать его выступление регламентом.

— Пожалуйста, — ответил Нишанов.

— Поглядим, решим. Такой сложный вопрос, — добавил М. Горбачев.

Почувствовав поддержку, генерал грозным взглядом окинул зал и начал. Это была речь скорее прокурора, обвинителя с той разницей, что в каждой фразе была ложь, был цинизм, была демагогия.

«Над центральным проспектом города день и ночь раздавались гнусные призывы к физической расправе с коммунистами, разжигались антирусские и националистические настроения... Группы хорошо обученных, организованных людей повсюду сеяли смуту, раздор, беспорядки... создавалась реальная угроза захвата жизненно важных объектов республики. На митинге к ним обратился уважаемый глава церкви, чтобы люди разошлись, обратился к их благоразумию, но у него вырвали из рук микрофон и не дали договорить и через этот микрофон призвали толпу людей к сопротивлению... Саперные лопаты были у личного состава, как принадлежность экипировки, потому что солдату нужно было чем-то защититься... Сколько пробитых касок, сколько пробитых бронежилетов!»

Я видел это выступление по телевизору и мне стало не по себе. Уверенный в своей правоте, самодовольный — таким выглядел Родионов на трибуне, с высоты которой он говорил неправду. И я думал: как страшен человек, когда в нем нет ничего от человека, и от Бога, он может говорить и делать все, что угодно и как угодно, и нет у него страха ни перед кем, потому что он знает: вокруг — ему подобные, у них нет ни времени, ни желания глубоко вникнуть в суть события, проанализировать, сопоставить друг с другом явления и факты. Погибли люди, умерли ни в чем не повинные девушки, юноши, мамы и бабушки, сотни других находятся в больницах на излечении, а в словах выступающего нет даже тени сожаления, скорби по поводу случившегося. Напротив, он обвиняет погибших, хотя погибли они по его вине!

Что это: цинизм или нечто большее?!

Родионов говорил громко, самоуверенно, как и подобает генералу, защищающему мундир. Что ни слово — ложь, что

ни факт, то — с ног на голову. А потом он демагогически набросился на мое интервью в «Молодежи Грузии».

— В последнее время в Грузии самая злобная газета «Молодежь Грузии». Она опубликовала новый провокационный пасквиль, где пытается все свалить на высшее военное и политическое руководство страны. Кстати, я уверен, что провокация во имя этого и готовилась. Я прошу комиссию Верховного Совета разобраться в провокационной публикации «Молодежи Грузии».

Выступление Родионова вызвало бурю возмущения в Грузии. В правительство, ЦК партии, в редакции средств массовой информации посыпались письма, телеграммы:

«До глубины души возмущены бессовестной ложью генерала Родионова относительно трагических событий в Тбилиси! Академик А. Зурабашвили, академик С. Хечинашвили, академик Н. Джавахишвили, академик Б. Нанейшвили».

«Генерал Родионов своим необъективным выступлением нанес вред межнациональным отношениям в Грузии куда более ощутимый, чем все лозунги, которые были выдвинуты наиболее радикальными неформальными организациями. Грузинский народ настаивает на своих суверенных правах, и все честные люди любой национальности, проживающие на территории Грузии, солидарны с этими требованиями. Кандидат технических наук О. Вербицкая, сотрудник ГПИ им. Ленина В. Тер-Погосян, С. Сантресян».

«Играя на национальных чувствах русского народа, генерал Родионов тем самым хотел отвести от себя последствия трагедии 9 апреля в Тбилиси, руководителем и вдохновителем которой был сам. Как можно было слушать и аплодировать его клеветническому выступлению, когда в больницах лежат сотни людей, в их числе наши учащиеся, получившие химическое отравление благодаря «героизму» Родионова. Работники профсоюза текстильной и легкой промышленности Грузии».

Таких писем было тысячи.

А это официальное письмо, адресованное Президиуму Верховного Совета СССР:

«Требование об отзыве депутата.

Коллектив Боржомского стекольного завода единогласно возбуждает вопрос перед Президиумом Верховного Совета СССР об отзыве депутата по Боржомскому избирательному округу № 660 Родионова И. Н. как депутата, не оправдавшего доверие нашего коллектива.

От имени коллектива Боржомского стекольного завода

В. Куртанидзе, З. Березовская, Н. Ревазишвили, Р. Шамшарян и другие».

Это требование было направлено в Президиум Верховного Совета СССР еще 18 мая 1989 года. Но генерал Родионов продолжает пребывать на своем депутатском посту.

Не смутило его и письмо директора Абастуманской астрофизической обсерватории академика Е. К. Харадзе, который сообщил, что коллектив грузинских астрономов постановил лишить генерала Родионова депутатских полномочий и официально информировал об этом Президиум Верховного Совета СССР.

По выступлению на съезде стало ясно, что газету с моим интервью Родионову доставили в тот же день. Возвратившись из Москвы, генерал срочно созвал пресс-конференцию военных журналистов и политработников Закавказского военного округа, на которой обвинил меня во всех смертных грехах, не стесняясь в выражениях, а еще через несколько дней выкатил новое дальнобойное орудие — выступил в той же «Молодежи Грузии» с большой статьей под кричащим заголовком: «Открытое письмо в редакцию газеты «Молодежь Грузии».

Даже отдельных выдержек из пространныго письма достаточно, чтобы понять, как лгал этот высокопоставленный генерал, уверенный в поддержке высших инстанций:

«...И. Гоциридзе, опираясь на непроверенные слухи, а зачастую и откровенную ложь, извращает, фальсифицирует мою роль как командующего войсками округа в печально известных событиях в Тбилиси. Было сделано все, чтобы избежать жертв среди населения, и не вина военных, что настойчивым усилиям (словесные предупреждения, уговоры разойтись) были противопоставлены камни, доски, арматура и другие средства из «джентльменского набора экстремистов».

«Грузинский журналист любым путем пытался в ходе беседы узнать, кем «свыше» было дано указание мне на «разгон митинга в Тбилиси», кто дал санкцию на объединение двух министерств (МВД и МО) в единых руках. Чтобы добиться поставленной цели, Гоциридзе использовал все свое красноречие, пускался на различные хитрости, уловки. И был очень разочарован, когда ему не удалось заполучить то, на что рассчитывал. А по-другому и быть не могло. Повторяю еще раз: задачу на вытеснение демонстрантов у Дома правительства войска получили после принятого на заседании бюро ЦК Компартии Грузии решения».

«Перед военнослужащими стояла лишь одна задача: не разгонять, как утверждают неформалы и недобросовестные журналисты, демонстрантов, а вытеснить их от Дома правительства. Это совершенно разные вещи. Разгон предполагает самые решительные меры, вплоть до привлечения различных средств, которые используются для наведения общественного порядка, а в процессе вытеснения ставилась задача медленного, наступательного продвижения вперед, предупреждая собравшихся о том, чтобы они покинули площадь...»

«Гоциридзе страстно желал добыть от меня доказательство того, что трагедия 9 апреля — это рука Москвы. Никакого специального указания из Москвы не было и не могло быть. Хотя лживый журналист утверждает, что какое-то распоряжение «из центра» все же «получили в Тбилиси».

«Вымышленным является и следующий эпизод: журналист преподносит все так, будто я сказал, что получил «добро» от Министерства обороны СССР. Не было этого. Как не было моего разговора с министром обороны СССР, на который намекает Гоциридзе».

«Видимо, отправляясь на встречу со мной, Гоциридзе с самого начала имел намерение снять ответственность за случившееся с экстремистов, с некоторых бывших и нынешних руководителей республики, переложить всю ответственность на высшее политическое и военное руководство страны, на меня как командующего войсками Краснознаменного Закавказского военного округа, а в моем лице — воинов Советской Армии».

В день выхода газеты мне позвонил ее редактор В. Абашидзе и сказал, что, опубликовав письмо генерала Родионова, редакция не отказывается предоставить такую же возможность и мне, если я пожелаю воспользоваться ею. Я тут же сел и написал ответ, он был необходим для окончательного разоблачения демагогии командующего.

Ответ был опубликован 18 июля 1989 года, уже в следующем номере «Молодежи Грузии». Вон он.

**«НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ» — ГОВОРИЛ
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ**

**(по поводу открытого письма генерал-полковника
И. Родионова)**

Уважаемый редактор! В минувшую субботу я прочитал в вашей газете открытое письмо командующего ЗакВО генерал-полковника И. Родионова. Несмотря на то, что в этом пись-

ме содержатся, мягко говоря, нелицеприятные высказывания в мой адрес, я приветствую ваше решение опубликовать данное письмо. Это решение полностью совпало с мнением комиссии Президиума Верховного Совета ГССР, ибо, хотя комиссия Съезда народных депутатов СССР обратилась к средствам массовой информации с просьбой избегать публикаций на данную тему до окончания ее работы, но военная пресса игнорирует эту просьбу, и поэтому нельзя оставить ее выступления без ответа. Более того, несомненно, что диалог на данном этапе не помешает, а, наоборот, будет только способствовать работе комиссии и установлению истины. Хочу выразить вам свою признательность за то, что вы предоставляете страницы газеты для диалога и той, и другой стороне.

Читая письмо, я, честно говоря, постоянно ловил себя на мысли — действительно ли его писал Родионов. И знаете почему? Я несколько раз встречался с командующим, и каждый раз он был вежлив и корректен в высшей степени. А тут такой сюрприз: Гоциридзе — «зарвавшийся интриган», «лживый журналист», «пускался на различные хитрости, уловки»... Может, действительно, кто-то написал это письмо за него, а он взял, да не прочитав его, подписался и отправил в редакцию? Тут мне вспомнился один эпизод. Телеграмма от 9 апреля, отправленная из Тбилиси в ЦК КПСС, прочитанная на Съезде народных депутатов СССР и так возмутившая всю общественность Грузии, мне точно известно, была составлена Б. Никольским. Но подписал ее Патнашвили, поэтому именно он в ответе перед народом за ее содержание. То же самое и тут — автором этого письма является, конечно, только Родионов. Но оскорбительные эпитеты не главное в данном случае, поэтому я на них смотрю с улыбкой. Мне хочется остановиться на более серьезных вопросах, которые возникают после прочтения письма.

Вначале о претензиях генерал-полковника в отношении магнитофонной записи нашей беседы. Командующий обвиняет меня в том, что я произвел магнитофонную запись «скрыто, напрочь откинув такое понятие, как элементарная порядочность, поскольку кодекс журналистской этики предполагает перед началом беседы попросить у интервьюируемого разрешение на использование магнитофона, видеокамеры и т. д.». И еще, будто я, «горячо давал слово мужчине, что буду предельно объективен, и прежде, чем дать в печать какую-либо информацию, обязательно ознакомлю командующего с текстом». Хочу напомнить вам, генерал-полковник, что во время

нашей первой встречи в вашем кабинете, 13 апреля, когда нас покинул генерал армии Кочетов и мы с вами остались вдвоем, первое, с чего я начал, это попросил пригласить вашего стенографиста, с тем, чтобы он произвел полную запись нашей беседы, один экземпляр которой остался бы у вас, а второй — забрал я. Вы категорически отказались, сказав, что не относитесь к тем людям, которые говорят что-то, а потом отказываются от своих слов. Я беседовал с генералом Шиловым, Патиашвили, Попхадзе, многими другими высокопоставленными лицами, и все записи — стенографические или магнитофонные — у меня есть. Вы были единственным, кто отказался. Я предполагал, что вы откажетесь, предполагал, догадывался, хотя бы потому, что многолетний опыт журналиста дал мне определенные знания, развил интуицию. Я знал, что разговор пойдет об очень серьезных вещах, и поэтому необходимо его документально зафиксировать. Если бы после вашего отказа вести стенограмму я достал бы магнитофон, беседа наша, я убежден, не состоялась бы вообще. Поэтому я включил его в кармане. Разговор состоялся, и он зафиксирован и для суда, хотя магнитофонная запись не имеет юридической силы, и для истории, наших потомков. По сей день уверен, что я поступил правильно, поступил так, как поступил бы на моем месте любой журналист.

«Никаких пленок в Главной военной прокуратуре нет и туда не поступало», — заявляете вы. Интересная постановка вопроса! Вы считаете, что прокуратура сказала вам правду? Но если, по-вашему, она сказала правду, то подумали ли вы, что скрывается за этим разглашением следственного процесса? А скрывается то, что военная прокуратура, расследующая ваш вопрос, и вы — связаны! И эти отношения никак не похожи на отношения следствия и подследственного! Этим вы, генерал-полковник, явно пошатнули авторитет заместителя Главного военного прокурора В. И. Васильева, возглавляющего расследование вашего дела!

Вы пишете: «Гоциридзе страстно желал добыть от меня доказательства того, что трагедия 9 апреля — это дело рук Москвы». Еще во время нашей долгой первой беседы я говорил вам, что 9 апреля — это в первую очередь следствие неспособности грузинского руководства определить направления своей работы в условиях перестройки, которая по своей значимости может быть приравнена к Октябрьской революции. Вопрос вины руководства республики еще изучается, и с виновных грузинский народ спросит по всей строгости. Но меня,

как вы знаете, интересовал правовой механизм происшедшего. За три месяца расследования мне, в том числе и с вашей помощью, довелось столкнуться с фактами, которые подтверждают, что происшедшее стало возможным потому, что у нас продолжают действовать некоторые формы сталинского механизма правления. Обвинять меня в поисках «руки Москвы» — не просто несерьезно, но и провокационно, ибо выдвижением этого «тезиса» вы противопоставляете Грузию и Москву. На самом деле все происходило так, и вы об этом знаете не хуже меня:

Грузинское руководство — кто именно, об этом особый разговор — дезинформировало ЦК КПСС, что в Грузии готовится свержение Советской власти, физическая расправа над коммунистами и т. д., конкретно: бывший первый секретарь ЦК КП Грузии Патиашвили говорил об этом по телефону кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК КПСС Г. Разумовскому. После этого 7 апреля Патиашвили направил соответствующую шифровку в ЦК КПСС. Через несколько часов в кабинете Патиашвили раздался телефонный звонок — звонил министр обороны генерал армии Д. Язов. Он сказал, что буквально через 15—20 минут в ЦК КП Грузии придут первый заместитель министра обороны генерал армии К. Кочетов и генерал-полковник И. Родионов, с которыми Патиашвили может обсудить вопросы стабилизации положения в Грузии. Действительно, вы и Кочетов через 20 минут (!) были у Патиашвили. В принципе в общих чертах тогда и решился план разгона несанкционированного митинга. На следующий день, 8 апреля, бюро ЦК КП Грузии лишь после вашего заявления о том, что вы назначены военным комендантом города, — не сказали, однако, кто, когда и на каком основании вас назначил, — вынесло фактически формальное решение с просьбой к ЗакВО помочь в наведении общественного порядка, т. е. разгоне демонстрантов перед Домом правительства. Ведь все это было точно так, генерал-полковник?

Пойдем дальше. В этот же день состоялось заседание т. н. Совета обороны республики (я говорю «так называемого» потому, что в принципе никому не понятно, зачем существует этот орган). После политической оценки ситуации, которую дал Патиашвили, самыми важными были высказывания К. Кочетова и ваше.

Кочетов отметил, что о всех принятых решениях необходимо будет докладывать в Москву. То же самое, кстати, ска-

зал и Никольский, даже назвав фамилию человека, кому надо докладывать в ЦК КПСС.

Вы сказали, что в ваше распоряжение переходят военные силы и средства, прибывшие из других регионов страны. Особо было подчеркнуто, что подразделения Советской Армии не обучены разгонять демонстрации, и поэтому главная надежда — на силы МВД СССР. Тут же вы, как и Кочетов, заверили всех, что все обойдется без человеческих жертв.

То, что говорили другие участники совещания, — отдельный вопрос, и как уже было сказано выше, грузинская общественность еще призовет их к ответу.

Все это свидетельствует о том, что координирующая сила находилась не на республиканском уровне, а в Москве. И тут, повторяю, дело не в том, что мы ищем «руку Москвы», а в том, что мы ищем и должны найти «руку старого механизма», который не должен работать в новых условиях процесса демократизации и перестройки.

Вы удивляетесь тому, что я спрашивал, кто объединил вооруженные силы двух министров в помощь растерявшемуся республиканскому правительству? А что тут удивительного? Без ответа на этот вопрос невозможно будет восстановить правду, которая в новых условиях становится главным фундаментом нашего продвижения вперед. Кстати, несколько дней назад я направил письмо тов. Чебрикову с просьбой принять меня и ответить на несколько вопросов, которые всплыли на поверхность в ходе трехмесячного журналистского расследования событий 9 апреля. Я жду ответа.

Вы обвиняете меня в том, что я придумал, будто вы получили «добро» министра обороны СССР. Тем самым вы отсекаете роль вашего руководителя в проведении военно-карательной акции. Но это не так. Во-первых, вы мне признались, что говорили с генералом армии Язовым — и это зафиксировано на магнитофонной пленке. А если я даже придумал это, то разве элементарная логика не говорит, что министр был в курсе всего происходящего, т. к. он прислал в Тбилиси своего первого заместителя!

В открытом письме вы говорите, что «добро» действительно получили от министра обороны, но это было в связи с другими событиями — по поводу карабахской проблемы. Вот тут вы, думаю, умышленно «перепутали». Во время нашей встречи 13 апреля у нас и речи не было о Карабахе и международных отношениях в Армении и Азербайджане (откровенно говоря, мне не до этого было в те дни). Об этом

мы очень коротко говорили 7 мая, в воскресенье, когда вы меня пригласили к себе в штаб. Я хочу напомнить вам, почему мы заговорили об этом. В 12 часов 46 минут — такое время отметили ваши часы на полке — вам позвонил генерал армии Язов. Поинтересовавшись обстановкой в Тбилиси (вы мне дали возможность быть свидетелем этого разговора. Спасибо!), министр спросил, как дела в Нагорном Карабахе, в Армении. Вы доложили ему, а когда положили трубку, мы продолжили эту тему парой фраз. Разговора о «добро» не было. Так что, если кто-то что и перепутал, то скорее это у вас перемешались два диалога.

В связи с этим вопросом, я хочу подчеркнуть ваше весьма коварное устремление — люди и ваши подчиненные по округу должны обратить на это особое внимание. В вашем письме вы стараетесь представить дело так, будто защищаете межнациональные интересы, и меня обвиняете в том, что якобы я имею намерение «снять ответственность за случившееся 9 апреля с экстремистов, с некоторых нынешних и бывших руководителей республики, переложить всю ответственность на высшее политическое и военное руководство страны... воинов Советской Армии».

Нет, генерал-полковник, это демагогия! Диалог — это не бой танков, где побеждает тот танк, который мощнее. Диалог — это область интеллектуальная, где необходимы не высокопарные слова, а нужна конкретная мотивация.

Почему вы переводите события 9 апреля и работу журналистов по их освещению именно в русло межнациональных отношений? Вы же отлично знаете, что не эта проблема лежит в основе апрельской трагедии! Но у вас есть определенная цель: намеренно распространяя такие слухи, вы хотите способствовать — и способствуете! — разжиганию вражды между грузинским и русским населением Тбилиси, углубить конфронтацию между жителями республики и Советской Армией. Вспомните: 13 апреля в вашем кабинете я сам был свидетелем того, какое распоряжение дали вы руководителям политуправления ЗакВО и редакции газеты «Ленинское знамя» на этот счет. И вот результат: эта газета вот уже три месяца своими публикациями выковыривает из золы угольки, чтобы при хаотичном ветре перестройки разжечь костер ненависти, злобы и вражды в людях. Давно, давно никто так не вредил Грузии! Вы всего лишь год у нас, вы сами мне говорили, что до назначения в Тбилиси, до мая прошлого года, у вас даже знакомых грузин не было. Ваши журналисты тоже приезжие. И тем не

менее вы все осмеливаетесь учить рожденных и выросших тут людей уму-разуму, определяете, как им жить, как вести себя. Если вы приехали сюда по долгу службы, будьте любезны и выполняйте ваши служебные обязанности — совершенствуйте боевую учебу войск, пишите в вашей газете о буднях армейской жизни, налаживайте дружеские связи с местным населением. Вот ваша обязанность и ваш долг! Что же касается внутренней жизни республики, это компетенция самого народа и его политического руководителя — Компартии Грузии, и вмешиваться в нее — превышение власти, за что, кстати, мы и требуем привлечь вас к уголовной ответственности по статье 278 «Б» (лишение свободы от 3 до 10 лет) — надеюсь, вы читали в газете «Сахалхо ганатлеба» наше обращение по этому поводу к Генеральному прокурору СССР.

Приводя в пример плакаты, которые вывешиваются некоторыми неформалами на своих митингах, вы возмущаетесь ими и утверждаете, что эти плакаты выражают мнение всего грузинского народа. Во-первых, это ложь, так как вы не компетентны в процессах, происходящих в республике, и не знаете, действительно ли все население поддерживает радикализм некоторых групп, а во-вторых, напомню вам вот о чем. В прошлую пятницу на сессии Верховного Совета СССР — это все видели по телевизору — председатель КГБ СССР В. Крючков на весь мир заявил, что рост национального движения в советских республиках он считает знаменем времени и относится к нему положительно. Даже КГБ, ведомство, как мы считаем, не подверженное новым веяниям, оказывается, столь положительно относится к демократизации общества, а вы, армейский генерал, проявляете поистине сталинскую злобу при виде молодых людей, выражавших свое мнение, взгляды, отношение к решению актуальных проблем.

Я понимаю, генерал-полковник, почему вы боитесь, что люди назовут вас убийцей, — под вашим руководством в тот предрассветный час погибли невинные люди, и по большому счету, не имеет значения, от чего погибли они: от удушья химгазами, под ударами лопат, в давке, или под пулями! Они погибли в результате акции, которой руководили вы и ваш непосредственный начальник генерал армии Кочетов. Вы оба, сидя в своей автомашине, в двух шагах от места, где гибли люди, спокойно переговаривались между собой, словно проводили воскресный пикник на лужайке. Но настал миг, когда вы осознали свой страшный грех. Я напомню вам, как это было: когда вы после «победы» поднялись в помещение ЦК, где

уже собрались наши «мудрые» руководители, и у одного из них при виде вас вырвалось: «Что вы наделали, Игорь Николаевич?», у вас не выдержали нервы, и вы взорвались: «Не надо было мне это поручать! Не надо было!».

Это был крик души, неосознанный взрыв не то от страха перед ответственностью, не то раскаяние. Вы все время твердите, что были против применения армии против безоружных людей. Но верите ли вы сами тому, что говорите на людях?

У меня был дед с материнской стороны. Он был полковником русской царской армии. И вот раз, это происходило в Батуми, его полк подняли «в ружье» и приказали выступить против бастующих рабочих. Дед встал перед вооруженным до зубов полком и сказал: «Нам приказано выступить против безоружных людей. Боюсь, что будет беда. Поэтому вы останетесь на месте, а я с этой тростью (он всегда ходил с тростью в руке) пойду к ним и поговорю». Он снял свое личное оружие, саблю и пошел. Полк ждал. Вернувшись, он обратился к подчиненным: «Честь имею доложить, что кровопролития не будет. Я поговорил с ними. Разойдитесь, братья и сыны мои!..» Восторженные солдаты — все они были русские — с возгласами «ура» стали «качать» своего командира. Но это не весь эпизод. На другой день военный правитель Грузии страшный генерал Грязнов издал приказ разжаловать и сослать в далекий Дашкесан строптивного полковника... Зато сейчас этого полковника в Грузии величают великим сыном народа. Его прах покоится в пантеоне на Мтацминда. Это Давид Клднашвили — может, слышали о таком человеке? А про вас, генерал-полковник, скажут ваши потомки, что вы великий сын русского народа?..

«Честь выше долга» — эти гордые, глубочайшего смысла слова произносили при встрече друг с другом офицеры старой русской армии. Сейчас, генерал-полковник, вновь котируются эти слова среди офицерства ЗакВО? Или они позабыты навсегда?..

И еще одно, хотя по поводу вашего письма и ваших действий можно было сказать многое.

Вы хотите унижить меня тем, что я не сдержал слово и не показал вам материал перед публикацией. Когда говорят два человека без свидетелей, судьей им может быть только их обоюдная честность. На вашу просьбу показать вам материал я ответил, и вы это прекрасно помните, что это не интервью, которое будет опубликовано в полном виде, а лишь беседа,

которую в той или иной форме я впоследствии могу использовать; и поэтому ничего вам не обещал. Так что не надо распускать, пожалуйста, слухи, что я человек, который не держит слова.

Это письмо я хочу закончить таким фактом. Когда вы были мальчишкой, я в форме советского офицера восвал против фашизма на фронтах Великой Отечественной войны. А когда вы выросли, делали карьеру на непонятной войне в Афганистане. Ни о чем не говорит Вам эта разница, генерал?

Только правда и честность спасут перестройку, да и вообще человечество, мой генерал! Помните это!».

К ВОПРОСУ О НАМЕСТНИКЕ

...Шеварднадзе и Разумовский вылетели в Тбилиси 9 апреля в 15 часов по московскому времени.

В салоне самолета вместе с ними находились супруга Шеварднадзе, его два помощника — Теймураз Степанов и Сергей Тарасенко и заведующий сектором печати ЦК КПСС В. Бакланов. Последний вошел в самолет, когда уже собирались убрать трап.

— Еду прямо из ЦК. Готовил текст сообщения для печати, — сказал он, опускаясь в свободное кресло.

На эти слова тогда никто не обратил внимания — человек работал до последней минуты, вот и все! Но эту фразу — «готовил текст сообщения для печати» — надобно запомнить.

Как только самолет лег на курс, Шеварднадзе созвал совещание — надо было определить основную линию действий по прибытии в Тбилиси.

Тут считаю нужным сказать несколько слов о Тарасенко и Степанове. Оба весьма заметные фигуры в многочисленном корпусе Министерства иностранных дел СССР. Они типичные спичрайтеры, т. е. люди, помогающие готовить, определять, компоновать каждое официальное заявление или выступление министра иностранных дел. Оба имеют ранг полномочного и чрезвычайного посла. Тарасенко к тому же специалист по США. Как-то он обронил фразу: «Рим пал под тяжестью собственных грехов», и среди дипломатов она заиграла разными актуальными гранями. Степанов — тбилисец, здесь родился, учился, работал. По образованию юрист, он стал весьма популярным журналистом, но когда Шеварднадзе назначили министром иностранных дел, он предложил ему нынешнюю долж-

ность. С тех пор они вместе. Новую международную политику Советского Союза Степанов характеризует фразой: «Громыко уважали в мире и боялись. Шеварднадзе уважают и радуются».

...На совещании в самолете пришли к решению: в первую очередь необходимо добиться стабилизации, получения и распространения точной, объективной информации.

Все это слышал Бакланов и молчал!

Степанов тут же пишет текст радиogramмы на имя Патиашвили и просит радиста передать немедленно:

«Товарищи Шеварднадзе и Разумовский просят подготовить точный, тщательно составленный текст сообщения для прессы».

Бакланов читает эту радиogramму и молчит!

Радист передает радиogramму.

Тбилиси. У трапа Патиашвили. Его первая фраза: «Погубили меня военные!..»

Потом дорога до ЦК. На улицах люди с черными повязками. С балконов свисают черные полотнища. Громят бронетранспортеры. Группы вооруженных солдат. Шеварднадзе сидит, сжав губы. Единственная его фраза при выходе из машины: «Меня потряс Тбилиси»...

Вечером началось заседание Бюро ЦК КП Грузии. Кроме местных работников присутствуют генералы Родионов, Кочетов, Шилов. еще несколько военных. Докладывает Попхадзе. Потом один за другим высказываются остальные, в том числе «громче» других военные.

Шеварднадзе:

— Вы не с врагами имеете дело.

И еще:

— Надо объявить день траура. Это национальная трагедия.

О. Вардзелашвили (заместитель Председателя Совета Министров Грузинской ССР):

— Вы, товарищ Родионов, и тут так ведете себя, будто взяли Измаил!

Родионов:

— А что вы сделали для того, чтобы предупредить это?!

Во время заседания Степанову и Тарасенко показали подготовленную согласно радиogramме информацию для опубликования в прессе. Они сделали в тексте необходимую на их взгляд поправку и тут же направили директору Грузинформа Э. Канделаки для передачи в Москву.

Бакланов все это видит и молчит!

Через некоторое время возвращается директор Грузин-форма и говорит:

— ТАСС не принимает этот текст. Отвечают, что у них имеется другая информация.

Тогда Степанов просит Бакланова — он зав. сектором печати ЦК КПСС! — выяснить, в чем дело — ведь первая информация о происшедшем событии должна пойти из Тбилиси! При том безукоризненно точная, правильная, взвешенная!

Проходит время. Бакланов возвращается и говорит:

— Ничего не вышло. ТАСС отказывается от этого текста. У них есть свой текст, который утвержден в высшей инстанции.

Действительно, вечером по Центральному телевидению была передана информация, которую объективной не назовешь, в ней была искажена правда о происшедшей в Тбилиси трагедии. Та же информация была опубликована утром в центральных газетах.

Написал эту информацию Бакланов, сидя в своем рабочем кабинете в Москве и поглядывая на часы — не опоздать бы на самолет.

Этот случай с Баклановым напомнил мне эпизод, который произошел много лет назад.

...В Грузию приехал известный русский писатель Михаил Шолохов. Такой категории гостям тогда было принято оказывать особые официальные почести. Тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе уступил писателю свою дачу в Цхнети.

И вот на завтра Шолохова должны были повезти по его просьбе в Кахети. Сопровождать гостя предписывалось, конечно, и журналистам. Утром все мы — я тогда работал собственным корреспондентом московской «Литературной газеты» — собрались во дворе мжаванадзевской дачи. Но нас пригласили к столу — на утренний завтрак. Сели. Вошел Шолохов. Было заметно, что он уже «приложился». Тоже сел. Тихо зазвенели ложки, вилки. Потом поднялся второй секретарь ЦК Компартии Грузии Кованов, взял в руки рюмочку и говорит — громко, с достоинством хозяина республики:

— Наш дорогой Михаил Александрович! Мы вас сегодня везем в Кахетию. Это на весь мир известный наш винодельческий край. По дороге остановимся в Рустави, славном городе грузинских металлургов, где живут и бок о бок рабо-

тают люди разных национальностей. Дружба народов — наше великое завоевание. В этом городе советской властью построены следующие предприятия... И он начал перечислять, что построено, люди каких национальностей живут. Шолохову, видно, надоело слушать всю эту «идейную» болтовню и вдруг он говорит громко и четко:

— Помолчи, Воронцов-Дашков...¹

Все мы опешили. Включая, конечно, и Кованова.

— Ну, встали, — так же спокойно сказал Шолохов и первый поднялся, — поехали в Кахетию...

Этот забавный эпизод я рассказал Борису Никольскому, который был преемником Кованова — вторым секретарем ЦК КП Грузии — последние несколько лет до середины апреля 1989 года.

Никольский задумался:

— Своеобразный был человек Шолохов!..

Мы беседовали в рабочем кабинете Никольского. Он — первый заместитель начальника планового управления исполкома Моссовета.

— Имели ли вы на посту второго секретаря ЦК Компартии Грузии какие-нибудь обязанности «наместника»? — «в лоб» спросил я его.

— Нет, — сказал Никольский после некоторого раздумья, — я не имел никаких конкретных заданий в этом плане.

— Как вы думаете, с какой целью ввел Хрущев после смерти Сталина институт русских вторых секретарей в национальных республиках? Кованов, Землянский, Родионов, Чуркин, Колбин — все они ваши предшественники в Грузии.

— Какая разница кто по национальности второй секретарь, мы все граждане одного государства и вместе строим одно социалистическое общество! — ответил мне Никольский.

— Что вас, кроме этого, связывает с Грузией? — спросил я.

Никольский лукаво посмотрел на меня и с улыбкой сказал:

— Моя дочь замужем за грузином!

— Извините, я не знал, — смутился я. — Кстати, как фамилия вашего зятя?

— Фамилия?.. Никольский задумался, потом потер лоб, — как же его фамилия!.. Вы не помните фамилию моего

---

¹ Воронцов-Дашков — один из наместников русского царя на Кавказе.

зятя? — неожиданно обратился он к своему помощнику, который присутствовал при нашей беседе. Тот пожал плечами.

— Вам это обязательно нужно? — как-то просительно посмотрел Никольский на меня.

По правде говоря, мне это теперь уже действительно стало необходимо знать:

— Они живут не с вами?

— Они у вас там, в Тбилиси, — озадаченно произнес Никольский и набрал номер телефона. — ...Скажи, пожалуйста, — сказал он в трубку, — как фамилия нашего зятя?.. Как?.. Скажи по слогам... Понятно...

Никольский протянул мне листок бумаги, на котором он написал продиктованную фамилию.

Мне так и не удалось узнать, с какой целью Хрущев ввел институт русских вторых секретарей в центральных комитетах компартий союзных республик. Что это: недоверие к «местным» властям? Или акт русификаторской политики?

Необходимость «ока московского» со всей яростью проявилась в период апрельских событий в Тбилиси.

В те дни в Грузии находилась большая группа ответственных работников ЦК КПСС, не говоря о военных, чинах из правоохранительных ведомств, КГБ и т. д. У меня есть все основания утверждать, что воздействие этих лиц на руководителей республики приравнивалось к их фактической подмене в работе. Москвичи присутствовали на всех совещаниях, «советовали», «предлагали», «рекомендовали» что и как делать. Они руководили отбором, обработкой и распространением информации.

Здесь хочу коснуться весьма принципиального факта.

Как отмечалось, выступление генерал-полковника Родионова на первом съезде народных депутатов вызвало овацию большинства присутствующих. Причиной этого были цитаты и «факты» из передовой статьи республиканской газеты «Заря Востока», на которую ссылался генерал. Вот выдержки из этой статьи:

«Мы не имеем права не призвать к ответу в первую очередь тех, кто привел к кровопролитию, кто с самого начала планировал трагедию, рассчитал ее, хладнокровно подвел к той опасной черте, за которой начинается хаос, анархия, массовые беспорядки, нетерпимые ни в одном государстве... Конечной целью их хорошо разработанного плана были захват политической власти, свержение существующего строя, отторжение Грузии от СССР, ввод иностранных войск».

«Человеческий материал, живые люди, среди которых женщины и подростки, нужен был лидерам экстремистских группировок для осуществления своих подрывных антигосударственных действий».

«Те, кто сейчас, после трагедии, говорит о мирном характере митинга, забывают, что в то самое время, когда над центральным проспектом города день и ночь раздавались гнусные призывы к физической расправе с коммунистами, разжигались антирусские и националистические настроения, хорошо обученные, организованные ударные отряды направлялись в другие районы республики, повсюду сея смуту, раздор, беспорядки».

«Создавалась реальная угроза захвата жизненно важных объектов республики. Систематически шантажировались отдельные граждане, целые предприятия. В течение нескольких дней объектом постоянных атак экстремистов стали Грузинское телевидение, другие органы массовой информации. Но разве только этим измеряется ответственность лидеров-экстремистов — Костава, Церетели, Гамсахурдиа, Чантурия, Сарисвили, Хухунашвили и других? Нет, «национал-освободители» пошли дальше, калечили молодежь нравственно, навязали «клятву верности», поставили людей на колени, возбудили агрессивный фанатизм».

В этой статье что ни слово — ложь, искаженная интерпретация действительного факта. Ссылаясь на это, Родионов нарисовал народным депутатам удручающую картину. И достиг своей цели: настроил съезд к происходящим в Тбилиси митингам резко отрицательно. Тогда парламентская комиссия под председательством А. Собчака еще не имела своего окончательного заключения, в котором она впоследствии констатировала:

«Комиссия по расследованию событий, происшедших в г. Тбилиси 9 апреля 1988 года, созданная Съездом народных депутатов СССР в составе 24 человек, среди которых представители 9 союзных республик, государственные и общественные деятели, известные ученые и писатели, представители армии и церкви, отмечает, что в ходе расследования не было выявлено террористических актов, не установлены факты, свидетельствующие о реальных попытках захвата власти, случаи насилия или покушения по политическим мотивам в отношении советских и партийных органов, коммунистов, либо граждан негрузинской национальности» (Подчеркнуто мной — И. Г.).

Так каким образом и по чьему велению появился в «Заре Востока» этот пасквиль, сыгравший на руку генералу Родионову? И случайно ли такое совпадение?

Вот что удалось мне выяснить в редакции «Зари Востока»:

Днем 13 апреля работники идеологического отдела ЦК КП Грузии предупредили редакцию, что из ЦК поступит передовая статья, которую надо дать в номер. Ждать пришлось непривычно долго — ее принесли после 4 часов утра, т. е. на рассвете 14 апреля! На статье не было чьей-либо подписи и визы. Она сразу была поставлена в номер. Через два дня по требованию того же идеологического отдела оригинал статьи был возвращен в ЦК. После этого оригинал в редакцию не возвращался. В ту пору руководство ЦК КП Грузии осуществлял второй секретарь Борис Никольский.

Темная история, не правда ли?

— Ходят слухи, что эту провокационную статью написали вы, — без лишних церемоний сказал я Никольскому.

— Нет, это неправда, — невозмутимо возразил он.

— Чем можете опровергнуть или подтвердить?

После небольшой паузы Никольский взял ручку и, написав несколько строк на листе бумаги, протянул мне:

«Товарищу И. Гоциридзе.

На Ваш вопрос об авторстве передовой статьи в газете «Заря Востока» от 14 апреля 1989 года заявляю, что я никакого участия в ее составлении или редактировании не принимал. Б. Никольский. 27.XI.89 г.».

История с передовой статьей на этом, однако, не кончается, она имеет любопытное продолжение.

Рассказывает заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КП Грузии Михаил Гулиев:

«В те злополучные дни каждое утро, в 9.30 проводились заседания бюро Центрального комитета. 13 апреля мне позвонил Попхадзе, что чувствует себя нездоровым и поручил пойти вместо него на бюро. Я пошел. Заседание началось свирепой атакой командующего ЗакВО Родионова. Он бросил на стол свежий номер «Молодежи Грузии» с репортажем Юрия Роста и принялся ругать гражданскую прессу чуть ли не «тремя священными русскими словами», которыми он, кстати, бравировал и во время выступления на Съезде народных депутатов в Москве. После заседания бюро тогдашний заведующий общим отделом ЦК К. Абуладзе сказал мне, что руководство поручает нашему отделу обеспечить завтра в газетах прав-

дивую статью о событиях 9 апреля. Спустя некоторое время меня вызвал сам Никольский и, поручив лично мне написать эту статью, стал разъяснять, что в ней должно быть. Все, что он говорил, было искажением действительности. Что я мог поделаться, когда поручение давал лично верховный руководитель? Я просидел за столом несколько часов, думая, как выйти из положения. Потом встал и пошел к нему. Не могу, сказал я Никольскому, не выходит, видимо, сказываются бессонные ночи, которые провожу вот уже больше недели. Секретарь ЦК рассердился: «Не хотите, значит, выполнить задание! Ладно, идите, не вы, так другой напишет. Об этом поговорим потом. А сейчас предупредите редакцию, что будет статья. Идите».

В два часа ночи он вызвал меня по селектору. Встретил меня в майке — в те дни Никольский ночевал в кабинете, в ЦК — и передал статью: отнесите в редакцию. Утром «Заря Востока» вышла с этой передовой статьей. Через два или три дня, точно не помню, Никольский поручил мне принести из редакции оригинал. Я принес и положил ему на стол.

— Кто же все-таки, по-вашему, написал эту статью? — спросил я Гулиева.

— Затрудняюсь сказать. Возможно, сам Никольский, возможно, Лобко, Селиванов или незнакомый мне военный журналист, который также находился в те дни в «команде» Никольского.

Таков сюжет этой детективной истории. Я не верю ни Никольскому, ни Гулиеву. Лично для меня уже не имеет особого значения, кто персонально написал статью, — выяснение этого компетенция прокуратуры, так как распространение лжи в обществе уголовно наказуемо. Беда в другом — причастные к тайне этой статьи люди представляют партию — «ум, честь, и совесть нашей эпохи».

Не эти ли «советники» дали информацию «наверх», которая была положена в основу первого официального сообщения о гибели людей в Тбилиси, появившегося в советской прессе 10 апреля 1989 года:

**ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И СОВЕТА МИНИСТРОВ
СССР**

В ночь с 8 на 9 апреля в г. Тбилиси на площади у Дома правительства в ходе пресечения беспорядков, спровоцированных экстремистскими, антиобщественными элементами, по-

страдала группа людей из числа гражданских лиц и военнослужащих. В результате возникшей давки погибло 16 человек.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям, родственникам и близким погибших.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
КПСС

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СССР

ДИАГНОЗ: УДУШЬЕ

Преимущество моего журналистского расследования заключалось в том, что я начал его сразу же по «горячему следу», когда виновники преступления 9 апреля еще не договорились, что говорить и как говорить, и старались свалить друг на друга всю вину.

Вот отрывки из записанной мной на кассете микродиктофона беседы, которую я имел в те дни с заместителем министра внутренних дел СССР генерал-лейтенантом Иваном Федоровичем Шиловым при частичном участии министра внутренних дел Грузии Шота Горгодзе в его кабинете.

Я: — Кто уполномочил Министерство внутренних дел СССР участвовать в этой акции?

Шилов: — Министерство внутренних дел Союза ССР в этой акции участия не принимало, судя даже по тому, что из руководства министерства никого в этот период не было здесь.

Получив этот ответ зам. министра Шилова, я тогда еще не знал, что он лгал, — в этом я убедился, ознакомившись с докладом заместителя Главного военного прокурора В. Васильева Генеральному прокурору СССР А. Сухареву: «В тот же день (имеется в виду совещание в ЦК КПСС под председательством Е. Лигачева 7 апреля — И. Г.) по распоряжению заместителя министра внутренних дел СССР т. Шилова И. Ф. в г. Тбилиси были направлены оперативные части внутренних войск (4-й полк отдельной мотострелковой дивизии Особого назначения и Отдельная бригада Особого назначения), отряды милиции Особого назначения (ОМОН) из Перми и Воронежа, а также сводный отряд курсантов Горьковской школы милиции, которые прибыли в столицу Грузии самолетами военно-транспортной авиации и своим ходом в течение 7—8 апреля 1989 года. Руководство этими частями было возложено на генерал-майора ВВ Ефимова Ю. Т., который с этой целью выле-

тел в г. Тбилиси». А депутатская следственная комиссия во главе с А. Собчаком установила: «По команде заместителя министра внутренних дел СССР Шилова И. Ф. в Тбилиси были направлены подразделения ВВ из разных регионов страны общей численностью более 2 тыс. человек».

Продолжим однако «читать» магнитную запись моей с Шиловым беседы:

Я: — Был или нет в вашем министерстве издан приказ о переброске вооруженных подразделений ВВ из различных регионов страны в г. Тбилиси?

Шилов: — Нет, такого письменного документа у нас не существует. Это все согласовалось по телефонному разговору.

Я: — Точно так же действовало и командование ЗакВО — и там никаких «бумажных следов» не оставили после акции 9 апреля. Вы считаете это нормальным?

Шилов: — За это пусть отвечает командование ЗакВО, оно возглавляло эту операцию.

Я: — Ваши люди отрицают, что они применили химические средства. Вы стоите на том же?

Шилов: — Нет, применялись спецсредства. Они слезоточивого действия. Наши подразделения были вынуждены применить их, так как люди не разошлись и даже оказывали сопротивление, вот наши и защищались ими.

Я: — Так от чего же отравились люди, да к тому же за 1,5—2 километра от места митинга?

Шилов: — Наши спецсредства не отравляют людей. Их производство согласовывается со многими ведомствами, все они рассматривают и дают заключения. И мы применяем только после этого.

Я: — В течение 20 минут погибли 16 человек, в их числе 14 женщин.

Шилов: — Они погибли в давке. Женщины слабый пол и не выдержали давку. А мужчины разбежались, хотели захватить Дом правительства, призывали к свержению власти.

Я (обращаясь к министру внутренних дел Грузии Ш. Горгодзе): — Имеются ли в МВД республики сведения о предполагавшемся свержении власти, захвате правительственных или других государственных учреждений?

Горгодзе: — Нет, наше министерство такими данными не располагает, у нас нет такой информации.

Я: — Может быть, такими донесениями располагали КГБ, ЦК КП или правительство Грузии?

Горгодзе: — Не располагают.

Я (вопрос Шилову): — Почему ваши люди преследовали спасающихся бегством людей за 1,5—2 километра? Ведь им предписывалось пресечь митинг на пяточке перед Домом правительства?

Шилов: — Этот вопрос, думаю, следует задать командиру Родионову, который возглавлял операцию.

Генерал Шилов скрывал правду.

Буквально каждый день, в одно и то же время, вся Грузия садилась перед телевизорами и, затаив дыхание, слушала сообщения министра здравоохранения республики Ираклия Менагаришвили. Он передавал оперативные медицинские сводки. В тот день вечером, когда я беседовал с Шиловым, Менагаришвили сообщил:

— Службой скорой медицинской помощи в тбилисские больницы 9 апреля на рассвете было доставлено более 200 человек. На сегодняшний день в клиниках зарегистрировано 18 случаев гибели участников митинга. 16 человек погибли на месте происшествия, один — 11 апреля, другой — 13 апреля. Кроме того, 11 апреля погиб еще один человек — Гиа Карселадзе, который после введения комендантского часа был смертельно ранен в голову, как установлено, капитаном внутренних войск Лохиним. Среди помещенных в больницы находятся пострадавшие, у которых на разных частях тела, преимущественно в области головы, обнаружены раны и повреждения, нанесенные острыми и тупыми предметами. 61 человек отравлен. Несколько из них находится в тяжелом состоянии. По заключению тбилисских, а также московских и ленинградских компетентных специалистов-токсикологов, которых мы специально пригласили приехать в Тбилиси, люди отравлены химическим веществом. Республиканская медицинская экспертная комиссия и Комиссия Верховного Совета Грузинской ССР обратились в Министерство обороны СССР и в Министерство здравоохранения СССР, а также в Международный Красный Крест с просьбой помочь нам в установлении отравляющего химического вещества и определить методы лечения пораженных ими людей. Вчера утром в больнице умерла Башалейшвили Натия Теймуразовна, 16 лет, ученица тбилисской средней школы № 51. Теперь в списке погибших 20 человек...».

Сводки министра раскрывали перед людьми неслыханное злодеяние, которое заключалось в том, что военные не только применили отравляющее химическое вещество против гражданского населения, но и скрывали состав этих отравляющих средств, чтобы помешать лечению умирающих!

Знает ли человечество подобную жестокость?!

Гражданские эксперты искали пути выхода из этого тяжелейшего положения. «Среди погибших большинство женщин. Почему именно женщины? Может быть, потому, что женский организм наиболее чувствителен к воздействию отравляющих химических веществ?» — ставила вопрос одна группа ученых. «Примененное химсредство, возможно, не является боевым отравляющим веществом, но при высокой концентрации либо слабости человеческого организма оно может вызвать смертельный исход», — выдвигали версию другие.

Мнений было много — академик Т. Деканосидзе, академик М. Заалишвили, академик Б. Нанейшвили, профессор Б. Чумбуридзе, другие высказывали свои компетентные суждения по потрясшему всех явлению.

А военные молчали. Они вообще не признавали факта применения каких-либо химсредств против демонстрантов. Лишь после того, как гражданские токсикологи, в результате специальных анализов в своих лабораториях на месте, установили, что были применены хлорацетофенон и Си-Эс, те подняли руки в знак капитуляции.

Передо мной лежит жуткий документ. Он составлен в Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Грузинской ССР и имеет такое длинное название:

«Итоговые данные исследования трупов, живых лиц и вещественных доказательств по делу разгона демонстрантов 9 апреля 1989 г. в г. Тбилиси».

Вот что в нем написано:

«Раздел первый.

Исследование трупов.

1. Адамия Аза Ражденовна — 23 года. Труп доставлен 9.04, исследован 10.04.89 г. в 02 часа... Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

2. Башалейшвили Натия Теймуразовна — 16 лет. Труп доставлен из больницы 17.04, исследован 18.04.89 г. Причина смерти — двусторонняя гнойная пневмония, развившаяся в результате тяжелых изменений вещества головного мозга, обусловленных гипоксией;

3. Бежанишвили Екатерина Тамазовна — 15 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти —

асфиксия, развившаяся от токсического действия химического вещества;

4. Джангирашвили Нодар Шотаевич — 40 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

5. Квасролиашвили Шалва Иакофович — 35 лет. Труп доставлен из больницы 13.04., исследован 14.04.89 г. Причина смерти — рубленое проникающее ранение головы, перелом костей свода черепа;

6. Джинчарадзе Майя Михайловна — 43 года. Труп доставлен 9.04., исследован 9.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

7. Киквадзе Заира Абесаломовна — 61 год. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия неуточненной этиологии.

8. Лоладзе Манана Левановна — 33 года. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

9. Мамулашвили Тамара Ивановна — 50 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 9.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

10. Мелкадзе Манана Амирановна — 26 лет. Труп доставлен из больницы 11.04., исследован 11.04.89 г. Причина смерти — асфиксия от сдавления грудной клетки на фоне ингаляционного химического вещества;

11. Самаргулиани Гульнара Александровна — 41 год. Труп доставлен 9.04., исследован 9.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

12. Долидзе Тамара Григорьевна — 28 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

13. Чипашвили Елизавета Георгиевна — 24 года. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Беременность 16—18 недель. Причина смерти — асфиксия, развившаяся от токсического, ингаляционного химического вещества;

14. Чкония Марина Тристановна — 35 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфик-

сия, развившаяся от токсического, ингаляционного действия химического вещества;

15. Човелидзе Тамрико Артемовна — 16 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, в результате закрытия дыхательных путей, обусловившимся токсическим, ингаляционным действием химического вещества;

16. Нозадзе Мамука Гивиевич — 32 года. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, однако определить ее вид представляется невозможным т. к. имеются данные как о травмическом воздействии на грудную клетку, так и от ингаляционного действия химического вещества;

17. Енукидзе Тина Северьяновна — 70 лет. Труп доставлен 9.04., исследован 10.04.89 г. Причина смерти — асфиксия, в результате компрессии грудной клетки».

Можно ли спокойно читать этот документ!

Прибывшая в конце апреля в Тбилиси комиссия Министерства обороны СССР наконец признала факт применения двух, как они назвали, «спецсредств раздражающего действия» — хлорацетофенона («Черемуха») и Си-Эс, но она тут же категорически заявила, что эти средства не могут привести к летальному исходу.

Так ли это в действительности?

Во-первых, использование газа Си-Эс против демонстрантов по советскому законодательству категорически запрещено, так как он является боевым отравляющим веществом. Чем он опасен?

Передо мной книжка, выпущенная Военным издательством в Москве в 1989 году в серии «Библиотека офицера» под названием «Защита от оружия массового поражения». В ней читаем:

«Си-Эс — при действии на организм в малых концентрациях раздражает глаза и верхние дыхательные пути, в больших концентрациях вызывает ожоги открытых участков кожи и паралич органов дыхания. При концентрации более высокой незащищенная живая сила будет выходить из строя мгновенно» (подчеркнуто мной — И. Г.).

Каково же действие второго «спецсредства» — хлорацетофенона, «Черемухи»? Официально отмечается, что это вещество поражает чувствительные нервные окончания слизистых оболочек глаз и верхних дыхательных путей. Но это лишь формальное разъяснение. Все зависит от компонентов,

составляющих «Черемуху». Председатель химико-токсикологической комиссии, входящей в состав Комиссии Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию событий 9 апреля, академик Малхаз Заалишвили и его заместитель — профессор Бидзина Чумбуридзе вместе со своими сотрудниками смогли доказать, что примененные на проспекте Руставели гранаты «Черемухи» содержали значительную дозу хлорпикрина — вещества смертоносного. Между прочим это их открытие подтверждается и квалификацией хлорацетофенона, данной в той же книжке «Защита от оружия массового поражения».

Самым ярким подтверждением применения не раздражающих, а именно отравляющих химических средств против мирного населения однако является сегодняшней день: уже год, как в Тбилиси функционирует специальный диспансер для лечения отравленных 9 апреля больных — их более 1.200 человек.

— К сожалению, — сказал мне министр Менагаришвили, — оправдываются прогнозы наших зарубежных коллег, участвующих в лечении этих пациентов: процесс их лечения продлится не менее 3—4 лет. В более тяжелом состоянии находятся те пациенты, которые и ныне лежат в стационарной клинике Грузинского научно-исследовательского института неврологии и в больнице-поликлинике № 2 города Тбилиси.

Окончание следует.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

В начале 80-х годов меня познакомили с Натаном Яковлевичем Эйдельманом. Был он в зените писательской славы, каждое слово его ловилось восторженными почитателями. Во мне Эйдельман некоторое время видел в первую очередь врача и потому часто спрашивал о психопатологии творчества, о тех психических расстройствах, которыми страдали некоторые исторические личности. Но однажды, узнав, что я занимаюсь творчеством Дюма и особенно пребыванием автора «Трех мушкетеров» в России, стал относиться ко мне как к собрату по профессии и больше никогда уже не возвращался к разговорам о медицине.

Эйдельман живо интересовался Грузией, часто бывал в ней и любил ее. Однажды мы вместе летели в Тбилиси. В Москве нас почему-то долго регистрировали, вокруг толпились милиционеры. Я прочитал вслух:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...

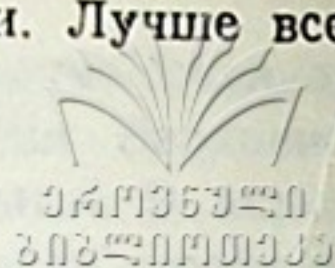
Эйдельман продолжил:

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Оба вздохнули. Там, за стеной Кавказа, каждый из нас искал материалы, которые необходимы были в работе. Но в Тбилиси мы находили не только документы — мы находили

то, что получали в Грузии все русские писатели. Лучше всех об этом сказал Евтушенко:

О Грузия, — нам слезы вытирая,
Ты — русской музы колыбель вторая.
О Грузии забыв неосторожно,
В России быть поэтом невозможно.

Я пожаловался, что никак не могу обойти требование не употреблять выражение «Присоединение Грузии к России», а должен говорить о воссоединении двух стран. Воссоединяются те, кто когда-то были разъединены, — Грузия же была независимой и ей не с кем воссоединяться. Грузия была именно присоединена к России, причем при самых, мягко выражаясь, двусмысленных обстоятельствах. Это присоединение происходило по меньшей мере дважды.

24 июля 1783 года в станице Георгиевской был подписан Георгиевский трактат. Для сохранения спокойствия в Грузии Россия обязалась содержать в ней два батальона войск с четырьмя пушками, грузинским царям предоставлялась полная независимость во внутренней политике. Фактически Россия взяла на себя хлопоты оберегать Грузию от внешних врагов — и больше ничего.

Но этот договор не был выполнен — во всяком случае в полном объеме. Царские генералы высокомерно относились к Грузии. Одержимые великодержавием, они видели в ней лишь колонию, которая обязана послушно исполнять волю метрополии. Военная помощь Грузии не была оказана, в результате — нашествие персидских полчищ и трагедия 1795 года. Обескровленная, преданная, лишенная генофонда и будущего, Грузия вынуждена была отдаться России на любых условиях. Грузинский язык был запрещен, грузинские фамилии русифицировались, местные обычаи не признавались. Официальное присоединение Грузии к России было объявлено манифестом Александра I 12 сентября 1801 года. Грузинские деятели мечтали о возобновлении независимости Грузии, неоднократно устраивали заговоры. Иными словами, Грузия не смирилась ни на один день с утратой самостоятельности. Наконец 26 мая 1918 года она стала свободной. Заключив в 1920 году договор о дружбе с Советской Россией, грузины облегченно вздохнули: вроде бы их независимость была обеспечена. Но не тут-то было: в феврале 1921 года Крас-

ная Армия — вопреки договору! — захватила Грузию. Вот вам и воссоединение!

Эйдельман покачал головой:

— Постарайтесь избегать разговора на эту тему — иначе запретят публикацию.

— Но как избежать?

В Тбилиси мы несколько раз встречались в местных архивах и музеях. Когда «Мерани» выпустило подготовленный мной «Кавказ» А. Дюма, Эйдельман позвонил и сказал много теплых слов. А через год — в ноябре 1989 года — он неожиданно скончался. Уже после смерти друга стали вспоминать, что Эйдельман часто говорил: я умру в том возрасте, в котором умирали мои главные герои — Герцен и другие. Было им всем 58—60 лет.

В этом возрасте и умер Натан Яковлевич. Накануне он обзванивал друзей и знакомых. А под утро сердце не выдержало.

9 апреля московская интеллигенция широко отмечала первую годовщину «Кровавого воскресенья» в Тбилиси. В Грузинском культурном центре «Мзиури», что на Арбате, собралось много народа. В 19 часов предполагался траурный митинг. За час до этого появилась группа людей, которая стала подходить к русским, находившимся в это время в «Мзиури», и уговаривать их поехать на Пушкинскую площадь, где якобы предполагался митинг московских демократических партий в защиту Грузии, Литвы и других республик, борющихся за свою независимость. Вместе со многими другими я поехал на Пушкинскую площадь. Никакого митинга там не было. Оказалось, что все это была провокация, дабы уменьшить число людей, пришедших в «Мзиури», и разобщить русских и грузин. Провокация шла от мифического «Комитета 9 апреля». Но я, к сожалению, на эту провокацию поддался и вместо того, чтобы быть на митинге в «Мзиури», поехал на Пушкинскую площадь. Обнаружив, что меня обманули, я с горя отправился в близлежащий магазин «Академкниги» и увидел очередь за какой-то книгой.

— Что дают? — по привычке спросил я.

— Эйдельмана.

— Что именно?

— Его книгу о Кавказе.

Книга называлась «Быть может за хребтом Кавказа», тираж ее 100 тысяч, вышла она в издательстве «Наука» —

в Главной редакции восточной литературы. Почти через год после смерти ироничного, доброжелательного, вдумчивого, основательного человека — Натана Яковлевича Эйдельмана.

Три главных героя книги — Грибоедов, Пушкин, Одолевский. Упоминаются и другие персонажи русской истории, волею судеб занесенные на Кавказ, но фабула исследования вращается вокруг трех вышеуказанных писателей. Грибоедов здесь сделал карьеру, Пушкин тоже совершенно добровольно приехал на Кавказ (посмотреть мир, развеяться), Одолевский был сюда сослан. Все названные и неназванные вольно или невольно способствовали колонизаторской политике России, ни один из них не сказал: а может, оставить в покое эти края, пусть кавказские народы живут, как хотят? Пусть Россия будет третейским судьей в спорах правителей, но не владелицей этого региона.

Похоже, никому в голову не приходило, что у кавказцев есть свое самолюбие, что они, может быть, мечтают о свободе — не под скипетром российского самодержца, а уж если на то пошло, то под скипетрами своих царей. Идея великодержавия, идея могущества, идея самовозвеличивания: вон, мы какие сильные, мы победили всех, мы присоединили Кавказ. Еще поднатужимся и Константинополь покорится и проливы Средиземноморья станут нашими.

На Кавказ приезжали из России не только поэты — сюда ссылались пьяницы, бродяги, бездельники, но каждый приезжавший из метрополии мнил себя человеком высшей расы: это ощущение хорошо показал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Господах ташкентцах». Колонизаторы не считались ни с чем: для них главное было — выжать максимум из колоний.

В конце XX века наступило новое мышление, качественный переворот в сознании людей. Мы вдруг иными глазами посмотрели на мир и удивились, как это раньше очень многое не замечали. Тысячи стихов были написаны о дружбе Грузии и России, необозримое море вина было выпито в честь этой дружбы. Но вот наступило 9 апреля — по приказу из Москвы солдаты убивали мирных демонстрантов. Те, кто приказали это делать, много раз бывали в Грузии, знали этот добрый, благородный народ, не единожды клялись в дружбе и верности. А потом приказали убивать. Хотя и по просьбе своих грузинских единомышленников.

По сей день никого не наказали за злодеяние, даже имена виновных не названы. Кого-то отправили в отставку, кого-то переместили по службе. Ни один из тех, кто на собрании:

партактива Грузии требовал разгона демонстрации, не выступил с покаянием.

События 9 апреля выцветили сложности русско-кавказских отношений, они показали, что за хребтом Кавказа не все так просто, как мнилось раньше. Прежде сюда приезжали отдохнуть, покутить, теперь же сюда едешь как в горячую точку планеты. Тут ты отвечаешь не только за свое собственное поведение, но и за своих соотечественников, бывавших здесь и тогда, когда ты и не родился. Грузия теперь не филиал рая, где ты беззаботно веселишься, а страна, населенная живым народом, который чего-то хочет, а чего-то нет. Специализация Грузии — обласкивать приезжих — уходит в прошлое.

Нужно назвать все своими именами. В течение двух столетий Грузия была колонией России. Менялись названия метрополии, но суть отношений оставалась одинаковой. Сейчас Грузия разорена, ей трудно встать на ноги. Политическая независимость не приведет к немедленной экономической независимости и росту благосостояния. Сколько средств метрополия должна будет вернуть этой колонии за то, что своим дурным правлением разорила Грузию? Безалаберная, бесхозяйственная, высокомерная метрополия довела свои окраины до ручки и сама пропила и прогуляла отнятые у колоний средства.

Много можно было бы приводить примеров, актуальных для нынешних русско-кавказских отношений, примеров, спровоцированных книгой Эйдельмана. Ведь она наводит на многое. Как бы ни были сложны отношения кавказских народов, как бы порой ни раздражали нас некоторые их обычаи, но мы должны признать их право жить, как они хотят. И прежде всего это должны признать русские.

Но какие русские? Те, что живут в Тбилиси? Они, если я не ошибаюсь, давно решили для себя этот вопрос. Я знаю многих русских, живущих в Грузии, и ни от кого не слышал серьезных возражений против независимости Грузии. Тревогу, естественную в таких случаях, замечал, но не более. Впрочем, у каждого свой круг общения, поэтому я не могу судить обо всех.

Видимо, речь идет о русских, живущих вне Грузии. Но и эти русские все разные. Среди моих знакомых нет людей, выступающих против свободы Грузии или Литвы либо иной республики. Мои знакомые ходят если не на все, то во всяком случае на многие мероприятия, проводимые в Москве в защиту Грузии.

Есть, наверное, и такие русские, которые не хотят независимости Грузии, но не от того, что они русские, а от того, что придерживаются консервативных и великодержавных взглядов.

А были ли у Грибоедова, Пушкина, Одоевского сомнения в необходимости пребывания кавказских народов в составе Российской Империи? Во всяком случае, в книге Эйдельмана таких высказываний нет.

Недавно закончилась интервенция советских войск в Афганистане. Среди советских солдат и офицеров было много хороших людей, но я убежден, что большинству из них и в голову не приходило, что они воюют против народа, пусть и неграмотного и отсталого, но желающего жить так, как ему хочется. И эти хорошие парни гибли за явно несправедливое дело. Как погиб в свое время Одоевский или Бестужев-Марлинский.

Последние два-три века были эпохой, когда создавались громадные империи. Создатели этих империй воспевали бремя белых, рассказывали о своих геройских подвигах, о том, с каким невероятным трудом они несли цивилизацию покоренным народам. Сейчас эти империи рухнули, все, кроме одной. И она тоже разваливается. Нужно к этому привыкнуть, нужно относиться к этому здраво. Нужно по-новому взглянуть на факты. В том числе и на пребывание героев Эйдельмана на Кавказе.

Сможет ли наука посмотреть на те или иные события с позиций не победителей, а побежденных?

Что было, то было, историю не перепишешь, да это и не надо. Но отнестись к ней иначе, чем прежде, можно и нужно.

В 1989 году вышла последняя прижизненная книга Эйдельмана «Революция сверху! в России». В ней убедительно показано, что реформы на Руси всегда проходили тяжело, с зигзагами, с отступлениями. Появлялась необходимость в этих реформах только после оглушительных военных поражений. Крымская война породила реформы Александра II, русско-японская война вызвала к жизни манифест 17 октября. И если продолжить эту линию, то можно сказать, что разгром в Афганистане вызвал к жизни горбачевский либерализм. Однако следует признать, что успехи каждой реформы реанимировали реваншистские настроения в русском обществе: устремления к захвату черноморских проливов в 1878 году, вступление в первую мировую войну... Укрепится режим в результате горбачевских реформ и опять примется за свое? Опять пошлет куда-нибудь танки? Пошлет, примется, все по-

вторит, если только этот режим сохранится. Но он не должен сохраниться. Он рухнет, если народы СССР захотят создать союз свободных народов, конфедерацию таких народов или вообще отделятся друг от друга. Если русские люди поймут, что нужно отделаться от бредовой идеи великодержавия, что нужно не смотреть на небольшие по численности народы как на меньших братьев, настолько несмышленных, что они не могут обойтись без нотаций со стороны старшего брата. Вот когда все люди поймут, что нет младших и старших, что все равны, что все имеют право жить так, как им хочется, не принося, конечно, вреда другим, вот когда наступит это благословенное время, вот тогда и планета наша переменится, тогда и жить на ней станет интересно и безопасно. Грядущая экологическая катастрофа должна заставить людей отказаться от эгоизма и высокомерия. Только вместе мы одолеем беды, грозящие человечеству. Но для этого надо изменить свое мышление, расширить его, встать на позицию соперника или соседа. Нужно научиться понимать других.

Я буду счастлив, если доживу до того времени, когда каждый, кто пожелает скрыться за стеной Кавказа, вначале получит на это разрешение, но не в Москве, а на Кавказе. Гостеприимные кавказцы такое разрешение, я уверяю, дадут, но, конечно, не всем, а тем, кто это заслужил. Кавказ не должен быть местом ссылки, он должен быть местом взаимопомощи, дружбы и красоты. Я верю: такой час наступит. И очень скоро.

Лейла НАДАРЕЙШВИЛИ

Танец—его стихия

(К 80-ЛЕТИЮ ВАХТАНГА ЧАБУКИАНИ)

Становление национального классического балета в Грузии в конце 30-х годов неразрывно связано с периодом господства «балета-драмы» в советской хореографии.

Развиваясь в общем русле ее движения в 40—50-х годах, грузинский балет тем не менее обрел в ту пору свои специфические черты, обусловленные наличием в нем национальных истоков. И в этом сыграла свою роль художническая индивидуальность Вахтанга Чабукиани, сумевшего преодолеть в своем творчестве ошибки «балета-драмы».

Он пришел в балетный театр не только как блестящий исполнитель, интерпретатор чужих концепций, но и как художник со своей четкой эстетической программой, воспринимавший хореографию как средство, способное выразить живое дыхание времени.

В своих первых пластических опусах «Танец огня» (на музыку Рубинштейна) и «Свержение рабства» (А. Гладковского) он смело заявил о своей способности к балетмейстерскому мышлению.

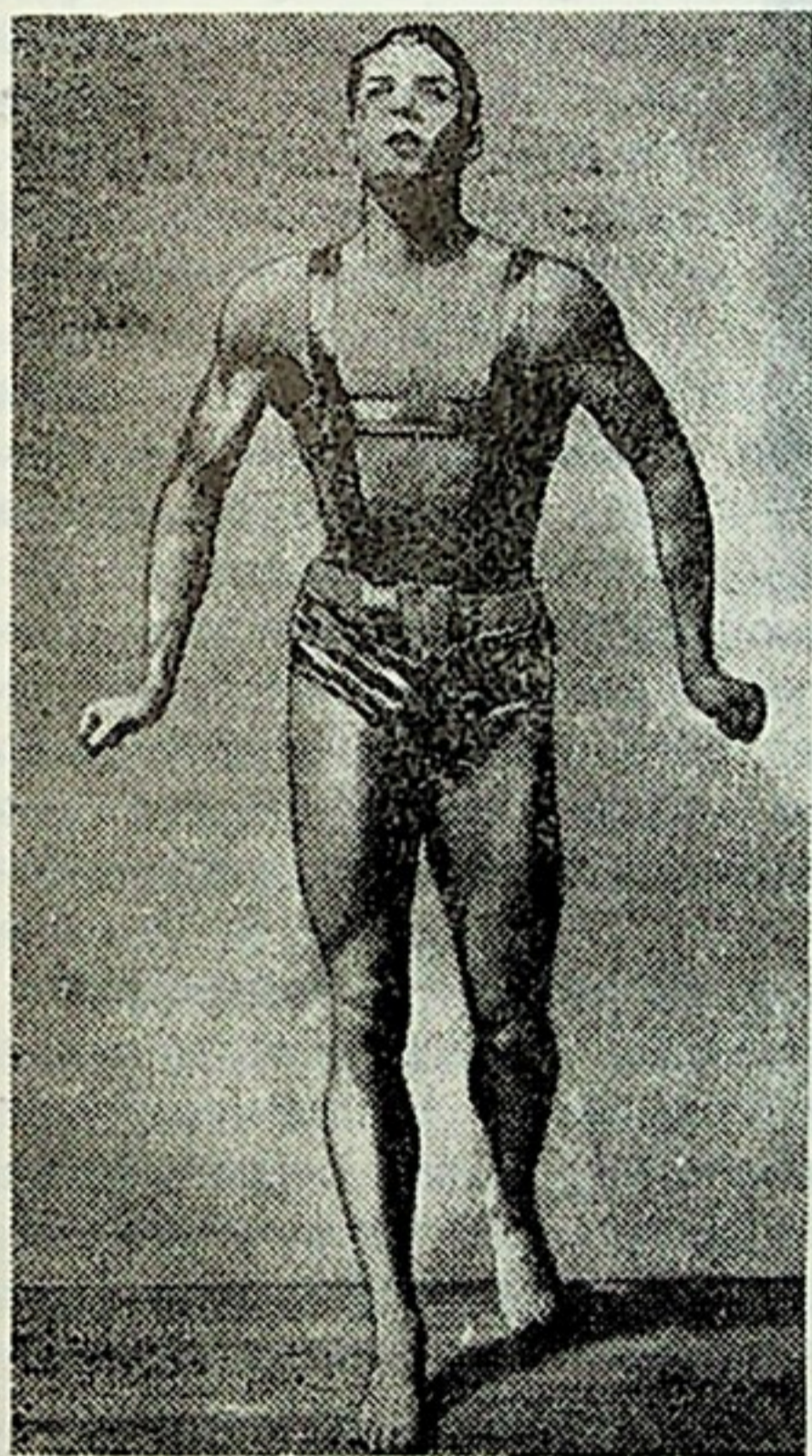
Два концертных номера, показанных в 1929 году на выпускном вечере Ленинградского хореографического училища, сразу же привлекли внимание критики и деятелей хореографии к молодому танцовщику. Уже в этих ученических работах угадывался художник ищущий, способный на новые открытия в области исполнительства и хореотворчества. В броском, волевом и вдохновенном танце, насыщенном энергич-

ными полетными прыжками, впервые проявилось умение мыслить содержательными, «действенными» образами танца.

Показательно, что эксперимент молодого хореографа проходил в рамках классического танца, который он обогатил героическими интонациями. «Красивость» движений старого балета уступила место мужественности и силе.

Излюбленным персонажем балетов Чабукиани стал романтический герой — личность, способная на бурные, пламенные чувства, устремленная к борьбе за свободу, ратующая за высокие гуманистические идеалы. А героико-романтический стиль в творчестве хореографа обозначился как индивидуальный, как «свой» в искусстве.

Будучи реформатором по преимуществу, балетмейстер тем не менее никогда не станет выступать в качестве ниспровергателя «классики».

Вахтанг Чабукиани
«Танец огня»

балетмейстер выступать в качестве ниспровергателя «классики». Скорее его можно причислить к художникам, которые, опираясь на ценные достижения прошлого, способны двигать хореографическое искусство к новым высотам, к новым достижениям.

И не случайно идея рождения национального классического балета «Сердце гор» в своей основе опиралась на гибкий классический танец. Эта идея пришла к Чабукиани еще в пору ленинградского периода его сценической деятельности. Она опиралась на способность балетной классики к модификации, к синтезу с фольклорными образцами. Своеобразной моделью подобного синтеза служил для хореографа русский национальный классический балет.

Несомненно, обращение Чабукиани в истинно народном

Вахтанг Чабукяни в
балете «Корсар»

балете «Сердце гор» к грузинской тематике и фольклору было predetermined национальным своеобразием художественной индивидуальности балетмейстера. В центре его спектакля действовал новый тип романтического героя-бунтаря, восставшего против царящей в мире бесчеловечности, героя, утверждавшего гуманистическую идею духовной самоценности простого человека.

Стремление ярко и правдиво раскрыть народные образы породило особый интерес всех постановщиков «Сердца гор» к национальному колориту в хореографии, музыке, художественном оформлении. Эти задачи также тесно переплетались с героико-романтическим стилем спектакля, тяготевшего к реалистической достоверности воспроизведения картин народной жизни—«местного колорита», к исторической достоверности декораций и костюмов, жанровой правдивости постановки массовых сцен.

Использование фольклора в «Сердце гор» носило у Чабукяни не фрагментарный характер, а выливалось в метод построения всех хореографических сцен, как классических, так и характерных, что и определило принадлежность спектакля к художественному феномену. По мнению Ю. Слонимского, такого «балета, целиком созданного на национальной основе, ни в дореволюционном театре, ни в нашем не было. («Советский балет». Москва—Ленинград, 1950, с. 189).

Поставленный в эстетических и композиционных принципах «балета-драмы», спектакль явил собой новую ступень его развития. В «Сердце гор» были преодолены ошибки и противоречия жанра в момент, когда казалось, что «балет-драма»

вошел в тупик. И путь к этому лежал через синтез классики и фольклора.

Сегодня никого не удивить самыми невероятными экспериментами, доказывающими способность классики сосуществовать с элементами фольклора, спорта, акробатики, бытовых движений и пластической метафоры. А в 30-е годы это было открытием, реформой хореографии, дающей простор каждому национальному театру в построении классического балета в своих республиках, результатом чего и было рождение грузинской классической хореографии.

Жанрово-тематическое разнообразие грузинских танцев предоставляло балетмейстеру широчайшие возможности для воспроизведения любого образного содержания.

С народными элементами в классическую ткань хореографии вторгалась та естественность, конкретная образность, жизненная правдивость и действенность, с помощью которых балетмейстер повествовал о своем народе.

Вопрос о роли народной традиции в становлении классических форм грузинской хореографии представляется важным прежде всего потому, что он теснейшим образом связан с проблемами самобытности, национальной специфики развития балета в Грузии. Национальное и самобытное в ней проглядывало в этнографических приметах лексики танца, в манере передачи пластики. Многообразное раскрытие национального начала сказывалось в свободном обращении к сфере грузинского своеобразного темпо-ритма — динамичного и четкого.

Национальная форма также присутствовала в природе взаимоотношений героев, в их характерах, содержащих признаки определенной культуры и среды, словом, в типических чертах, в совокупности образующих грузинский национальный характер спектакля.

Фольклор, объединявший многочисленные «просторечные» танцевальные диалекты, стал первоосновой в арсенале художественных средств балетмейстера, с помощью которого он смог живописать и реалистически изображать будничные и праздничные, поэтические и прозаические стороны народной жизни в конкретных национальных интонациях пластики. Это решало одну из основных проблем советской хореографии — реалистическое изображение народной жизни на балетной сцене.

Спектакль решал и другую проблему — восстановления равновесия между танцем и пантомимой.

Вольная пластика фольклора вполне закономерно вноси-

ла коррективы в композиционную схему классического танца. В балете «Сердце гор» драматическим стержнем спектакля оказывалось не традиционное па-де-де, концентрирующее в себе максимум динамического напряжения хореографического действия, а танец «Хоруми», выражающий революционную идею народной борьбы. Иначе говоря, кульминация спектакля была драматургической, а не хореографической, что отвечало содержательным запросам «балета-драмы». Броская, своеобразная по остроте линий, «атакующая» динамика грузинских народных танцев «Хоруми», «Мхедрули» и других создавала своеобразие пластической графики, те самые этнографические детали хореографии, которые позволяли именоваться балету национальным и в то же время классическим.

В своеобразных интонациях национальной по форме пластической речи главных героев Джарджи и Маниже в спектакле рождалось чудо выявления национального характера. Понять, уловить и суметь передать через пластику это чудо — задача подлинного искусства.

В построении массовых танцевальных сцен балетмейстер тоже целиком опирался на пластические композиции народного танца. Художественная форма, содержание и образный строй народных массовых танцев «Перхули», «Церули», «Давлур-Мтиулури», «Самайя» и других, претерпев определенную долю модификации под требования хореографического театра, использовались балетмейстером для жанровых массовых зарисовок, повествующих о быте и нравственных идеалах грузинского народа.

Создав в «Сердце гор» с помощью фольклора широкую эпическую картину народной жизни, Чабукиани доказал содержательную ценность формы «балета-драмы» и достиг этого, не попирая природы хореографии, а напротив, обогатив ее старые формы новыми.

Воплотив, опираясь на фольклор, живой образ народа, показав его нестигаемый дух, Чабукиани еще раз подтвердил мысль с том, что лучшие произведения искусства всегда рождались в результате постижения окружающей жизни на народной почве. Он вновь напомнил о жизненности и художественной ценности фольклора.

Творческие идеи, связанные с постановкой этого балета, оплодотворяли театр, указывая, в частности, дорогу национальной грузинской хореографии, первым зрелым произведением которой явилось «Сердце гор».

Таким образом, грузинский классический балет с самого

же начала обрел один из прогрессивнейших принципов хореографического воплощения «балета-драмы», получил все то лучшее, что было выкристаллизовано балетом нашей страны в экспериментаторские 20—30-е годы.

Решить проблему становления жанра в Грузии Чабукиани позволила его способность видеть, осваивать и ценить все прогрессивное в других национальных культурах.

Немаловажное значение в построении национального балета имела также его опора на своеобразную, богатую традициями культуру Грузии и, в первую очередь, на национальную музыкальную культуру.

В хореокомпозициях балета Чабукиани целиком опирался на богатую песенно-танцевальным фольклором интонацию музыки А. Баланчивадзе, который, следуя традициям грузинской классики, сумел поднять самобытные качества песенно-танцевального фольклора от его простейших форм до симфонического развития.

Путь, найденный композитором в «Сердце гор», став традиционным в грузинском балете, служил также отправной точкой и для композиторов других республик в создании национальной музыки к балету.

Следует отметить, что Чабукиани начал строить здание грузинского балетного театра не на пустом месте. Идея рождения национального балета в ту пору буквально витала в воздухе. Еще в 1926 году она появилась у К. Марджанишвили. Он пытался в пластических пантомимах «Мзетамзе» (1926 г.) и «Хандзари» (1930 г.) на музыку Т. Вахвахишвили создать на грузинской балетной сцене спектакль, отмеченный национальным своеобразием. Пантомимное решение «Мзетамзе» и «Хандзари» («Пожар»), естественно, не претендовало на решение проблемы становления национальной классической хореографии, но здесь впервые были творчески использованы народно-танцевальные формы «Картули», «Давлури», «Сачидао». Они органично сливались с действием и сообщали ему национальный колорит.

И хотя Марджанишвили и Чабукиани никогда не встретятся в совместной работе, многое из того, что делал грузинский режиссер окажется близким балетмейстеру.

Богатый традициями грузинский драматический театр явился для Чабукиани надежным ориентиром в определении идейно-тематической и образно-эмоциональной направленности грузинского балета. С одной стороны это было продиктовано стремлением балетмейстера включить молодой хорео-

графический театр в общее русло движения грузинской сценической культуры, а с другой — общей тенденцией всего советского балета 30—50-х годов, явно тяготеющего к выразительным средствам драматического театра. Не секрет, что он раньше балетного сумел отобразить на сцене современность, создать спектакли, созвучные времени.

То, что творческая практика Марджанишвили оказала могучее влияние на развитие грузинского балета, впрочем, как и других видов искусства — национальной кинематографии, оперетты, эстрады и т. д., — представляется закономерным. Тем более, что обоих художников роднило единомыслие.

Подобно многим деятелям театра Чабукиани видел свое призвание в том, чтобы показать жизнь в ее движении, создать полнокровные человеческие характеры. Революционно-народная героиня, воспетая балетмейстером в «Сердце гор», была также творческим кредо Марджанишвили.

Оба явно тяготели к яркой театральности, ансамблевости, поиску национальной формы сценического искусства, выразительности массовых сцен. Героико-романтический стиль высокой лирики и пламенной мужественности, исповедуемый Марджанишвили, на целое двадцатилетие определил образно-эмоциональный диапазон всего грузинского театра, как драматического, так и балетного. Этот стиль проявится в тематике спектаклей Чабукиани, в выразительных пластических композициях, в его танцевальном языке — экспрессивном, порывистом, возвышенном и благородном. А в центре его балетов («Сердце гор», «Горда», «Синатле») будет действовать герой-борец — персонаж, столь созвучный национальной театральной традиции.

Театр Марджанишвили не мог быть чуждым Чабукиани-балетмейстеру, для которого танец оправдан лишь в том случае, если он несет в себе действенность, находится в непреложной причинно-следственной связи с образным замыслом спектакля.

Оба художника, исповедующие реалистический принцип воплощения спектакля, основным проводником образного выявления идей, заложенных в либретто, выдвигают актера.

Конкретизация образности вместе с тем допускала у них свободу индивидуального истолкования. Этот принцип имел свои корни, идущие в глубь национальной почвы.

Спектакли обоих художников требовали от актеров высоких исполнительских качеств. Нельзя не отметить того факта, что грузинский балетный театр под руководством Чабукиани

взрастил целую плеяду замечательных артистов (И. Алексидзе, М. Бауэр, З. Кикалейшвили, В. Цигнадзе, Л. Миташвили, Р. Магалашвили и других), создавших галерею образов, по силе своего художественного воздействия способных соперничать с актерскими достижениями драматического театра.

Еще более ярким подтверждением единомыслия художников является ориентация Чабукиани на тематику, к которой обращался Марджанишвили. Можно было бы пройти мимо факта постановки «Лауренсии» (1939 г.). Чабукиани, не связав его с постановкой Марджанишвили «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега в 1919 году и ее возобновлением на грузинской сцене, если бы два разных спектакля не содержали общих режиссерских концептуальных черт. Известно, что Марджанишвили переставил акценты в заключительной сцене, отказавшись от авторской идеи всепрощения доброго короля. В театроведческой литературе много написано о решении им финала спектакля, где героический народ чеканным, победным маршем идет на публику, выражая идею монолитности и силы несгибаемого духа. Чабукиани повторил в балете композицию этой сцены, поставив во главу угла трактовку финала, утвержденную Марджанишвили. В драматическом спектакле известный его прием «объединения массы в действии» становится ведущим для балетмейстера в построении массовых сцен «Лауренсии». Критика отмечала: «Художественный образ народа — первая удача «Лауренсии». Масса тут была уже неизмеримо далека от кордебалета старых времен, в безликости которого расплывалась человеческая индивидуальность. Такого многогранного изображения народа еще не знала практика советского балета» (В. Красовская, Вахтанг Чабукиани, Москва, 1955, с. 90).

О Чабукиани в книге «Мастера танца» сказано: «Героико-романтический балет «Лауренсия» критики называли праздником танца. В ярком и мужественном балете зримо создавался обобщающий образ героического испанского народа» (Ленинград, 1950, с. 208).

Сходство творческих поисков у обоих художников не ограничивалось этим. Подтверждением того, что Чабукиани обращался к той же тематике, что и Марджанишвили, является балет «Синатле» (1947 г.), поставленный по мотивам пьесы-сказки И. Гедеванишвили. Спектакль «Свет», как известно, был в репертуаре постановок Марджанишвили на грузинской сцене. Однако здесь надо отметить, что принцип решения пье-

сы-сказки у них был разным. Стремясь к единой цели — найти в сюжетах, повествующих о далеком прошлом, параллели с современностью, Марджанишвили конкретизировал в спектакле абстрактную идею противопоставления добра и зла в плане конфликтов современной ему действительности.

Чабукиани же выдвигал на первый план сказочное начало темы, решив ее в абстрактно-обобщенных формах.

Параллелей схожего, общего в творчестве двух художников можно привести множество. Как утверждает музыковед Н. Киладзе, в балете «Горда», поставленном Чабукиани (1950 г.) на музыку Д. Торадзе, образ колдуньи Джавары в чем-то схож с созданным Марджанишвили в пантомиме «Мзетамзе» образом мстительной гадалки Фатьмы. А в балете «Сердце гор» заключительная сцена восстания горцев на фоне бликов от пожара княжеской усадьбы в чем-то перекликается со схожей сценой из пантомимы «Пожар».

Мы помним знаменитое изображение выдающегося грузинского актера драматического театра Ушанги Чхеидзе (в образе Яго), где он, наложив ногу на грудь поверженного Отелло (Ш. Гамбашидзе), хищным ястребом склоняется над мавром. Пластическая метафора из поставленного Марджанишвили спектакля «Отелло» (1930 г.) в своей сути является блестящей режиссерской концепцией образа Яго-хищника.

Чабукиани в балете А. Мачавариани «Отелло» (1957 г.) трансформирует эту мизансцену, приспособив ее к условиям хореографического театра, решив сцену специфическими средствами пластики.

Взяв за основу воплощения психологического поединка «Отелло — Яго» концепцию Марджанишвили, реализованную в метафоре «хищник и жертва», Чабукиани акцентирует внимание на коварстве Яго, на его изворотливой сущности.

Суммируя все творческие параллели, о которых шла речь выше, можно сделать вывод, что тяготение хореографа к художественным принципам грузинского драматического театра позволило ему как бы перекинуть мост между двумя видами искусства и тем самым приблизить балетный театр к общей направленности всей грузинской культуры.

Взяв на себя функцию режиссера-балетмейстера, Чабукиани к процессу вынашивания драматургического замысла спектакля активно подключал композитора и художника. Результатом такого сотворчества явился единый музыкальный пластически-визуальный образ спектакля. Художественное оформление и музыкальная драматургия, выстроенные в еди-

ном ключе с хореографией, дали плоды удивительной гармонии всех компонентов синтетического по природе балетного произведения в спектаклях «Сердце гор», «Лауренсия» (музыка А. Крейна) и «Отелло» (музыка А. Мачавариани).

Все три постановки были оформлены замечательным художником С. Вирсаладзе, декорации которого создавали не только удобную сценическую площадку, но и ту активную драматургически насыщенную среду, в которой происходило действие. Особенности творческого подхода к решению сценографии балетного спектакля, впервые проявившиеся в «Сердце гор», станут основополагающими для всей художественной деятельности Вирсаладзе и поставят его в один ряд с выдающимися театральными художниками рубежа XIX и XX века (Коровина, Головина, Бенуа, Рериха и других), новаторскую суть деятельности которых он продолжил.

Балет «Лауренсия», созданный буквально вслед за «Сердцем гор», являет собой не только вершину хореографического искусства постановки Чабукиани, но и достижений нашей хореографии 20—50-х годов.

В этом спектакле им была категорически опровергнута довольно распространенная точка зрения, отрицающая в принципе правомерность танцевального дивертисмента в современном реалистическом балете. В отличие от «Сердца гор», где каждая танцевальная сцена — одно из звеньев в последовательно развивающемся сюжете, во 2-ом акте «Лауренсии» сцену свадьбы Лауренсии и Фрондосо Чабукиани решил средствами, принятыми в дореволюционной эстетике балета. А точнее, средствами выразительного, или, как в тот период это предосудительно именовалось, — «дивертисментного» танца.

Другим смелым начинанием Чабукиани-балетмейстера уже в области танца «действенного» можно считать дуэт-диалог Лауренсии и Командора в 1-м акте.

Диалогическая форма дуэтов стала действенным средством, раскрывавшим взаимоотношения героев в балетах «Сердце гор», «Лауренсия», «Горда», «Отелло», «Демон» и других, что позволило балетмейстеру, избежав обращения к пантомиме, «обалетить» еще одно звено в драматургической содержательности спектакля — решить его средствами танца.

Итак, анализируя творчество Чабукиани, можно прийти к выводу, что, будучи за драматизацию хореографии, за наличие в спектакле логической событийности, за конкретную осмысленность сценического действия, он ратовал также и за

формы выразительности, допустимые жанром хореографии, то есть за образный танец.

Свое впечатление от спектакля «Синатле» Г. Миладзе, созданного в 1947 году, рецензент Л. Маркозов сформулировал так: «Танец — стихия Чабукиани».

Нет сомнения, что в самые сложные годы развития советской хореографии балетмейстер не только смог решить важную проблему создания репертуара грузинского классического балета, но также пытался вырвать жанр «балета-драмы» из тупика. Его балеты «Синатле», «За мир» (Д. Торадзе), «Отелло» (А. Мачавариани), тяготея к «балету-драме», содержали и те позитивные находки балетмейстера, которые подготавливали предпосылки для разрушения канонов сложившейся эстетики, то есть фактически взрывали «драмбалет» изнутри.

Ярчайшим доказательством данного положения может служить сцена «Воспоминаний» в балете Д. Торадзе «За мир», решенная средствами классического танца, каноническими «дивертисментными» формами — адажио, двумя вариациями и заключительной кодой.

Как известно, формы «выразительного» танца, господствовавшие в пору классицизма конца XIX века, стали вновь популярными во второй половине XX столетия благодаря тому, что они были сохранены в творческой практике отдельных балетмейстеров, к числу которых относится и Чабукиани. Классические формы существовали в его спектаклях «Лауренсия», «Синатле», «За мир», «Демон» как часть логического целого. В них свободно уживались танцы «выразительный» и «действенный», что в тридцатые годы считалось смелым новшеством.

Иначе говоря, Чабукиани был верен законам балетмейстерского мышления, предполагающим решение балетного содержания танцевальными, а не пантомимными средствами.

Эта особенность хореографии Чабукиани выявилась уже не фрагментарно, а полностью в балете «Синатле».

Сам принцип хореографического решения спектакля «Синатле», где все ходы сюжета раскрывались в гармоничном соединении «выразительного» и «действенного» танца, отличался от принятых норм «драмбалета». Постановка эта продолжила поиск хореографа и в области национальной тематики, героико-романтического стиля, соединении классики и фольклора в хореографической лексике. Решал он также проблему истинно балетного либретто, что создавало предпосылки для того, чтобы избежать явные издержки «драмбалета».

Особое место в творчестве балетмейстера занимает «Гор-

да». Творческая жизнь этого спектакля оказалась самой до-голетней из всех балетов Чабукиани. И ни в одном из его хореографических сочинений использование народных истоков не носило столь широкого характера, как в «Горде», где свое убедительное выражение получили основные черты грузинского национального искусства — стремление к эпической героике, к постижению глубины и психологической сущности национального характера.

Тяготение «драмбалета» 50-х годов к подробностям быта Чабукиани умело использовал для пластического воплощения, тщательно «выписанной» фрески жизни грузинского народа, поданной с правдивыми подробностями, в верном историческом освещении. Балетмейстера соблазняла не реставрация экзотических зрелищ, а бережное воспроизведение самобытности примет национальной культуры, ее народных корней.

Историческая тематика балета «Горда», его глубоко национальное звучание, обилие в нем танцевально решенных сцен позволили хореографу вновь умело обойти «острые углы», возникшие в «балете-драме» 50-х годов.

В один из самых критических для «балета-драмы» моментов (50-е годы) Вахтангу Чабукиани было суждено еще раз, как в свое время балетами «Сердце гор» и «Лауренсия», удивить балетный мир самостоятельностью и смелостью художественных решений в «Отелло». В отличие от других его спектаклей того периода здесь главный герой, щедро наделенный пластической речью, во вдохновенном танце раскрывал характер и глубины психологии шекспировского Отелло. Резонанс этого балета А. Мачавариани (либретто В. Чабукиани — 1957 г.) был огромным как в Грузии, так и за ее пределами.

«Балет «Отелло» представляет собой художественное явление поистине огромного масштаба, о котором с полным основанием можно говорить как о радостной творческой победе советского хореографического искусства», — отмечал А. Мессерер в дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве, где был показан этот спектакль. («Вечерняя Москва», 26 марта, 1958, № 72).

А вот одна из самых характерных реакций на него: «Танцев так много, что кажется, их хватило бы на два спектакля... В. Чабукиани раскрывает все грани образа Отелло: мудрый правитель Кипра, он нежен и мягок в любви, яростен в ревности, требователен и властен с войнами. И почти все это передано в танце. Или попробуйте себе представить Яго тан-

цующим... тарантеллу на балу. Но постановщик смело ввел такой прием, и он удался». (Цитируется по кн. «Декада грузинского искусства и литературы в Москве», Тб., 1958, с. 103).

Мы не впервые сталкиваемся с выражением «смело», употребляемым рецензентами для определения попыток Чабукниани нарушать те или иные каноны «балета-драмы». И в самом деле в тот период было смелостью решить танцевальными средствами литературный образ героя, при этом не сомневаясь, что хореографическая речь может стать для него естественным средством выражения мыслей и чувств, что хореографии подвластно раскрытие психологических ходов драмы. Чабукниани как бы разбивал своим балетом то неверие в выразительные возможности танца, которое сложилось в балетмейстерской практике хореографии второй половины 50-х гг.

Анализ этого балета позволяет утверждать, что примененные здесь выразительные средства в целом дискредитировали старые приемы «балета-драмы», к которой в частности все же тяготел этот спектакль.

Он занимал как бы промежуточную эстетическую позицию между старой и нарождающейся хореографией. Был своеобразным итогом творческих поисков хореографа, художественной моделью балетного спектакля, каким бы хотел его видеть Чабукниани. Главным же творческим кредо балетмейстера, ярко выразившемся в этой его работе, явился призыв к применению всего многообразия театральных художественных средств и отказ от канонизаций эстетических систем. В спектакле органично сосуществовали танец «действенный» (сцена боя, вариации и дуэты главных героев Дездемоны, Отелло, Яго, Эмилии) и «выразительный» (праздничные массовые сцены на Кипре), пластическая метафора, пантомима, «двуплановость» драматического действия и образности танца.

Спектакль «Отелло» знаменовал собой завершение целого этапа в творческой биографии хореографа (1936—1957 гг.). Балеты, созданные за этот период, можно объединить в одну группу художественных явлений, так как все они в целом созданы по эстетическим принципам «балета-драмы». За 22 года рассматриваемого периода хореографом были выработаны художественные принципы, призванные развивать и совершенствовать жанр, а зачастую и направлять его развитие. Эта новаторская сущность поисков новых форм, впервые проявившаяся в «Сердце гор», стала неотъемлемой частью всего творчества Чабукниани.

Давид КАКАБАДЗЕ

Статьи об искусстве

ВЫСТАВКА РАБОТ МОСЭ ТОИДЗЕ

Выставка работ г-на М. Тоидзе — прекрасный указатель пути, по которому надо следовать грузинским художникам, чтобы создать современное грузинское искусство. Нам необходимо обрести прежде всего тот подлинно грузинский художественный «язык», примеров которого было у нас в прошлом во множестве. Ныне он утерян и необходимо его найти, потому что без этого немислимо возрождение искусства. Именно этим языком надо передать своеобразие нашей природы, ее краски, рисунок, нежность и силу. Материалом послужит сама природа, народ, его жизнь, нравы и обычаи. Художник должен по возможности глубоко постичь сущность природы, каждое ее движение; основательно изучить принципы искусства вообще и пойти своим путем. Для этого надо много и долго работать, много и долго искать.

Работы г-на Тоидзе можно подразделить на несколько родов, в каждом из которых он пытается различными средствами передать нашу природу. К первому относятся рисунки:

В четвертой книжке «Литературной Грузии» за минувший год была впервые на русском языке опубликована изданная в 1924 году в Париже на грузинском языке, а затем помещенная в журнале «L'art Modern» в авторском переводе книга Давида Какабадзе «Париж (1920—1923 годы)». В аннотации к этой публикации отмечалось, что он «пожалуй, первый из современных нам грузинских художников посвятил статьи и книги важным вопросам искусства».

Продолжая знакомить читателей с теоретическим наследием замечательного грузинского художника, столетие со дня рождения которого отмечалось недавно, предлагаем его статьи, часть которых увидела свет в грузинских журналах и газетах, а часть была написана в Париже.

№№ 1, 11, 13, 14, 16, 10, 4 (номера по каталогу выставки) и еще несколько аналогичных работ. Светлые краски, соотношения формы и красок, согласование света и тени... — все эти картины напоминают так называемое импрессионистское направление в живописи. Хорошее впечатление, благодаря своим нежным тонам, производит картина «Ребенок на балконе» (14); хорошо выполнена также картина «Цветы» (4), разве что нарушает гармонию темный цвет на переднем плане. Этот цвет, которому в картине отведено много места, не согласуется с другими частями картины. С точки зрения сочетания красок хорошее впечатление оставляет «Этюд» (58). Жизнерадостная сила красок, их взаимосвязанная выразительность переданы в картине «Старый базар» (1). Здесь видна попытка достигнуть взаимосвязи между «основными цветами» — зеленым, желтым и красным. Однако в отдельных частях картины слаб рисунок.

Ко второму роду следует отнести работы, выполненные по декоративным принципам. Не могу сказать, что г-н Тоидзе в своих произведениях четко определил этот принцип, но попытка применить его очевидна. Примером может служить картина «Георгий XII» (2). Перспектива изображена замечательно. В передней части она, правда, слабее, да и цвета верхнего левого угла не гармонируют с красками других ее частей. Очень трудно подбирать и сочетать цвета так, как это сделано в «Георгии XII». Подбору красок всегда следует уделять особое внимание. С использованием тех же красок написано несколько пейзажей Пшав-Хевсурети (альбом является собственностью Исторического общества).

Таким образом стала реальной возможностью много десятилетий спустя приобщить русского читателя к профессиональным суждениям о путях развития искусства, в том числе грузинского, в контексте мировой художественной культуры, человека, широко мыслящего и в то же время глубоко озабоченного тем, каким путем идет развитие нового грузинского искусства, которое, по его мнению, должно «занять свое место в потоке мирового искусства».

Думается, содержащиеся в этих материалах мысли и основополагающие положения их автора, касающиеся искусства вообще и грузинского в частности, и сегодня во многом не утратили своей остроты и актуальности.

Л. ДОБРОДЕЕВА

К лучшим работам г-на М. Тоидзе следует отнести «Облака за горами» (65), «Берег Куры» (36) и ряд этюдов, выполненных в той же манере. «Облака за горами» представляются нам замечательным произведением в силу своей красочности, просто и непритязательно осмысленной формы. Все это очень приближается к истинному пониманию нашей природы. Мне кажется, г-ну М. Тоидзе по силам расширить то проникновение в нашу природу, которое наблюдается в его небольших этюдах.

В особом ряду располагаются картины, передающие переживания самого художника. К ним относятся работы №№ 13, 11, 12, 30 и другие. С точки зрения письма они не представляют из себя ничего особенного, но значительны постольку, поскольку художник стремится выразить в них свои собственные переживания.

С точки зрения сочетания красок надо отметить, что часто, пытаясь выявить какой-либо цвет, г-н М. Тоидзе использует для контраста дополнительный цвет, однако во всех этюдах он использован неудачно. В результате основной цвет не проглядывается, более того, он теряет свою силу. («На кладбище», № 6; «Облака за горами», № 65. Дополнительный цвет — красный). Контрастам следует уделять особое внимание. В данном случае существует известное правило: сила красок, использованных для изображения контрастности, должна быть равной силе близлежащих красок. Это правило хорошо усвоено и использовано художниками так называемого «пуристского» направления (Сезанн, Гоген, Ван-Гог и др.).

Примечательно еще одно: почти из всех картин явствует, что г-н М. Тоидзе мало внимания уделяет линейности. Между тем, линия имеет в искусстве исключительно важное значение. Можно ли исходя из этого сказать, что г-н М. Тоидзе вообще слаб в обрисовке формы? Нет, нельзя. Прекрасный тому пример — акварель «Хевсурка». Замечательна форма в смысле четкости очертаний. Г-н Тоидзе, несомненно, чувствует и понимает ее, но почти во всех остальных произведениях линии слабы. Именно поэтому они теряют свою силу. Причина всего этого — сама манера письма, которой придерживается г-н М. Тоидзе, и его понимание линейности вообще. Большая часть его картин напоминает импрессионистскую форму и манеру письма, то есть такую, где форма зависит от окружающих предметов, воздуха и пространства и постепенно исчезает, растворяется в них. Для того, чтобы художник, работая в аналогичной манере, сохранил четкость формы, преж-

де всего необходимо глубоко ее прочувствовать. Родоначальники импрессионистской школы (Манэ, Ренуар и др.) хорошо знали и понимали линию и ее значение. Им в этом способствовало творчество художников предшествующих направлений. В ходе развития импрессионизма значение очертаний постепенно сходило на нет, исчезало, растворялось в цвете. Однако вскоре наступила реакция: художники поняли, что импрессионизм утерял значение линейности, и взялись за ее возрождение. Это возрождение линии присуще различным направлениям искусства (пуризм, кубизм и др.).

Я глубоко убежден, что грузинский художник по природе своей должен обладать способностью к особой обрисовке формы. Пример тому — наше древнее искусство: живопись, зодчество, литература, музыка.

Г-н Тоидзе довольно глубоко постиг форму. Прежде он уделял ей больше внимания, было бы хорошо обращаться к этому и впредь.

У него есть дар, есть чувство, наблюдательность. Ему это по силам. Тогда и его произведения будут более значительными.

Газета «Сахалхо пурцели», 1915 г., 20 июня.

ИСКУССТВО — ПРОСТРАНСТВО

Экспрессивное выражение жизни исчерпывается произведением искусства, которое переводит это выражение в вечность. Средства, которыми достигается материализация этого выражения, определяют форму искусства. Каждое новое материальное средство может дать новый вид искусства. (Например — кинематограф). Подразделение искусства на различные роды (живопись, скульптура, архитектура и др.) чисто условно.

Может случиться, что тот или иной род искусства окажется неспособным выразить сегодняшнюю жизнь, поскольку его материальные средства недостаточны, чтобы сделать это со всеобъемлющей полнотой. Только тот род искусства достигает совершенных форм, материальные средства которого могут охватить ее в полном объеме. Поэтому существование некоторых видов искусства представляет собой проблемы, требующие разрешения.

Всякое произведение искусства по существу есть неразрывная часть природы и потому его структура и основные элементы аналогичны элементам и структуре самой природы.

Одним из существенных элементов природы является пространство. Пространство — это содержание всякой формы или предмета. И существование всей природы — результат данности пространства. Представления о природе вне пространства не существует, и оно же, то есть пространство, является ядром всякого бытия. Чтобы приблизиться к современным понятиям, нужно сопоставить с понятием пространства понятие времени, как взаимно определяющие элементы. И в дальнейших суждениях, хотя я буду говорить только о пространстве, везде это сопоставление остается в силе.

Жизнь индивида складывается в обстановке окружающих его факторов и потому как физические, так и психические его особенности вырабатываются под влиянием этих факторов. Так как пространство есть один из главных элементов природы, оно представляется в то же время существенным элементом человеческого содержания.

Восприятие пространства есть одна из внутренних способностей человека и ощущение пространства есть фактор, возбуждающий и укрепляющий жизнь.

Природа ощущается нами не как однообразие, а наоборот, как многообразие, данное в пространстве. Существенным условием для восприятия пространства является движение, а бинокулярное зрение — только одно из средств для постоянного переживания пространства.

Всякий предмет, всякая поверхность, которые не дают нам ощущения пространства, оставляют чувство неудовлетворенности, что, в свою очередь, вызывает инстинктивное стремление изменить данную поверхность до такого состояния, когда чувство пространственности будет удовлетворено. Различные украшения, создаваемые человеком на поверхности бытовых предметов, — результат этого стремления. Ощущением пространства человек впервые устанавливает духовную связь с воспринимаемыми им предметами, вступает с ними в интимную связь, а потому выражение пространственности на поверхности предмета есть жизненная необходимость.

Средства для выражения пространственности на поверхности следующие: линия, цвет, рельеф, световые лучи и т. д.

В прошлом орнамент являлся наиболее приспособленным и целесообразным средством пластического изображения пространства. В орнаменте находили свое конечное выражение все формы пластического искусства и архитектуры.

Орнамент был иррационально вскрытым средством выражения эстетическо-эмоциональных ощущений прошлого, и

потому пластическое содержание каждой эпохи, наиболее совершенную форму ее выражения находили в орнаменте, чем и определяется так называемый «стиль» каждого времени. Каждая эпоха характеризуется своеобразным ощущением пространства, и потому им же обуславливалось существование различных форм орнамента.

Из сказанного видно, что ни одна форма искусства не существует вне переживания пространства. Каждое искусство зависит, во-первых, от материальных средств выражения и, во-вторых, от особенности переживания пространства. Форма искусства нашего времени также есть производная современного своеобразного переживания пространства.

Очевидно, что наше время резко разнится от недалекого прошлого. Изменение жизни вызвало трансформацию наших эмоциональных переживаний: машинизм стал важнейшим фактором жизни, доминирующим над всем нашим существованием. А развитие скорости радикально изменило и углубило наше ощущение пространства.

В настоящее время мы являемся свидетелями полного исчезновения орнаментально-пластического искусства, чем еще раз подтверждается изменение в корне нашего представления пространства.

Проблема современного пластического орнамента комментируется и разрешается различно. Те, кто привык оглядываться назад, стараются создать новый вид пластического орнамента¹. Но эта новая орнаментация совершенно бесполезна, так как какую бы форму она ни приняла, такой орнамент не может стать жизненным элементом нашего времени.

С другой стороны, — так как в современной обстановке существование пластического орнамента признается бесполезным — стараются доказать, что современная жизнь дает возможность освободить, наконец, поверхность от всякого рода украшений, причем отрицается даже содержание орнамента. Но такое суждение привело к совершенно абсурдным и антипластичным формам, в частности в архитектуре. Для примера такого рода суждения интересно привести мнение, согласно которому при подчеркивании факта исчезновения пластического орнамента формулируется следующий закон: с развитием культуры исчезает орнамент с обиходных вещей. Из

---

¹ Кубистический орнамент на вазах. Прямые линии на блестящей поверхности есть нелепость, кривые еще допустимы.

этого закона вытекает, что в наше время исчезновение орнамента есть результат современной культуры. Но одновременно признается, что орнамент есть искусство, что в современной архитектуре он отсутствует и улицы будущего города — лишь ряд голых и белых стен. Следовательно, эта теория утверждает — современная архитектурная стена и есть такая поверхность.

Надо признать, что однообразие и беднота современной архитектуры — результат теории и мышления такого рода. Подобные стены антипластичны, они уродуют архитектурную форму и сводят на нет эстетическое восприятие человека. Содержание орнамента — как одного из средств для передачи ощущения пространства и составляет душу архитектуры (или всякого предмета) и нет вне этого содержания архитектурной формы. Постройка с голыми, белыми поверхностями, как постройка в лесах, не может стать архитектурным искусством. В самом деле, человек сегодняшнего дня ничуть не потерял инстинкта человека вчерашнего, только условия его жизни изменились и соразмерно изменились чувства и переживания.

Орнамент был жизненной необходимостью человека, и эту необходимость нельзя отрицать и в современных условиях. Но так как сегодняшняя жизнь представляется в иных формах, то и содержание орнаментальности должно соответствовать этой жизни.

Бесспорно, современные формы индивидуальных вещей опередили формы искусства. Предметы машинного производства более соответствуют содержанию современной жизни, чем формы сегодняшнего искусства. Эти предметы нас вполне удовлетворяют, они становятся необходимостью. Наблюдение над вещами машинного производства и анализ вызываемых ими эмоций дают возможность понять, каковы формы, наиболее удовлетворяющие современное ощущение пространства.

Передача динамического ощущения пространства на поверхности достигается двумя средствами: блестящей поверхностью и определенным подбором цвета. Для того, чтобы заложить основу реальному сосуществованию предметов машинного производства, поверхность этих предметов делают по возможности блестящей. Блестящая поверхность, в глубине которой, как в зеркале, отражается бесчисленное множество плоскостей, представляет наилучший способ выражения динамического переживания пространства. Блестящая поверхность — более сильное средство для передачи пространственности,

чем пластические, орнаментальные формы. На блестящей поверхности бесполезно и абсурдно делать орнаментальные фигуры, потому что пластический орнамент исчезает в глубине такой поверхности.

При раскраске индустриальных предметов также подбираются цвета, удовлетворяющие новое чувство пространства. Поэтому индустрия употребляет только те цвета, которые дают наибольшую силу глубины, и гармоническое сопоставление различных цветов совершается по этому новому закону. В таблице цветов мы находим очень ограниченное количество цветов, дающих впечатление глубины, потому что в индустрии и употребляют весьма ограниченное число цветов. Современная улица также требует новых средств, при помощи которых достигается передача ощущения пространства. Они-то и заменяют теперь орнаменты, фигурирующие в архитектуре прошлого. Широкие окна, большие витрины, окруженные блестящей рамой, зеркала, покрывающие стены во всю ширину, — вот средства, выражающие новое переживание пространства. Они более сильны и совершенны, чем пластический орнамент, и главную причину исчезновения орнаментальных форм надо искать в этом.

Таким образом, формы современной архитектуры и смысл современного орнамента заключены в новых средствах выражения пространства, то есть в средствах для иллюминации поверхности, в способе употребления зеркальных и стеклянных плоскостей, в свете, в блеске, которые от них исходят, а также в выборе цветов, обладающих наибольшей глубиной.

Из вышесказанного видно, что средства, выражающие динамическое переживание пространства, определяют формы всех современных искусств. Машинизм дает нам достаточно новых средств для реализации этого выражения, и потому появляется больше возможностей для создания новой пластической формы. И если при современных условиях необходимо существование живописи, то ее форма достигает жизненности только в том случае, когда она станет выразителем нового переживания пространства.

То же самое можно сказать относительно современной архитектуры. Новые материальные средства выражения пространства создадут новую архитектурную форму.

Также и все виды искусства нуждаются в обновлении вообще. В частности, требует изменений театральное искусство. Оно должно принять форму спектакля, где выражение динамического переживания пространства достигается при ми-

нимальных условиях: свет, блестящая поверхность и цвет — новые элементы театра.

Мы имеем уже искусство нового переживания пространства — это кинематограф. Неоспоримый факт, что кинематограф лучше других видов искусства выражает сущность современной жизни, так как оперирует лучшими средствами для удовлетворения нового чувства пространства, а именно: светом и блеском.

Искусство имеет одну цель: это материализация ощущения жизни. Оно является одним из средств, возбуждающих в нас жизнедеятельность. Произведение искусства должно включать в себя те же элементы, что и природа. Одним из элементов, характеризующих существование природы, есть пространство, и произведение искусства должно быть оживлено чувством переживания пространства. Современный человек, обладая наилучшими и новейшими средствами выражения динамического переживания пространства, может создать искусство, отвечающее его потребностям.

Париж. 1920—1923 гг.

БЕКА ОПИЗАРИ

Бека Опизари — замечательнейший златоваятель блестящей эпохи грузинской истории XII века.

Это было время могущества грузинского государства, огражденного как от внешних, так и от внутренних врагов, пора расцвета культуры, искусства и науки. Грузинское зодчество и литература достигли в двенадцатом веке удивительного совершенства, которыми Грузия по сей день вправе гордиться. Философское подвижничество Иоана Петрици — безусловно, свидетельство постижения вершин науки.

Во времена полного расцвета двух областей культуры (литературы и зодчества) не могла не явить себя какая-либо область искусства. И действительно, златоваяние именно тогда обрело свою лучшую форму, и одним из замечательных златоваятелей был Бека Опизари.

О жизни и творчестве Бека пока мало что известно. Мы знаем, что этот мастер из местечка Опизы, в Кларджети, северо-западнее реки Шавшети. Из несомненных его работ нам знакомо лишь несколько, но надо надеяться — когда будет глубже изучена форма ваяний Бека, его образы и техническая сторона чеканки, еще много произведений будут связаны с его именем.

Доподлинным и несомненным произведением **Бека Опизари** следует считать оклад Цкароставского Евангелия, хранящегося в Гелати¹, чеканное оформление и обрамление Анчийской Божьей матери из нерукотворной Анчийской иконы Спаса. Об этом свидетельствует надпись на самих работах. Эти чеканки представляют собой великолепные образцы златоваяния и занимают особое место в этой области искусства. Их совершенство свидетельствует о том, что Бека Опизари прекрасно владел техникой златоваяния и что его художественное миросозерцание достигло высокого развития.

Златоваяние вообще занимает в искусстве особое место. У него и форма особая. Принцип, в рамки которого помещена здесь форма, заключается в сочетании форм скульптуры и живописи. Чеканка икон вообще основана на принципах барельефа. Барельеф по своей форме занимает некое срединное место между скульптурой и живописью. Полная форма скульптуры здесь ограничена плоскостью, на которой высекается образ, образ же живописи выражается в барельефе в том, что формы располагаются на плоскости. Принцип перспективы существует лишь в изобразительном искусстве. Круглая скульптура не нуждается в ней, поскольку предметы не располагаются здесь на разных плоскостях. Если же в барельефе предмет располагается на разных плоскостях, соблюдение перспективы необходимо. Но дело именно в том, что в барельефе подлинный принцип живописной перспективы не применяется совершенно, поэтому для перспективы в барельефе разработана своя форма. Если в барельефе форма располагается на одной плоскости, то форма лепится по закону, вытекающему из одной плоскости. Постепенно расположение плоскостей, имеющее место в круглой скульптуре, в барельефе заменено одной главной плоскостью, на которой изображается образ, безразлично один или несколько — форма всех этих плоскостей не может выйти за пределы плоскости основного барельефа. Именно это ограничивает барельеф, и главная его мысль, его развитие и красота заключены в размеренном расположении друг в друге этой плоскости и образов. Некоторые лучшие формы барельефа созданы в искусстве Ассирии и Египта. Впоследствии древняя и новая Греция придали барельефу новую форму, а итальянский Ренессанс (Донателло) выявил еще один новый его образ.

---

¹ Анча, Берти и Тбети расположены в Шавшети, а Цкаростави — в южной Джавахети.

Творчество Бека Опизари представляется весьма значительным именно в барельефе. Он, как о том свидетельствуют его произведения, обладал большими знаниями в этой области. Полное изучение его произведений убедит нас в том, что Опизари придал форме барельефа своеобразный вид, да и вообще в скульптуре того времени его имя сияет немеркнущим светом. Свидетельство тому — выполненный им оклад Анчийской нерукотворной иконы Спаса. Соблюдение плоскости барельефа, взаимосвязь образов между собой и с плоскостью, согласование художественной формы с законами барельефа, распределение образов по плоскости — все это выполнено замечательно и являет собой прекрасный образец в истории барельефа. Мы, к сожалению, пока не можем дать полную оценку произведениям Бека Опизари. Это не позволяет сделать техническая сторона: описав произведения, их надо снабдить иллюстрациями, что по техническим причинам невозможно. Мы намерены в будущем, полностью исследовав и иллюстрировав, раскрыть творчество Бека Опизари и эпоху нашего златоваяния вообще. Здесь отметим лишь, что основная черта оклада Анчийской иконы выражается в оригинальной форме, и именно этим отличается от современной ей византийской формы. Примечательно, что аналогичной формы вообще не найти в византийском искусстве. Сам оклад, выполненный Бека, оказал большое влияние на развитие видов окладов грузинских икон.

Второе произведение, без сомнения принадлежащее Бека Опизари, — оклад Цкароставского Евангелия, хранящегося в Гелати. В нижней части оклада между изображением Христа и Богоматери сохранилась надпись: «Господи, помилуй златоваятеля Бека Опизари». Как барельефы оклада, так и общее его убранство, поля, выполнены в превосходной форме. Византийский стиль сохранен здесь в большей степени, чем в Анчийской иконе. С точки зрения общего рисунка и технического выполнения, это произведение представляет собой наилучший образец златоваяния.

Необходимо также отметить оклад Тбетского Евангелия. Это прекрасное творение намного превосходит все вышеупомянутые работы. Не думаю, чтобы в форме барельефа того времени можно было отыскать подобное изображение Богоматери на переднем плане оклада Евангелия. Поразительно переданы ее телесные муки, в рисунке одежды прекрасно сохранена форма тела, и величие формы не нарушается ни единым штрихом. Этот образ надо считать гордостью грузинского ба-

рельефа. По надписи не совсем ясно, кем отчеканен этот оклад, но можно предположить, что он принадлежит Бека Опизари. Форма образов, исполнение и характер углов полей очень похожи на Цкароставское Евангелие, и это обстоятельство наводит на мысль об авторстве Бека. Это тем более вероятно, что переписчиками и заказчиками чеканки обоих евангелий являются одни и те же лица: Иоанэ Мтэбвари (заказчик оклада) и переписчик — писатель Иоанэ Пукарелисдзе.

К XII веку относится также складная чеканка Хахульской Божьей матери. Если мы подробно изучим все стороны произведений Бека Опизари — величие хахульской иконы, ее значительность станут совершенно очевидными.

По-видимому, лучшие образцы грузинского златоваяния принадлежат Бека Опизари. Его творения относятся к законченной, совершенной форме искусства, и они не могли не оказать влияния на наше златоваяние последующих времен. Форма златоваяния XII века сохранялась вплоть до XV, и мастерство Бека Опизари, создателя превосходных форм, уподобилось для нас заветной мечте.

В Гелати есть другое Евангелие — Бердское. Из надписи на нем явствует, что чеканка оклада принадлежит Бешкену Опизари. Мы не знаем, каковы были отношения между Бека и Бешкеном. Одно несомненно — оклады обоих евангелий очень похожи: та же форма, тот же вид, то же исполнение. Возможно, в ту эпоху существовала одна школа златоваяния. В таком случае имя Бека Опизари приобретает еще большее значение.

Журнал «Швиди Мнатоби», №№ 1, 2, 1919 г.

ОБОЗРЕНИЕ

(1924—1925 гг.)

В первой книге (Париж, 1920-23 гг.) мы вскользь коснулись вопросов современного грузинского искусства; подчеркнули, что оно должно стремиться идти в ногу с современным мировым искусством по мере своих национальных возможностей.

Нельзя, повторяем, и невозможно оставаться вне влияния цивилизации и культуры, в условиях которой живет современный человек.

Каждое наше действие должно служить достижению этой

цели, и искусство, как одна из жизнеутверждающих сил, должно стать выразителем новой жизни.

Каждую эпоху и каждый народ характеризует своеобразие культуры, определяющее своеобразие форм жизни.

Три культурные силы средневековья — Христианство, Магометанство и итальянский Ренессанс — принадлежали не какой-нибудь одной нации, а создавались многими народами. При общности идей они, соответственно местным, национальным условиям, выражались в различных самобытных формах искусства древнего Востока и Византии, Константинополя, Каппадокии, Ирана, итальянского Ренессанса и связанных с ним народов Европы.

Современную культуру также нельзя считать собственностью какой-либо одной нации. В ее создании принимали и принимают участие народы различных стран и национальностей. Современное искусство — результат общей культуры, которая в силу местных своеобразия и традиций принимает национальный облик.

Поверхностный взгляд не может разобраться в различных явлениях современного искусства. Он отмечает лишь его общие черты, видит однообразие и, следовательно, упадок. Неудивительно, если человек, мыслящий таким образом, находит в современном искусстве отрицание национального элемента.

Искусство есть результат душевных переживаний и чувств человека, поэтому в нем выражается содержание жизни, ее смысл. Человек духовно связан с условиями местной жизни, ее прошлым и настоящим. Местное национальное лицо искусства — результат именно такого рода душевного настроения, что в сфере общей культуры приводит к многообразию искусства.

Человек должен осваивать культуру не поверхностно, но всем своим существом. Только в таком случае создается органическая связь между нами и ценностями культуры.

И постижение явлений искусства должно происходить не путем подражания внешним формам, а основываться на переживании жизни и выражаться в своих чистых формах.

Настоящее искусство всегда связано с современной жизнью и является выразителем ее ритма.

Представители старшего поколения грузинского искусства относятся к тем художникам, творчество которых заключается в подражании внешним формам и освоении европейских художественных методов. Поэтому, хотя они и работают в Грузии, все же не сумели вникнуть в грузинскую жизнь и

местные условия. В их произведениях не видно той духовной связи, которую искусству необходимо иметь с жизнью. Нельзя сказать, что они не преследовали высокую цель, но неправильно выбранный путь не привел их искусство к должной высоте. Наиболее значительный представитель этого поколения Гито Габашвили.

В начале XX века мы все еще не находим пути подлинно художественного творчества. То же подражание внешним формам европейского искусства, что и на исходе минувшего столетия. Одновременно следует отметить влияние русской живописи, пусть весьма незначительное.

В числе мастеров этого времени следует назвать **Якоба Николадзе**, который освоил метод нынешнего европейского влияния, но не сумел связать его с содержанием грузинской жизни, поскольку целью своего творчества он поставил достижение мастерства Родена, а не выражение прочувствованной жизни.

Тем временем у нас развиваются археологические работы. Археология вообще оказывала большое влияние на европейское искусство, но ценность этого влияния оказалась незначительной, так как заключалась лишь в подражательстве внешним формам; это ретроспективное искусство (теперь оно уже принадлежит истории) было лишено всякого художественного достоинства, поскольку не имело связи с действительностью. Оно заслуживает большого внимания и имеет большое значение, если обратиться к его достижениям в изучении и усвоении сущности форм искусства прошлого. Последнее — причина многих, заслуживающих внимания, явлений в современном искусстве.

Влияние древнего национального искусства ощущается в Грузии лишь в последние 15 лет. Оно чисто подражательного характера и его, разумеется, нельзя считать творчеством и тем более областью искусства.

---

¹ Признанием такого рода подражательства методом национального искусства служит постановление Тбилисского горисполкома, о котором мы узнали в процессе публикации этой книги в газете «Комунисти», 04.26 г. «Для придания городу национального облика, — сообщает газета, — горисполком принял на днях постановление: отныне всякого рода городские здания должны быть построены в стиле грузинского гражданского зодчества... Фасады значительных зданий переделаны, согласно грузинскому стилю...»

Некоторые видят во внешнем подражании продолжение традиций национального искусства. Мы же считаем, что подражательство совершенно не способствует созданию духовной близости к традиционным формам. Связь с ними должна быть внутренней, а не внешней.

И подражание древнему искусству не может стать исходной точкой современного искусства. Древнегрузинская живопись, сперва христианского, а потом и персидского порядка, слишком отдалена от современной жизни не только своими внутренними свойствами, но и техникой выражения. Поэтому восстанавливать его бессмысленно и невозможно. Настенная живопись этого плана существует лишь в условиях, когда есть потребность в описательном искусстве. Такие условия создавали религиозные храмы. Сегодняшняя культура не нуждается в описательном искусстве, оно утратило свое значение. Современный человек живет и работает в помещениях, где этому искусству нет места, да и у него самого нет времени часами разглядывать разрисованные стены. Грузия в этом отношении не является исключением.

Беспочвенность защиты традиционного изобразительного искусства подражанием его внешним формам доказывается еще и тем, что и без того трудно уловить традиционную связь между христианским и персидским рядами нашего искусства.

Если подражание внешним формам древнего искусства не относится к области творчества, то знакомство с прошлым, его изучение — важный материал для приобретения художественной культуры¹ и постижения сущности искусства. При помощи этого мы в большей степени вступаем в контакт с традиционными формами искусства, чем в процессе подражания.

Наше мнение относительно того, что новое искусство должно исходить из реалий современной жизни и культуры, правильно еще и потому, что древнегрузинское искусство, как христианского, так и персидского порядка являлось выразителем современной ему жизни и культуры.

---

¹ Показатель реального положения нашей художественной культуры — наше участие в интернациональной выставке декоративного искусства в Париже в 1925 году. Присланные на выставку образцы декоративного искусства были, прежде всего, очень плохо подобраны и, потом, театральные эскизы и макеты в такой степени не принадлежали к разряду искусства, что комиссия не смогла их выставить.

В нашем искусстве подражание имеет двойкий вид. Первое — интегральное подражание, что представляет собой лишь копию древнего искусства; второе — интерпретация внешней формы.

Значительных результатов в интерпретации как древнего искусства (в особенности персидского ряда), так и нового (Нико Пиросманашвили) достигают произведения Ладо Гуднашвили.

Таким образом, как старшее поколение находило художественный материал в подражании внешним формам европейского искусства, так и новое поколение следует по этому пути. Только к предмету подражания приплюсовывается древнее и новое национальное изобразительное искусство.

Должным образом не развита и художественная культура — все сводится к подражанию какому-нибудь художественному методу в рамках этнографии.

Надо отметить, что вообще художественное подражание носит двойкий характер: во-первых — неизменность, во-вторых — развитие художественной культуры, затем переход к независимому творчеству. В первом случае это лишь подражание внешним формам предмета или его интерпретация, то есть творчество здесь отсутствует. Во втором — мастер постепенно переходит к творчеству, сообразуясь с собственным темпераментом, уже своим, особым методом. Он переживает живое искусство. Он традиционно связан с древним искусством.

Жизненная необходимость требует, чтобы искусство было связано с реальной действительностью, ее духовным содержанием, чтобы приобретенным методом мы подошли не к старым предметам, но к неиссякаемому и многообразному грузинскому содержанию и его актуальности.

Живой образ нового искусства — Нико Пиросманашвили.

Его произведения — подлинное творчество. Он обладает своим особым художественным сознанием, художественным методом и темпераментом творчества.

Его творчество связано с грузинской действительностью. Целью Пиросманашвили никогда не было воспроизведение какого-либо метода — он воплощал в художественную форму ту жизнь, которую переживал.

Художественный путь Нико Пиросманашвили — превосходный пример нашего нового искусства. Его творчество полностью относится к современному мировому искусству. И это доказывается прежде всего тем, что открытию его способствовало создание европейской художественной идеологии. Нуж-

но было возникнуть этой идеологии, а нам познакомиться с ней, чтобы произведения Пиросманашвили вынесли из подвалов на чистый воздух, и он вошел в семью представителей международного изобразительного искусства. Во всех странах есть равные ему мастера. Их объединяет художественный метод, но художественный предмет различен. Так из местной национальной сферы они переходят в интернациональную.

Нико Пиросманашвили не задумывался специально ни о национальном, ни о традиционном искусстве. Его целью было лишь воплощение действительности в художественных формах. Благодаря таланту и художественной силе, сам — частица окружающей его жизни, Пиросманашвили создал превосходные произведения. Поэтому его творчество глубоко национально и, вместе с тем, общечеловечно. И оно традиционно связано с нашим древним искусством. Это может обнаружить любой заинтересованный исследователь. То, что в нашем древнем искусстве на протяжении веков присутствуют традиционные признаки, объясняется просто — искусство это создавалось в условиях грузинской действительности.

Вышесказанное призвано разъяснить, каким путем должно идти новое грузинское искусство. Нам нельзя возвращаться на дорогу, пройденную старшим поколением, или идти путем тех мастеров нового поколения, которые либо следуют за старшим, либо находятся на пути ретроспекции и интерпретации древнего и нового грузинского искусства. Наш цель — современными методами создать совершенное произведение, исходя из наших свойств и темперамента, пережив актуальность всесторонне, прочувствовав и выразив каждое явление природы и живой образ Грузии, идти по пути развития мирового искусства, изучать искусство прошлого не для того, чтобы стать подражателями или интерпретаторами какого-либо направления и течения, но изучением возвысить нашу душу, приблизиться к действительности искусства и осознать его содержание. Будем пользоваться не внешними формами произведения, но его внутренним строем. Таким образом, с возвышенной душой, грузинскими чертами и темпераментом мы придем к переживанию современной жизни и ее выражению, занимая свое место в потоке мирового искусства.

* * *

Хотя многие среди нас считают рассуждения о пластическом искусстве ненужными, потребность в них хоть и постепенно, но все же вступает в свои права. Поэтому не безынте-

ресно узнать, в каком плане ведутся эти рассуждения. К сожалению, к нам редко попадают в руки книги, издаваемые в Грузии. По чистой случайности мы познакомились и со статьями Геронтия Кикодзе по вопросам грузинского и современного искусства¹.

В первой статье Г. Кикодзе говорит, что художественную культуру Грузии питали два источника: первый — западный (классическая Греция, эллинистическая Передняя Азия и средневековая Византия); второй — восточный (Иран). Поскольку первое влияние преобладало, грузинское искусство — носитель «вечных, животворных традиций классического греческого искусства», оно реалистичнее и свободнее византийского. Этим объясняется родственность нашего творческого духа с духом итальянского Ренессанса. В качестве примеров он приводит росписи церковных стен от Зарзмы² до портрета в придворной церкви Чиковани.

Заметим, что цель изучения древнего искусства — овладение его подлинной художественной ценностью. Лишь в этом случае оно принесет пользу новому искусству. Такая возможность создается, когда исторические вопросы освещаются согласно источникам, исследованным наукой.

Древнегрузинское искусство ближе культуре христианского Востока, чем к византийской.

Оттого, насколько долго и далеко удержалось и простиралось политическое влияние Византии, зависела сила его воздействия. Однако культура христианского Востока, всегда независимая, находилась в постоянном антагонизме с византийской, и со своей стороны оказывала влияние на нее. Грузия — хранитель, наряду с национальными, традиций культуры христианского Востока. Византийское влияние эпизодического характера. Мы являлись полноправными членами общехристианской культуры и представляли независимую силу. Так влияние грузинского искусства вышло за пределы страны, проникнув, в частности, в русское, румынское и сербское искусство.

Византийское искусство — результат двойного влияния: восточного и эллинистического. Это синтез метода, техники Востока и форм классической Греции. Оно не раз испытыва-

¹ См. «Мнатоби», № 3, 1925 г. Статья должна быть напечатана в монографии о Нико Пиросманашвили и в журнале «Дроша», № 3, 1926 г.

² Зарзма — грузинский православный храм в Южной Грузии.

ло глубокие изменения, упадок и обновления; в нем соседствуют различные, противоположные друг другу течения.

Искусство христианского Востока состоит из местных (восточных) традиций, отличных от эллинистических.

Различие между реализмом христианского Востока и классической Греции заключается в следующем: эллинистический реализм пользовался пропорциями, соответствующими человеку; человек определяет его содержание; предмет представлен через видение индивида и изображается в пропорциях, присущих зрению, поэтому он не свободен и измеряется канонами. Восточный реализм следует возможности природы и заключен в отвлеченные формы. Предмет приобретает более реальное и свободное выражение. Влияние христианского Востока на Византию и западные страны наблюдается во многих областях культуры. Начало итальянского Ренессанса (XII—XIII вв.), между прочим, тоже результат его влияния.

Грузинский художественный реализм относится к местным, восточно-христианским, а не к эллинистическим традициям. Помимо этого в нем есть инородные влияния, и если мы находим в нашей живописи эллинистические черты — это результат византийского влияния, официальное искусство которого в разное время в достаточной мере было у нас распространено. К таким произведениям относятся барельефы Сафары. Образцов эллинистической формы подобного рода в византийском искусстве достаточно.

Со временем Грузия, находившаяся в орбите влияния вместе с византийской и восточнохристианской культурами, пришла в упадок. Теперь в ее культуру с юга начало вторгаться персидское искусство. Оно оставило свой след во всех областях искусства, в том числе и в стенной росписи. Однако следует отметить, что в силу крайне неблагоприятных условий жизни, сложившихся в те времена в Грузии, влияние персидского искусства оказалось недолговечным.

Во второй своей статье Г. Кикодзе дает оценку современному европейскому искусству, утверждая, что оно так же, как и литература, движется к упадку. Поэтому грузинские художники не находят источника вдохновения в Париже, Риме или Флоренции и возвращаются оттуда, испытывая чувство разочарования. В доказательство своей мысли он приводит письмо одного грузинского художника, присланное из Парижа. В нем автор делится впечатлениями об одном парижском Салоне и высказывает отрицательное мнение о современном европейском искусстве.

Для нас очевидно, что автор письма совершенно не разобрался в сегодняшнем искусстве Парижа, кроме того, мнение одного человека, обычного зрителя, не может служить аргументом, подтверждающим какое бы то ни было положение.

Автор письма делает свои выводы, осмотрев полотно, выставленное в Салоне, которому уже пятьдесят лет и которое не играет никакой роли в жизни искусства Франции. Оно принадлежит официальному искусству Республики и как такое не содержит никакого прогрессивного элемента.

Париж все еще остается значительнейшим центром современного искусства. Здесь собираются мастера из многих стран и устраиваются различные выставки, разобраться в которых не так-то легко и просто.

Г. Кикодзе противопоставляет ценность искусства социальным и политическим явлениям. Для нас же важно только одно — прогрессивно или же нет данное художественное явление. Современное искусство, ценность которого имеет всемирный характер, всегда прогрессивно. И не надо забывать, что его фундамент заложен перед началом мировой войны.

Возможно, Г. Кикодзе прав, когда пишет, что грузинские художники во время пребывания за границей не приобрели ничего и разочарованные возвращаются домой¹. Однако сам факт свидетельствует лишь о том, что эти художники не разобрались в сложных явлениях европейского искусства. Это должно быть ясно. Если художник, отправляющийся за границу, полагает, что ему достаточно пробыть там некоторое время, чтобы все приобрести и во всем разобраться, как по мановению волшебной палочки, то он глубоко ошибается.

Чтобы сложные явления искусства оценить как должно, необходима художественная культура, а для этого надо работать.

Перевод Нодара ТАРХНИШВИЛИ

---

¹ В то же время, какое значение придается пребыванию грузинских художников за границей, видно из следующей странной газетной хроники (газ. «Комунисти», 25.04.26 г.). Хроника касается одной из выставок, устроенных в Тбилиси: «...большинство его картин и в настоящее время находятся в различных музеях европейских государств и частных галереях... Периодически устраиваются выставки картин художника в Нью-Йорке, Чикаго и других городах Америки. Картины... находятся также в частных галереях Лондона, Голландии и Германии, на выставке можно купить картины».

Луиджи МАГАРОТТО

ПОРТРЕТ В ЖИВОПИСИ Н. ПИРОСМАНАШВИЛИ

Анализируя произведения Нико Пиросманашвили, поражаешься его исключительным способностям портретиста. Этот факт был отмечен многими критиками. Более того, некоторые из них даже пытались отыскать в различных групповых изображениях реальные прототипы, но, кажется, без каких-либо результатов. Пиросмани написал много портретов, заявленных таковыми с самого начала, однако мы склонны усматривать во всех этих «обедах», «кутежах», «компаниях» и т. д., только кажущихся жанровыми сценами или бытовыми зарисовками, в полном смысле этого слова групповые портреты¹.

Портреты Пиросмани также не избегают этой двухполюсности, некоторым образом всегда характеризовавшей историю, мифологию, теорию и практику портрета. Начальный двухполюсный аспект мы можем обнаружить в самой этимологии понятия. Многие индоевропейские языки выводят происхождение этого слова от латинского глагола *trahō* (проводить линии), но с употреблением аффикса *re-* (по-итальянски *ritratto* и по-испански *retrato*) или *pro-* (по-французски *portrait*, по-английски *portrait*, по-немецки *Porträt* и по-русски портрет), это понятие помещается на крайней точке семантической противоположности. Противоположность эта образуется, с одной стороны, из понятия «повторяемости» изображаемого объекта (*re-trahō*, т. е. повторяю что-то), и с другой — из «заменяемости» (*pro-*

traho, т. е. рисую что-то вместо чего-то). Два этих понятия, продолжающие сосуществовать в упомянутых нами современных языках, отсылают к понятиям подражания и условности, лежащих в основании этого художественного жанра². В грузинском языке слово p'ogt'get'i сосуществует с существительным sugati (от арабского sugat, т. е. дать форму чему-то), но также и это последнее, как и первое, отсылает к идее условности и абстрактности.

Понятие двухполюсности, определяющее портрет, подкрепляется не только этимологией, но также и мифом своего возникновения, которое может быть возведено к точному противопоставлению: портрет как профиль и портрет как анфас. Первый происходит из мифа о влюбленной девушке, которая, пользуясь тенью, бросаемой лицом любимого на стену, рисует по ней его профиль, дабы сохранить о нем память. Происхождение же второго — в мифе о Нарциссе, любующемся своим отражением в воде. Пиросмани, как в портретах, заявленных таковыми, так и в тех, которые определяются как групповые сцены, намного более предпочитает фронтальное изображение. И для Пиросмани, таким образом, зеркало есть гарантия не только самосозерцания, но самого созерцания, основанного на перпендикулярности взгляда. Уже у греческих софистов два этих момента самосозерцания и созерцания другого совершенно смещены, свидетельствуя тем самым, что рефлексия есть гарантия коммуникативного акта. Фронтальность делает зрителя зрителем, адресатом коммуникативного акта, и таким образом мы оказываемся перед определением языкового закона и в то же время перед возвещением других законов. Например, иератическая фронтальная фигура Христа Пантократора, широко распространенная в живописи многих стран, заставляет думать об обнаружении божественного закона, подобно тому как средневековые фронтальные изображения королей и королев утверждают, гарантируя земную власть, государственный закон.

В истории портрета принцип фронтальности более всего используется в изображении божественного или царского образа, в то время как портрет в профиль представляет более «низкие» фигуры или, лучше сказать, более земные и мирские. Пиросмани, как мы сказали, намного более предпочитает анфас, возводя «низкие» по определению фигуры дворников, рыбаков, крестьян и т. д., не говоря уже о животных, на уровень царских фигур или божественных образов, помещая их тем самым в идеальном и духовном плане. Другими словами,

он совершает операцию обратную той, которая была проделана средневековой народной культурой и которая, как утверждает Бахтин, характеризовалась снижением всего высокого, духовного, идеального, отвлеченного в материально-телесном плане, в плане земли и тела в их неразрывном единстве³. К этому можно было бы добавить, что своей операцией по возвышению, обязанной, по всей видимости, влиянию средневековых грузинских икон и фресковых росписей⁴, он бросает освобождающий вызов иерархическому миру, в котором живет, освящая принцип равенства, в силу которого цари, князья и крестьяне — все у него становятся равными, преодолевая возрастной барьер и различия профессионального, имущественного или семейного положения.

Именно фронтальный элемент, доминирующий в портретах Пиросмани, приводит нас к подобным обобщениям, ибо в отличие от профиля, имеющего индивидуализирующую, биографическую и феноменологическую функцию, фронтальность абстрагирует, универсализирует, устанавливая коммуникативную связь с тем внетекстуальным элементом, каковым является наблюдатель, который вписывается в текст посредством местоположения наблюдаемого. Профиль, напротив, не вызывает к нашему присутствию в качестве наблюдателей, поскольку он позволяет видеть себя одному взгляду, а не необходимо нашему взгляду⁵. Однако здесь следует заметить, что многие взгляды в профилях Пиросмани (вспомним «Семейный пикник», «Компания Бего», где человек, изображенный в профиль, держит в руке рыбу) ведут себя так же, как в портретах анфас, то есть смотрят на нас прямо, подобно зрителям, когда мы смотрим на них, устанавливая коммуникативный процесс, типичный для портрета анфас. Таким образом, мы можем утверждать, что по существу Пиросмани пытается избежать характеризующей портрет двухполярности, возводя понятие профиля в понятие фронтальности.

Пиросмани также изображает своих персонажей в положении, которое может рассматриваться как посредствующее между этими рассмотренными основными двумя типами. Речь идет о портрете в три четверти. Начиная с Ван Эйка, портрет в три четверти приобретает глубину, которая не имела ни в его фронтальной форме, ни в профильной. В этой глубине вступают в отношения верхний план фигуры и нижний, создавая иллюзию ее движения в пространстве⁶. Эта динамическая видимость, приобретаемая фигурой, обязана перспективному взаимодействию между фигурой и пространством со значитель-

ными последствиями для портрета, состоящими (здесь мы ограничимся наиболее важным) в переходе от практики неподвижности к теории действительности. Этот эффект предполагает в свою очередь радикальное изменение и во временном плане, поскольку момент застывшего действия в портрете не является более сверхвременной сущностью: теперь это — момент действия, которое предполагает временной процесс, то есть, некое прошлое и некое будущее. В европейской живописи Возрождения и далее портрет в три четверти завоевывает новое пространственно-временное измерение, неведомое портрету в профиль и анфас.

В портретах в три четверти Пиросмани этого радикального изменения, однако, не происходит. Главной причиной этого, думаю, является то, что Пиросмани использовал примитивную ограниченную систему перспективы (К. Зданевич утверждает: «Нико не изучал законы перспективы»⁷), не сравнимую, конечно, с утонченной техникой, которой владели великие европейские художники. Это вовсе не отнимает у портретов Пиросмани в три четверти их ценности, но помещает их в более значительное измерение его портретов в профиль и анфас, в которых преобладающим элементом является статуарный. Этот элемент только по видимости подразумевает понятие неподвижности; на самом деле Пиросмани вкладывает в свои портреты зрительные впечатления, определявшие творчество средневековых грузинских иконописцев и расписывателей церквей. Фигуры в портретах Пиросмани приобретают собственное движение, если они только не анализируются согласно законам линейной перспективы, но рассматриваются внутри того микрокосмоса, в котором они помещены и с которым взаимодействуют. Таким образом, также и портреты Пиросмани завоевывают другим путем, чем линейная перспектива, понятие пространства, движения и действия, находящиеся в основании европейского портрета от Возрождения и далее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этом нашем утверждении мы подкреплены многими авторами. Упомянем только: К. М. Зданевич «Нико Пиросманашвили», Москва, 1964, с. 58 и далее; Е. Д. Кузнецов «Пиросмани», Ленинград, 1975, с. 91 и далее, и Г. М. Хоштария «Творчество Пиросманашвили и его место в новой грузинской живописи» (Автореферат), Тбилиси, 1985.

2. Это понятие двухполярности оплодотворяет многие исследования по истории портрета. Особенно мы обязаны О. Calabrese, *La sintassi della vertigine: sguardi, specchi e ritratti, b La macchina della pittura*, Bari, 1985, сс. 113—143.

3. См.: М. М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва, 1965, с. 25

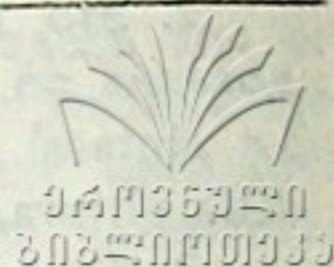
4. См.: К. М. Зданевич, *Цит. соч.*, с. 48.

5. О. Calabrese, *Цит. соч.*, с. 123.

6. См.: О. Calabrese, *Цит. соч.*, с. 125.

7. К. М. Зданевич, *Цит. соч.*, с. 52.

БЕЗ ДОЛЖНОЙ СЕРЬЕЗНОСТИ

В конце 1988 года издательство «Советская Россия» выпустило в свет книгу Я. П. Полонского «Проза» (тираж 300.000). Факт этот не может не радовать. Ведь проза выдающегося русского поэта давно уже не переиздавалась. Отрадно и то, что в книгу вошли и замечательные произведения Я. Полонского из жизни Грузии («Делибаштала», «Квартира в татарском квартале», «Тифлиссские сакли»). Книга хорошо оформлена, снабжена вступительной статьей и примечаниями составителя Э. А. Полоцкой. Казалось бы, все хорошо. Однако, читая вступительную статью, вернее те три с небольшим страницы, которые посвящены грузинскому периоду жизни и творчества Я. Полонского (1846—1851), с удивлением обнаруживаешь целый ряд досадных неточностей. Начать с того, что, если верить Э. А. Полоцкой, Я. Полонский «был помощником редактора газеты «Закавказский вестник», впоследствии известной под названием «Кавказ» (с. 6). Это нечто новое. Ведь до сих пор было известно, что «Закавказский вестник» и «Кавказ» — две разные, самостоятельные газеты, первая из которых издавалась (1836—1864) как официальный орган канцелярии наместника, а вторая (1846—1918) выходила в свет на первых порах (1846—1852) как частная. Во времена Я. Полонского «Закавказский вестник» редактировал П. И. Иоселиани, а «Кавказ» — О. И. Константинов. «Закавказский вестник» был газетой малоинтересной, по словам самого Я. Полонского, «губернской ведомостью, которую никто не читает». «Кавказ» же высоко ценили передовые деятели. «Долгом поставляем... обратить внимание читателей на прекрасную газету «Кавказ», — писал Н. Г. Чернышевский. — Это издание включает в себе драгоценные местные сведения о прошлой и нынешней жизни той любопытной страны, которой имя оно носит и, сверх того, сообщает все важнейшие сведения об остальной России и современных европейских событиях». Надо ли удивляться тому, что Я. По-

лонский, даже будучи помощником редактора «Закавказского вестника», многие произведения с 1846 года публиковал не в своей газете, а в независимом «Кавказе». «Пробегите все номера этой газеты, — писал он Г. П. Данилевскому, — и вы убедитесь, что в настоящее время это лучшая или по крайней мере одна из лучших газет в России. Если у вас в Петербурге не заинтересуются «Кавказом», — стыдно Питеру, а не мне, который никогда не прочь помещать в нем посильные труды свои».

Такое положение вещей, естественно, не устраивало самодержавные власти. И с 1852 года «Кавказ» стал выходить в свет от канцелярии наместника, по выбору которой назначались редакторы. Две официальные газеты были, разумеется, не нужны, и «Закавказский вестник», не выдержавший конкуренции с «Кавказом», в конце концов прекратил свое существование. Таковы факты, которые обязан знать каждый, кто пишет об истории русской журналистики в Грузии.

Дальше — больше. «Вместе с редактором «Закавказского вестника», историком-просветителем П. И. Иоселиани, — читаем во вступительной статье, — Полонскому удалось привлечь к работе в газете группу замечательных авторов разных наций... В «Закавказском вестнике» при Полонском сотрудничали русские — художник Г. Г. Гагарин, писатель В. А. Соллогуб, грузины — Г. З. Орбелиани, Г. Д. Эристави, армянин Хачатур Абовян, азербайджанец Мирза Фатали Ахундов, ...польский ссыльный Тадеуш Лада-Заболоцкий, ближайший друг Полонского по Тифлису» (с. 7).

Увы, ни один из деятелей культуры, перечисленных Э. А. Полоцкой, ни при Я. Полонском, ни до него, ни после него в «Закавказском вестнике» не участвовал. В. Соллогуб приехал в Грузию в 1850 году и свои произведения и статьи публиковал в «Кавказе» и в альманахе «Зурна»; художник Г. Гагарин в жанре газетного оформления вообще не работал; комедии М. Ф. Ахундова впервые были опубликованы в «Кавказе» в 1851 году, здесь же напечатаны его статьи «Положение турецкой армии под Багдадом в 1618 году» (1853), «Послания Закири» (1854) и др.; произведения Григола Орбелиани впервые были опубликованы на русском языке лишь в 80-х гг. прошлого века в «Новом обозрении», а отрывки из комедии Георгия Эристави «Раздел» — в 1850 году в газете «Кавказ» (последующие переводы его произведений публиковались с 1884 года); что же касается Х. Абовяна, то его рассказ в поддержку профессора Паррота был опубликован П. Сан-

ковским в 1831 году не в «Закавказском вестнике» (где Х. Абовян, как и Т. Лада-Заболоцкий, не печатался), а в «Тифлиских ведомостях»..

«...Полонский уехал весной 1846 года в Тифлис, — пишет Э. А. Полоцкая. — Здесь, наконец, он устроился более или менее сносно — сначала помощником столоначальника, потом, с сентября 1849 года, чиновником особых поручений в канцелярии наместника Кавказа М. С. Воронцова... У Полонского в Тифлисе, кроме службы в канцелярии наместника, было еще одно занятие: он был помощником редактора газеты «Закавказский вестник»...» (с. 6). Получается, что газета для русского поэта была лишь «занятием», каким-то «придатком» к его основной работе. На самом деле все обстояло далеко не так. С самого же начала приятель Я. Полонского И. Ф. Золотарев, занимавший немаловажное место в канцелярии наместника, предлагал ему должность в редакции журнала, который намеревался основать наместник М. С. Воронцов. Еще в октябре 1845 года Золотарев писал русскому поэту в Одессу: «Получил просьбу Вашу на имя наместника и... говорил об Вас с Сафоновым [начальником канцелярии], и от результата моего с ним изъяснения. Он советует Вам подождать решения журнального вопроса и окончательного устройства нашей канцелярии. Князя [М. С. Воронцова] ждем мы сюда на будущей неделе... Насчет журнала все решится с приездом князя... О том, чтобы поместиться Вам в канцелярии нашей с жалованием и на штатное место — пока... нет никакой возможности. У нас человек 5 служат и работают уже полгода без жалования и без штатных мест и, конечно, имеют быть первыми кандидатами». А в конце декабря 1845 года Золотарев писал Полонскому: «Наконец, в ноябре князь [Воронцов] отправил на утверждение в Петербург новые штаты местной типографии и соединенной с нею редакции «Закавказского вестника». По последней есть прекрасное, на первый взгляд, для Вас место помощника редактора и вместе корректора русского языка, должность эта в 8 классе, жалования 800 руб. и квартирные 240 руб. Итого 1040 руб. серебр[ом]. Поговорите об этом с Лораном и не замедлите выслать просьбу на гербовой бумаге...»

Я. Полонский ответил согласием. 30 мая 1846 года на его имя поступило отношение новороссийского генерал-губернатора, в котором, в частности, говорилось: «г. Наместник кавказский, вследствие просьбы Вашей о желании поступить

на службу в штат канцелярии... изволил определить Вас помощником редактора «Закавказского вестника».

Таким образом, Я. Полонский сразу же был назначен помощником редактора газеты «Закавказский вестник», а поскольку газета эта издавалась от канцелярии наместника, то Я. Полонский, естественно, был зачислен в штат этой канцелярии. Указанную должность он занимал до конца своего пребывания в Грузии, о чем свидетельствуют различные официальные документы. Поскольку поэту поручили впоследствии и составление статистических отчетов, он был назначен одновременно чиновником по особым поручениям.

Обо всем этом подробно говорится в книгах «Армения в творчестве Якова Полонского» (1963) и особенно «Я. П. Полонский в Грузии» (1966) грузинского ученого И. С. Богомолова, которого Э. А. Полоцкая называет «знатоком кавказских лет жизни Полонского» (с. 482) и на работы которого ссылается. Но, как видим, указанные книги прочитаны Э. А. Полоцкой не очень внимательно. Иначе, чем объяснить следующее место из вступительной статьи: «Даже при его жизни повествовательные произведения Полонского не слишком интересовали критиков... Только академическая десяти томная «История русской литературы» (т. 8, ч. 2, М.-Л., 1956 — автор главы В. Н. Орлов) впервые удостоила внимания прсзу Полонского. В единственной до сих пор монографии о жизни и творчестве поэта — книге П. А. Орлова «Я. П. Полонский» (Рязань, 1961) широко цитируются статьи и воспоминания поэта, но художественная его проза не упоминается, если не считать нескольких отрывков мемуарного характера из романа «Дешевый город» (с. 4). Но ведь упомянутая книга И. С. Богомолова «Я. П. Полонский в Грузии» содержит целую главу — «Прозаические произведения Я. П. Полонского о Грузии» (с. 146—174), являющуюся первой попыткой анализа его грузинской прозы.

Или вот еще вопрос, возникающий при чтении вступительной статьи. «В годы жизни на Кавказе, — пишет Э. А. Полоцкая, — Полонский «успел написать и опубликовать только два «грузинских очерка» — так он назвал их на склоне лет, включая в состав полного собрания сочинений, которое издавала его деятельная вторая жена Жозефина Антоновна: «Делибаштала» и «Квартира в татарском квартале» (с. 8). А несколько ранее автор пишет: «В 1847—1848 годах он [Полонский] печатал сначала анонимно первые свои опыты в повествовательной форме. Это начало повести «Тифлисская ночь»,

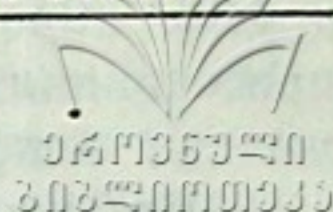
с описанием прогулки двух писателей, и рассказ «Два незнакомца — живой и мертвый», где кроме повествователя — два героя: русский «лишний человек» и грузин Луарсаб, человек из народа» (с. 7). Так сколько же рассказов написал и опубликовал в Грузии Я. Полонский: два, три или больше?

Таких неточностей во вступительной статье к книге предостаточно. Разве не странно звучит, к примеру, следующая фраза: «Ему [Полонскому] выпал случай услышать знаменитого азербайджанского (Полонский называет его персидским) певца Сатара, точнее Саттара...» (с. 6). Позвольте, а как в 1851 году должен был называть поэт этого певца? Или вот еще: говоря о том, что в 1851 году Я. Полонский уехал в отпуск в Петербург, Э. А. Полоцкая добавляет: «По безденежью он выехать из Петербурга не смог — и решился остаться навсегда. Да и не очень-то, наверное, ему хотелось обратно в Тифлис» (с. 9). Представьте, что хотелось. И об этом писал сам Я. Полонский: «Воротиться на Кавказ я не мог — на дорогу не хватало денег, занять было не у кого, и я послал в Тифлис просьбу об отставке. Признаюсь, послал не без невольного сожаления».

Именно невольное сожаление испытываешь, читая вступительную статью Э. А. Полоцкой. Сожаление за тех более чем 300.000 читателей книги, которые получили далеко не полное и порой неверное представление о Полонском и его прозе.

Виктория ПЕГАДЗЕ

ПРОДАЕТСЯ... ГРУЗИЯ?

Несколько лет назад мне принесли изданную в 1976 году книгу К. Таргамадзе и В. Хихрадзе «Лесные ресурсы Грузинской ССР» (издательство «Сабчота Сакартвело», тираж 1000 экз.).

Имеющаяся в ней таблица свидетельствует, как изменялись на протяжении пятилеток площадь общей территории республики: в 1946 году она составляла 8.285,7 тысяч гектаров; в 1951 году общая площадь республики увеличилась до 8.418,3 тысячи гектаров (прибавилась площадь Клухорского района 132,6 тысяч гектаров); в 1956 году было 7.586,3 тысяч гектаров; в 1961 году — 7.266,9 тысяч гектаров; в 1973 году — 6.981,8 тысяч гектаров (см. «Лесные ресурсы Грузинской ССР», с. 46). В книге ничего не сказано о конкретных причинах сокращения территории, нет никакой ни оценки, ни мотивизации этого факта. Имеет место лишь незначительный комментарий, представляющий собой общую фразу «А общая площадь территории сократилась из-за уточнения границ с соседними с Грузией республиками» (с. 49).

С кем бы мне ни пришлось говорить по этому поводу, воспринимали этот факт с недоверием, усматривали в нем статистическую неточность. Словом, все тут же вспоминали о статье Конституции Грузинской ССР, согласно которой границы республики неприкосновенны.

То, что на заре Советской власти Государственная Комиссия по инициативе Ленина отдала земли, принадлежавшие Грузии, — России, Осетии, Азербайджану и Армении, — факт известный. Кроме того, почти четверть грузинской территории (юго-западная Грузия) отдали за Крым Турции. Все это незаконно было узаконено созданной в 1924 году Конституцией СССР, согласно которой территория и границы «суверенной» республики неприкосновенны.

Но эта статья Конституции потеряла силу закона, когда в 1944 году черкесов выселили из Клухорского района (Теберда), а на эти места переселили грузин и представителей

других народов. Территорию района в 132 тысячи гектаров присоединили к Грузии, никого об этом не спросив. Какая уж тут неприкосновенность государственных границ!

Но, как оказывается, территория Грузии постепенно урезалась центром и постепенно уменьшалась, поистине, как «шагреновая кожа» (Р. Миминошвили. «Не верь», «Ахалгазрда Иверизели», 20.3.90 г.).

Нельзя не учесть и то, что при сознательном попустительстве бюрократического аппарата Грузии внутри республики была развернута торговля земельными участками.

Достоверность же данных, опубликованных в вышеупомянутой книге, проверить, согласитесь, в ту пору было почти невозможно. Но, как говорится, властвуют времена... Когда в 1989 году в Грузии заговорили о незаконном присвоении земель, я вновь попытался обратиться к этой проблеме, но к данным из этой книги снова все отнеслись с недоверием. По собственной инициативе я обратился в Научно-исследовательский институт географии, ответа на волнующий меня вопрос я получить не смог, мне лишь порекомендовали обратиться в Главное управление землеустройства. Не могу сказать, что меня там встретили очень приветливо, но как пришедшему от имени Народного фронта, не могли с легкостью отказать и показали ежегодные балансы, начиная с 1950 и до 1958 года. В этих балансах отмечаются изменения площади территории республики в течение года. В начале каждого года Главным управлением составляется докладная записка для представления в Совет Министров. Именно эти записки и прилагаются к указанным балансам. Согласно этим документам общая территория Грузии в 1950 году составляла 8.251,1 тысячи гектаров, где 613,6 тысяч гектаров есть земли, взятые в долгосрочную аренду у соседних республик (в основном, пастбища), то есть фактически собственная территория Грузии была 7.648,6 тысяч гектаров. В 1951 году территория общего пользования Грузии за счет взятых в долгосрочную аренду земель увеличилась до 8.418,3 тысяч гектаров. Конечно, собственная площадь республики осталась неизменной, то есть 7.648,6 тысяч гектаров. В балансе 1955 года (с. 7 докладной записки от 3 февраля 1956 года) показано, что в связи с передачей Клухорского района (132,6 тысяч гектаров) Ставропольскому краю в распоряжение РСФСР перешли 402,1 тысячи гектаров, то есть у нас отрезали втрое большую площадь, чем была до этого присоединена. Словом, выхватили 265,5 тысяч гектаров земли, являющейся собственно грузинской.

Всем известно, что в 1956 году была построена Дарьял-ГЭС, и строительство этой ГЭС стало еще одним поводом для отторжения наших земель. В связи со строительством ГЭС из Казбекского района в распоряжение РСФСР перешло 82,4 тысячи гектаров, а из Душетского района — 147,5 тысяч гектаров, и все это согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР (см. баланс 1957 года, с. 2 докладной записки).

Как видим, с 1951 и до 1958 года Российская Федерация незаконно, то есть с нарушением конституционных прав, присвоила 499,4 тысячи гектаров, а с учетом и Клухори — 632 тысячи гектаров, что равно территориям Аджарской автономной республики и Юго-Осетинской автономной области вместе взятым.

По балансу 1958 года территория Грузинской ССР все еще была 7.016,6 тысяч гектаров, но на сегодня по энциклопедическим или каким-либо другим официальным данным она составляет 6.970 тысяч гектаров, то есть с 1958 года по сегодня опять было отторгнуто 46,6 тысяч гектаров. Но каким образом, когда и по каким мотивам — я установить не сумел, так как возникшее в процессе работы противодействие не позволило продолжить исследование, хотя считаю неотложным делом — выяснить этот вопрос до конца, придать гласности, сделать этот прискорбный факт достоянием широкой общественности.

Не исключено, что расхищена еще большая площадь, чем та, о которой мы знаем из официальных документов. Тщательным изучением этого вопроса должны заинтересоваться специалисты, компетентные лица с возможностями доступа к необходимым документам во всех инстанциях, поскольку каждый вершок родной земли, политей кровью наших предков, — есть боль и забота каждого грузина.

Придон ГОДЗИАШВИЛИ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Днипро»

ЦЕРЕТЕЛИ А. Р. Избранные произведения: Стихи, поэмы, проза, статьи. Составитель Р. Ш. Чилачава. — Киев, 1990. — 660 с. — 2 р. 70 к. 4500 экз. — На украинском языке.

«Хеловнеба»

ДЖАВРИШВИЛИ Русудан. Альбом. Вступительная статья И. Абесадзе. Тбилиси, 1990. — 143 с., иллюстрации — 9 р. 10 к. 5000 экз. — На грузинском, русском, английском языках.

ХАХУТАШВИЛИ Димитри. Альбом. Вступительная статья С. Лежава. Тбилиси, 1989. — 171 с., иллюстрации, 5 р. 60 к. 4000 экз. — На грузинском, русском языках.

«Издательство Тбилисского университета»

ВАЧНАДЗЕ Н. З., АРСЕНИШВИЛИ Д. И. Эскизы к творческому портрету. Тбилиси, 1990. — 333 с., иллюстрации. — 2 р. 10 к. 5000 экз.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Рован АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 26.04.90 г. Подписано к печати 13.06.90 г.
УЭ 07593. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд.
л. 14,0. Тираж 7.300. Заказ 1018. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам подписки и доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06,59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

64/84

ИНДЕКС 76117
საქართველოს
საბჭოთავო

სოციალური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურა და ხელოვნება“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

